

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ исцеляющие(2)

Исцеляющие душу и тело сказки. Как научиться принимать и полюбить свое тело. Про вредные привычки и их влияние на наше тело. Про зависимости и нелюбовь

КНИГА ПРО ИСКУССТВО БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

<i>Содержание</i>	<i>страницы</i>
1. Бабушка Бессонница	2
2. Белочка	3
3. Бунт швейных машинок	5
4. В борьбе за мир	8
5. Вышел Ежик из тумана	11
6. Два Ангела	13
7. Душа моя (курение)	13
8. Дымная сказка	15
9. Злыдня	19
10. Знакомьтесь-Горилла (кто хочет похудеть)	22
11. Знать себе цену	24
12. Как переживания не превратить в ПЕРЕЖЕВЫВАНИЕ	25
13. Как похудеть	26
14. Когда жена худеет (дневник мужа)	27
15. Кощеевы сокровища	28
16. Магазин СЧАСТЬЯ	33
17. Море Благодарности	36
18. Немного о жизни и смерти	39
19. О зоне комфорта	41
20. О клевете	41
21. Орбитальная Станция	42
22. Охотник	45
23. Пивная сказка	50
24. После Потопа	52
25. Прекрасная Лебедь	57
26. Привет с большого бодуна	61
27. Приключение Пухлика	66
28. Прощание	68
29. Пьедестал Почета (комплекс Отличника)	70
30. Связанные	73
31. Сказка про Зеленого Змия	75
32. Сны КОРОЛЕВЫ	81
33. Страшная сказочка для взрослых	82
34. Убить Ведьму	84
35. Усыпляющая сказка	91
36. Шоппинг	95
37. Я не моя боль	96

БАБУШКА БЕССОННИЦА

- Ой, кто здесь? Кто?

- Тише, тише! Это я, бабушка Бессонница. Я тут давно сижу, а ты только заметила. Не кричи, всех домашних перебудить.

- Бабушка Бессонница?

- Да-да-да, это я. Прихожу к тем, кто не спит. Ты же вот не спишь?

- Не сплю, хотя очень хочется... Бессонница у меня. То есть, выходит, ты. Так может, тебе уже пора? Ушла бы, а? Уже дело к утру, дала бы поспать... А то я по ночам не высыпаюсь, а потом весь день брожу, как во сне.

- Да мне-то что? Спи! Ты ж сама не хочешь.

- Я-то очень хочу, только не получается. Уже измучилась вся. Ни таблетки не помогают, ни пустырник, ни овец считать. Мысли тревожные в голову лезут, от бессонницы-то.

- Нет, как раз наоборот, это не мысли от меня, а я от мыслей. Ты сама подумай, чем у тебя голова забита?

- Ну, о детях думаю, о внуках. Беспокоюсь, как там они. Все ли хорошо, нет ли опасности какой... А то ведь мало ли что? Вдруг нападет кто? Или ключи от дома потеряют? А еще могут в плохую компанию попасть. Или заболеть. А какие болезни-то сейчас пошли! Птичий грипп, свиной... Гепатит С! Их даже лечить еще толком не могут. А если осложнения? Можно оглохнуть, или печень посадить...

- Стой, стой! Ну чего ты несешь? Дети ж твои живы-здоровы, чего и тебе желают...

- Вечером вроде были. А завтра – кто его знает? Мало ли что? Вот и беспокоюсь, не сплю... А как про детей все передумую, начинаю про жизнь. А вдруг технологическая катастрофа где случится, или ДТП с многочисленными жертвами? Вдруг трубы прорвет или военные атомную бомбу проморгают? Вдруг на нас Америка нападет или колорадский жук картошку на корню съест? Страшно...

- Слушай, ну и чего ты делаешь? Ночь, тишина, звезды с неба смотрят, желания людские улавливают. А ты им что посылаешь, какие просьбы? Чтобы с детками твоими чего плохого случилось? Или вообще мир рухнул? Нет, не понимаю я тебя...

- Так если бы ты не приходила, я бы спала себе и ничего такого не думала. Я и то иной раз встану, пойду дела какие поделаю, или просто так у окна посижу. Все равно не уснуть... Замучила ты меня, бабушка Бессонница!

- Да это не я тебя, это ты меня замучила! Я бы, может, тоже поспала – а раз ты не спишь, и мне сидеть рядом приходится.

- Получается, обе мы с тобой несчастные. И что делать?

- Был бы день, спели бы. А так – перебудим всех. Только разговаривать и можно, и то шепотом. Может, все-таки уснешь?

- Нет, сна ни в одном глазу. И опять всякие страшилки в голову лезут. Теперь еще больше, потому что ты меня напугала: а вдруг накликаю, и сбудется все?

- Беспокойная ты. Нельзя так. Слушай, а раз уж ты все равно обо всех беспокоишься, может, тебе наоборот делать?

- Это как?

- Ну, не плохое сочинять, а хорошее.

- Что-то не пойму...

- Да все просто. Вместо того, чтобы страсти всякие представлять, воображай что-то очень приятное. Ну, например, как плохая компания ждет-пождет, чтобы твоего внука завлечь, а он каждый раз идет другой дорогой и с ними вовсе не встречается. Или как ключи потерялись – и тут же нашлись, в соседнем кармане. А с ними вместе – и колечко, которое еще в прошлом году куда-то подевалось.

- Ну так это ж неправда будет?

- А те ужасы, которые ты придумываешь, разве правда? Но если об этом думать постоянно – очень даже может ею стать. Так лучше уж тогда о хорошем...

- Да, о хорошем-то лучше... Только ведь не все от нас зависит? Вон, говорят, глобальное потепление уже началось, ледники тают, а вдруг опять Всемирный Потоп?

- А вдруг нет? Ты-то хоть своими мыслями эту вероятность не увеличивай! Кончай страшные сказки придумывать, лучше волшебные сочиняй. Хоть какая-то польза от твоих ночных бдений будет.

- Ох, достала ты меня, бабушка Бессонница! Ну тебя вообще! Ладно, попробую. Чего ж делать, если все равно не спится?

На первую ночь про хорошее думать плохо получилось – все время мысли на прежнюю колею соскакивали. На вторую – уже получше. А потом вообще пошло дело: ей даже стало нравиться придумывать всякие волшебные события, которые могли бы случиться с ее родными и близкими, а также и со всем миром. И самой ей гораздо спокойнее стало. А однажды приснился ей сон. И видит она во сне качели, увитые цветами и виноградом, а на них сидит – кто бы вы думали? – бабушка Бессонница! Раскачивается, ногами болтает, как маленькая. И говорит ей:

- Ну вот, хоть во сне с тобой поболтать! А то тебя и не застанешь. Ты или сказочную реальность выдумываешь, или спишь без задних ног.

- Я? Сплю? У меня ж бессонница!

- Ага! Была! Да только вся вышла. Ты что, не заметила, что каждую ночь, как начинаешь свои сказки сочинять, так в самом скором времени и сама в них уходишь, а дальше они уже тебе просто снятся.

- Да? Не заметила... А я-то думаю, чего это я себя так хорошо чувствовать стала?

Оказывается, высыпаясь! Ну, чудеса!

- Знаешь, когда к человеку Бессонница приходит? Когда у него жизнь без снов – сплошная суровая реальность с элементами триллера, и на душе только тревога да переживания. А ты теперь по-другому мыслишь, с огоньком и выдумкой!

- Ага, это что ж теперь выходит, у меня жизнь как сон, а сон как жизнь?

- Точно! И я, бабушка Бессонница, тебе больше не нужна. Пойду к тем, кто все еще беспокойный. Научу их, как со мной бороться. Я ж не вредная, просто работа такая...

Автор: Эльфика (Ирина Семина)

БЕЛОЧКА — антиалькогольная сказка от Марины

Я вчера поздно пришла с работы, проверка видите — ли. Целую неделю сидят до 12 ночи, криминал в моей бухгалтерии ищут. Ну и я с ними. Куда ж им без меня. Устала очень.

По дороге домой зашла в магазин, купила бутылку вина, ну там сыру, фруктов. Нужно же снять напряжение. Оно, напряжение и вправду накопилось и звенело во мне как натянутая струна – вот, вот лопнет. Вобщем, расположилась я в 1-м часу ночи, да всю эту бутылку уговорила – не заметила даже как. Тут меня, как водится, на слезы, сопли потянуло. Затянула про свою жизнь никчемную, никому ненужную, ну прочую уничтожительную душещипательную чушь, которая лезет в голову пьяному человеку. Как доплыла до кровати помню смутно. Помню юркнула под одеяло, выключив свет на автомате.

Проснулась от того, что меня кто-то тряс за плечо. Гляжу, свет кругом, ну думаю, проспала. А надо мной белка склонилась. Да не какая-то там серенькая малютка, а просто гигантская, раза в 1,5 больше меня рыжая белка с пушистым хвостом, которым она как веером обмахивалась. Во думаю, допилась, белки сниться стали. А та вдруг говорит человеческим голосом: — «Вставай и пошли», да так грозно мне свои зубки показывает, что я не посмела послушаться. Встала, халат на себя накинула, «Ты кто?», спрашиваю.

А она даже удивилась: — «Как кто? Белочка я твоя – подружка закадычная, к тебе горемычной приставленная, для болезни твоей поставленная».

- Так я вроде, не больна.

- Больна, больна, говорит, — Иди за мной.

Я тупо поплелась за ней. Привела она меня в какой-то зал, а там все со своими белками прогуливаются. Моя куда-то свинтила, меня одну оставив. Стою, оглядываюсь. Мама дорогая, каких только бабищ здесь нет – жуткие с фингалками, опухшие до синевы, тощие как ведьмы, кашляющие как туберкулезники, кривые, хромые и у каждой своя белка. Белочки тоже все разные, у кого хвост ошипан, у кого мех молюю поеден, которая тощая, которая толстая, которая рыжая, которая пегая – вобщем, полный абсурд. Я даже себя ущипнула, больно оказалось – не сплю значит. Тут забила барабанная дрожь, сцена залилась светом и на нее вышла моя белка и говорит:

- Уважаемые дамы (это я к белкам обращаюсь) и сопровождающие их особы в непотребном состоянии (это к Вам, пока еще женщины) сегодняшний банкет по поводу избрания новой королевы считаю открытым. Все захлопали. – Сейчас Вас ждет угощение, а потом выборы.

Я ничего не понимала. Вдруг откуда ни возьмись, появились столы, а на них батареями водка, коньяк, вино, ликеры там всякие – любой вино-водочный магазин отдыхает. Тут все «дамы» бросились к столу – смотрю, белки поводки достали и каждая свою тетку на поводок пристегнула. Чего тут началось.... Враз захлопали бутылки с шампанским, сверху какое-то спиртное рекой полилось. Все визжат, кричат, рюмки и фужеры в рот опрокидывают, едой давятся, прямо из горлышка пьют. Поводки путаются, тетки дерутся, а белки в стороне стоят за них дергают и смеются.

Тут ко мне моя белка подошла, спрашивает : — «Чего не пьем, давай иди» и поводок достает. «Это ж то, чего ты хотела. Смотри – никаких проблем, кроме одной – чего бы еще выпить такого, чего не пробовала. Хотя чего они тут только не пробовали и коньяк за 3000\$ и вино за 200000 рублей, толку то, после пары другой рюмок им все равно становится. Пьют и не пьянеют».

- А чего, говорю, они тут такие страшные.

- Так которые пострашнее, они тут завсегдатай. Пьют много, болеют много, опять пьют, потом уходят.

- Ой, говорю – вон кого-то потащили

- А это допилась уже одна, к концу вечера их тут человек 15 будет

- Что значит, допилась? — спрашиваю.

- А все значит...

-А я то зачем здесь, я же не такая.

- Ну как же не «такая», это только пока еще не такая. Видишь, вон та тощая девица, что вино хлещет, тоже так говорила, когда сюда в 1-й раз пришла, килограмм 90 весила, теперь вот уже 50 – печень разлагаться начала, еще раза 2 от силы выдержит и все, белка у нее видишь какая гигантская, чем больше белка, тем меньше хозяйке осталось.

Я с содроганием взглянула на размеры своей белки, в голове зашевелились нехорошие мысли.

А белка продолжала: — Сначала Вы люди, главные, а потом уж наше время начинается. Ты же вон тоже молодая, здоровая, при внешности, а все свои удачи и неудачи вином заливаешь, все шуткуешь с жизнью-то, все набело переписать думаешь. Да ошибаешься сильно. Распухла вон до 100 килограмм, рожа алкоголички, отекая, да опухшая, без слез не взглянешь. А ведь красавица была, умница. А все виноватых вокруг ищешь, правде в глаза посмотреть боишься, счастливой без вина себе быть не позволяешь. Жалеешь себя, да ленишься много. Все обвиняешь всех, а сама то истинной жизни избегаешь. Замуж хочешь, а мужиков распугиваешь запахом противным, да агрессией изливаемой неконтролируемой. Как взглянешь, рублем подаришь. Где нежность взгляда, где желание быть любимой, где радость от всего того, что ты имеешь. Нету. Всем недовольна, все раздражает, на всех рычишь и все вокруг мерзкими да противными кажутся. Все только мешают, все вокруг дураки, лишь ты одна умная».

Я стала усиленно отпираться, дескать я не такая, я не алкоголичка, а только изредка пьющая, и всего-то один раз выпила ночью.

- Ага, говорит белочка, 1 раз на неделе, пока в понедельник, другой раз будет во вторник, а потом еще в среду и четверг, ну и выходные прихватим. Вот это по нашему, по беличьи.

Впрочем, пей сегодня праздник, королеву новую выбираем, прошлая то загнута вчера. Я вот освободилась, за тобой пришла. Сейчас выбирать начнем.

Вновь заиграла барабанная дрожь, столы исчезли. Нетвердо стоящие на ногах тетки и девицы повисли на своих белках. Я опять осталась одна. Моя белочка скакала по сцене с микрофоном и громко кричала.

- Уважаемые белки и их приспешники, объявляю новую королеву нашего благородного собрания». Засверкали огни, заискрились в воздухе петарды и прожектор высветил МЕНЯ. Все захлопали. Моя белка мигом очутилась рядом и потащила меня на сцену, где на меня водрузили корону из бутылок и вручили букет засушенных гвоздик. На сцену вкатили ванну с шампанским и белка стала махать на меня лапками, дескать полезай в ванну. А все кругом орали, визжали, хлопали и скандировали:

-КОРОЛЕВА БЕЛОК! КОРОЛЕВА БЕЛОК!

Я пятилась назад, белка наступала, двигая меня к ванной. Я почувствовала, что вот-вот упаду, передо мной мелькнули зубы, хвост и я куда-то полетела.

Очнулась от удара, смотрю, сижу на полу у себя в комнате, никаких белок и в помине нет. Вся потом облилась от ужаса и страха. Смотрю, шкаф открыт, а оттуда все мною выпитые пакеты да бутылки из-под спиртного вытащены – 7 штук насчитала. Ужаснулась. Все их в пакет собрала и тут же на помойку вынесла.

С той поры расслабляться вином что-то охота пропала, пить расхотелось окончательно и бесповоротно. В спортзал пошла, в бассейн записалась. А чтобы результат трезвой жизни закрепить, пошла и заказала себе праздничную ленту «КОРОЛЕВА БЕЛОК». Как только выпить захочется, быстрее ее на себя надеваю – всякая охота сразу пропадает. Ну их, этих белок!!!

АВТОР: Марина

БУНТ ШВЕЙНЫХ МАШИНОК

Антонина пребывала в горе. За неделю — третий бытовой прибор отказывался работать. Г на прошлой неделе дважды приходилось мастера вызывать. Никогда еще такого не было!

— Сначала швейная машинка закапризничала. Потом микроволновка самовольно отключаться стала. А теперь вот и холодильник начал трястись, как припадочный! Это просто безобразие какое-то! — сердито бормотала Антонина. — Интересно, почему у других все работает, как часы??? Одна я какая-то... несуразная.

Тут Антонине стало еще грустнее, потому что она вспомнила, что действительно несуразная. Она и в зеркало смотреть из-за этого не любила: отражало оно не то женщину, не то конный памятник Петру Великому — так ей казалось.

Здесь Антонина, прямо скажем, слегка преувеличивала. Ну высокая, ну плотная, ну килограммов десять сверх принятой нормы имеются — но все симпатично так, естественно, даже соблазнительно местами. Но ведь давно известно: если женщина захочет в себе изъян найти, то обязательно найдет! А нету — так придумает. Вот Антонина и придумала себе, что она громоздкая, как старинный комод. Или даже буфет. В общем, непривлекательная!

Из-за этого горя Антонина постоянно изводила себя диетами, гимнастикой, таблетками для похудения-и самоедством. Но даже самоедство не помогало: фигура как была монументальной от рождения, так и оставалась такой же. Уже это делало жизнь Антонины нервной, а тут еще кругом столько стройных, легконогих девчонок с осиной талией, которые, как назло, на глаза попадают! Завидовала им Антонина, что скрывать. Переживала и втайне думала, что готова полжизни отдать, чтобы вот такую фигурку иметь.

И вот однажды Антонина, ужасно расстроившись после очередного подхода к зеркалу, плюхнулась в кресло и жалобно проговорила:

— Нет, так дальше невозможно! Почему, ну почему я не миниатюрная??? Нельзя быть такой несуразной! С этим надо что-то делать!

И вдруг ей неожиданно ответили. Холодильник «Индезит» припадочно затрясся и нервно захлопал дверцей, как челюстью:

— Да! Ты совершенно права, детка! На все сто! Я тоже так думаю!

— Простите? — опешила Антонина, уставившись на холодильник.

Вот взять меня! Ну как люди могли создать такое уродство? — патетически продолжал холодильник

— Огромный. Громоздкий. Три камеры! Кошмар!

— Почему кошмар? — не выдержала Антонина. — Очень даже удобно! Я как раз такой холодильник и хотела — большой, вместительный... А каким тебе еще быть???

— Не надо меня утешать! — вскричал «Индезит». — Я знаю, я сам видел в магазине, что существуют маленькие, компактные холодильники, чуть больше тумбочки. Да что там далеко ходить — вон у соседей «Бирюса», лапочка же просто, Дюймовочка!

— В эту «дюймовочку» кастрюля супа и кочан капусты вмещаются, а больше места нет, — сердито возразила Антонина. — Они, между прочим, давно о таком вот «Индезите» мечтают — большом и вместительном.

— Нет, нет и нет! — отрубил «Индезит». — Все! Сажусь на диету! А если не поможет — я просто умру!

— Не надо умирать! — испугалась Антонина. — Это ж мастера придется вызывать, деньги платить... Ты меня-то пожалей, а?

— А чего пожалей? — подала голос Микроволновка. — Я тоже вот не удалась.

Маленькая... Приземистая... Объемная... Кубышка какая-то просто! В чайнике отражаться стыдно!

— Ну что за глупости? — расстроилась Антонина. — А какой же тебе быть? Ты же микроволновка! Это оптимальная для тебя форма! Ну конечно, скажешь тоже, — не поверила Микроволновка. — Оптимальная форма — это, например, у Вентилятора. Ножка стройная, длинная. Голова большая, выразительная. Очень изящный прибор! И я хочу быть такой же!

— Ну и я тогда скажу! — объявила швейная машинка «Чайка» с ножным приводом. — Я тоже недовольна своим внешним видом. Ну что это за тумбочка??? К чему это? Мне хочется быть тонкой и звонкой! И чтобы мною все любовались! А то я какая-то квадратная и совершенно непривлекательная! Не буду работать, пока не приведу себя в порядок!

— Так, это что тут такое? — сдвинула брови Антонина. — Бунт швейных машинок??? Где-то я читала про такое, но никогда не думала, что это на самом деле бывает! Прекратите немедленно, я вам запрещаю!

— Никто не сможет запретить нам совершенствовать фигуру! — наперебой возмущенно заверещали бытовые приборы. — Мы не остановимся, пока не примем изящные формы!

— Но погодите! А как же я вами буду пользоваться? — запротестовала Антонина.

— А никак! — вызывающе объявил «Индезит». — Объявляется Бунт Швейных Машинок!

— Да что вы себе позволяете??? — вскричала Антонина. — Вы созданы такими, чтобы людям было удобно вами пользоваться, понимаете??? Вы такими от природы задуманы!!!

— Ну и что? — возразила Швейная Машинка. — Ты тоже такой вот от природы задумана, но тебя же это не останавливает! Целыми днями только и разговоров о том, как бы похудеть, измениться, привести фигуру в порядок, стать миниатюрной, и все такое прочее. Всех уже замучила! Телефон вон в депрессию впал, ты в него часами ноешь и жалуешься. Весы напольные подумывают покончить жизнь самоубийством через самозаклинивание! Ты ж с них не слезаешь, по десять раз на дню взвешиваешься, и все недовольна.

— Ну, я — другое дело... — начала было Антонина, но Микроволновка ее бесцеремонно перебила:

— То же самое! Никакой принципиальной разницы. В общем, Бунт Швейных Машинок начинается!

И в следующий миг Антонина увидела, как ее бытовая техника начинает на глазах видоизменяться.

Холодильник последний раз вздрогнул, а потом стал уменьшаться в размерах. Про дверцу он, видимо, забыл, потому что она недовольно хрустнула и отвалилась. Теперь холодильник был Антонине до пояса и сузился до невозможности. «Даже кастрюля не войдет!» — прикинула на глазок Антонина.

Микроволновка же, напротив, вытянулась в длину, отрастила длинную ножку, скруглила форму духовки и теперь колыхалась где-то под потолком.

— Я стройняшка! Я летаю! — ликующе распевала она.

Швейная машинка поднатужилась — и ее деревянная тумба с треском раскрылась во все стороны, как цветок, а сама машинка немыслимым образом изогнулась в вопросительный знак и нахально спросила:

— Ну как? Так вот гламурненько выходит?

— Вы чего? — спросила ошалевшая Антонина, озираясь по сторонам. — Вы сума сошли?

— Не больше, чем ты, — захохотал Телефон, который тем временем преобразовал провод с трубкой в змею — по виду, смертельно ядовитую гадюку болотную. — Не будешь больше в меня ныть, что хочешь быть миниатюрной!

— Надо звонить в милицию! — от отчаяния взвизгнула Антонина и метнулась к телефону. Трубка, завершившая трансформацию, вскинула голову, разинула пасть и зашипела. Антонина с воплем отскочила — пасть была снабжена четырьмя устрашающими зубами и черным раздвоенным языком.

Взгляд ее упал на любимейшие напольные весы, которые демонстративно свернулись в трубочку, а потом еще и в двойной морской узел завязались.

— Хватит! Нароботались! Баста! Да здравствует Бунт Швейных Машинок! — пробурчали Весы, поудобнее устраиваясь у плинтуса.

Антонина металась то туда, то сюда, лихорадочно соображая, как пресечь это буйное помешательство местного масштаба. Но так ничего и не придумала. Тогда она поступила

чисто по-женски: плюхнулась в кресло и заплакала.

Женские слезы обладают магической силой: они утихомиривают мужчин, эмоции, стихии и даже бунтовщиков. Так вышло и тут: мятежная техника постепенно затихла, перестала раскачиваться и выеживаться, и воцарилась тишина, в которой были слышны только отчаянные всхлипывания Антонины.

— Антонина! — осторожно позвал ее Холодильник. — Ну ты чего? Что случилось-то? Так вроде весело было!

— Не надо плакать, — поддержала из-под потолка Микроволновка.

— Жизнь наладится, — смущенно сказал Телефон.

— Ага, наладится? — сквозь слезы проговорила Антонина. — А как я теперь жить буду, когда у меня дома ни одной нормальной вещи нет?

— Ну как это нет? — ответил Холодильник. — А мы? Мы же просто изменили конфигурацию, а так-то мы есть!

— Да как вы не понимаете? — в отчаянии заломила руки Антонина. — Каждой вещи необходима своя конфигурация! В зависимости от функций! Ну вот как я смогу пользоваться круглой микроволновкой, да еще на такой высоте??? Что я смогу поставить в такой холодильник? Только кабачок, да и то если вертикально! На швейной машинке теперь ничего не сошьешь! На такие весы не встанешь, они же плоскими должны быть! А уж про телефон я и вовсе не говорю — я на него и смотреть-то боюсь, не то что подойти! А ведь я вас так любила!!! Зачем вы это сделали, ну зачем???

— Но мы же просто действовали так же, как и ты, — растерянно заговорил «Индезит». — Ты же тоже недовольна своими конфигурациями. На себя смотреть не любишь, фигуру все время ругаешь. Ну и вот...

— А мы просто все это постоянно наблюдаем, — добавила Микроволновка. — Мы думали, что так и надо!

— Вещи со временем становятся похожими на своих хозяев, — сообщила Швейная Машинка. — Если ты себя не любишь — ну и мы к себе так же относимся.

— А когда кто-то себя не любит — он начинает выходить из строя, — проскрипели Напольные Весы, откатившись от плинтуса. — Вот ты говоришь, что нас любила. Но себя-то не любила, да?

— Но я такая громоздкая... — начала Антонина и тут же, поперхнувшись, умолкла.

— Так я не понял: конфигурация все-таки дается в зависимости от функций или как? — ехидно спросил Холодильник. — Или у тебя для нас одна мораль, а для себя другая?

Антонина замерла, потому что совершенно растерялась.

— Ты нас уговариваешь быть такими, какие мы есть, — пояснили Весы. — А сама? Все еще хочешь решительно переkreить фигуру? Стать легкой и невесомой? Может, в топ-модели податься?

— Или все-таки примешь себя такой, какая есть? — предложил Телефон. — А то я больше не вынесу твоей самокритики! Сколько можно!

Антонина подумала, вышла на середину и обратилась сразу ко всем. Уважаемая бытовая техника! Послушайте меня, пожалуйста! Благодаря вам я кое-что поняла. Я была не права. То есть я правда хотела, чтобы у меня была другая фигура! Я все время завидовала всяким дюймо-вочкам, но как-то не понимала, что мне все равно никогда не стать такой же. Ну да, у меня высокий рост, и широкая кость, и плотная я. Ну так я всегда такая была! Такая уж природная конфигурация. Но она мне не нравилась, понимаете? Просто душа бунтовала!

— Понимаем, — согласился «Индезит». — Бунт Швейных Машинок, чего уж там! Смятение души...

— Хотите сказать, что у меня в душе тоже такие вот узлы скручиваются? — вдруг сообразила Антонина.

— Да уж наверное, — предположили Весы, которые пыхтели и бренчали, пытаясь развязаться из морского узла. — Если ты собою недоволен, такие узлы порой завязываются — мама не горюй! Замучишься распутывать!

— В общем, я так больше не хочу! — объявила Антонина. — Давайте мы с вами все примем ту форму, которая нам при рождении дана! И будем жить в гармонии с миром и друг с другом.

— Да ладно, конечно, — загалдела бытовая техника. — Мы же что? Мы думали, тебе так

нравится — конфигурации менять. А раз ошиблись — так мы мигом восстановим порядок.

Швейная машинка собрала свой «знак вопроса» и приняла горизонтальное положение, стенки-лепестки снова сложились в тумбу. Микроволновка втянула ножку, восстановила свой симпатичный параллелепипед и заняла местечко на рабочем столе. Холодильник стремительно рванул вверх, на ходу прилаживая дверцу. Весы расправились в привычный плоский блин.

— Ой, как хорошо стало! — огляделась Микроволновка. — Ну прям лучше прежнего!

— А телефон??? — спохватилась Антонина. Ой, прости, засмотрелся, я сейчас! — встрепенулся Телефон и стал превращать змею обратно в провод.

— Какие мы все красивые! — проговорила Швейная Машинка. — И хозяйка наша — ну просто супер! Слышь, Антонина, это я про тебя!

— Слышу, — отозвалась Антонина. — Мне тоже нравится. Вы такие милые! И я, пожалуй, тоже ничего. Вот смотрю в чайник — и ничего, симпатично отражаюсь! Буду учиться принимать себя и окружающих таким, какие есть! Только давайте договоримся: чур, больше не бунтовать!

В общем, бунт Швейных Машинок окончился мирным соглашением. Как, впрочем, рано или поздно заканчиваются все мятежи и войны — неважно, случаются они в большом мире или во внутреннем. Главное — захотеть этого самого мира

Автор: Эльфика

В БОРЬБЕ ЗА МИР

Явился как-то к Лейкиной Ангел Смерти. Она бы, может, и не догадалась, что это он — на вид ангел как ангел, светозарный такой, с нимбом и крыльями. Но он сразу ей представился:

- Ангел Смерти, очень приятно познакомиться!

- Еще чего, приятно... — заморгала Лейкина, уронив мышку от компьютера. — Что за глюк такой странный?

- Я не глюк, а посланец. Оттуда, — и Ангел для наглядности ткнул пальцем в вверх.

- За мной, что ли? — обмирая, охнула Лейкина.

- Нет-нет, я не за тобой, а совсем по другому поводу. В Небесной Канцелярии мониторинг провели, на предмет борьбы за мир. Так вот, ты — в первой шеренге самых активных борцов.

- Ой, да что вы! — зарделась-застеснялась Лейкина. — В первой шеренге, скажете тоже... Что я там могу? Я ж не политик, не воин, не общественный деятель — так, скромный рядовой невидимой битвы. Петиции подписываю, комментарии оставляю...

- Ну-ну, не надо скромничать! — говорит Ангел. — Твоя интернет-активность по актуальным политическим и социально значимым вопросам чрезвычайно высока — за последний год ты высказалась прямо и нелицеприятно по всем сколько-нибудь значимым инфоповодам. Можно сказать, борешься, не покладая рук! Вернее, мышки.

С этим Лейкина была совершенно согласна. Она считала себя социально активным человеком и неутомимым борцом за мир. Сейчас, слава Богу, имеется такая удобная штука, как интернет: благодаря ему каждый может не только быть в курсе последних событий, но и высказать свое мнение об этом. Ведь как ты можешь замыкаться в своем маленьком благоустроенном уютном мирке, когда в большом мире столько зла: воруют, воют, обманывают, угнетают, убивают? А Лейкина всей душой радела за мир во всем мире, вот и вносила посильный вклад.

- А тебя не напрягает — все время в борьбе? Устаешь же, наверное? — спросил Ангел.

- Некогда уставать, — бодро заявила Лейкина. — Надо мир спасать. Если не мы, то кто же?

- Но ты в свои комменты столько энергии вкладываешь, что просто удивительно — откуда она берется?

- Так из ненависти и берется! — пояснила Лейкина. — Ненавижу насилие во всех его проявлениях. И равнодушие ненавижу. Если мы все будем молчать, тогда мир вообще погибнет! Потому и высказываюсь. Действую исключительно из любви к человечеству.

- Понятно. Тогда есть приятная новость: в качестве вознаграждения за твои неустанные труды по установлению мира во всем мире Небесная Канцелярия решила материализовать твой вклад в дело мира. Так сказать, поощрения для и наглядности ради!

- Правда? – задохнулась от восторга Лейкина. – Что, прямо вот сейчас? И установится мир во всем мире?

- Ну, это вряд ли, — с сомнением сказал Ангел. – Впрочем, к чему слова – давайте приступим! Ребята, заноси!

Мгновенно комната наполнилась другими ангелами, которые стали молча и деловито заносить длинные черные пластиковые мешки.

- Что это? – опешила Лейкина.

- Плоды твоей борьбы за мир. В материальном эквиваленте. Коллеги, складировать компактнее, в штабеля. Сначала вдоль стен, и поплотнее, а то места не хватит. В комнате странно и неприятно запахло. Лейкина принялась: пластик, хвоя, гвоздики, земля, тлен... неприятные ассоциации вызывал этот запах.

- Что это? Пахнет, как на кладбище, — с неудовольствием поежилась она.

- Так это и есть кладбище, — пожал плечами Ангел Смерти. – Твое личное Кладбище Любви к Человечеству.

- Что? – растерянно спросила Лейкина. – Какое такое «кладбище любви к человечеству»? Это о чем?

- Да все просто. Давай-ка по твоим комментариям пройдемся. Вот, здесь у меня записано: «Ворье, жулики, хапуги! Как их только земля носит? Всех их нужно к стенке, без суда и следствия!». Писала такое?

- Писала! Но ведь они этого заслужили?!

- Заслужили-заслужили. Вот они, заслуженные, возле батареи сложены. Теперь дальше: «На их совести гибель детей и стариков. Таких, как они, надо отдавать на растерзание диким псам!». Твой комментарий?

- Да, но...

- Нет-нет, все в порядке, никаких «но». Это мешки вон там, у шкафа. Открывать осторожно – псы были очень дикие и к тому же голодные. Продолжим: «Своими руками бы этого подонка задушила». Ну, пусть не твоими руками, но исполнено. Под стол положили.

Тут Ангел Смерти на минутку оторвался от чтения – его сотоварищи как раз заносили целую грудку небольших мешков, в руках по два-три помещались.

- Коллеги, детей складывайте вон туда.

- Ка...каких детей? – в ужасе выпучила глаза Лейкина.

- А вы разве не помните? Вот, зачитываю: «Из-за этих уродов каждый день гибнут дети. Пусть то же самое случится с их собственными детьми, тогда они, возможно, что-то поймут».

- А...

- Выполнено, можете сами убедиться. Я вам даже помогу мешочек расстегнуть – посмотрите, убедитесь.

- Нееееет!!!! – завопила Лейкина, отпрыгивая к стенке. – Это полный бред! Прекратите надо мной издеваться!

- Ну что вы, как можно! – искренне огорчился Ангел Смерти. – У нас и в мыслях не было вас как-то обижать. Напротив, все ваши пожелания исполнены, причем буквально. Мы думали, вы обрадуетесь.

- В-вы... вы что??? – Лейкина даже зажмурилась от возмущения. – Я вам что, людоед или маньяк какой-нибудь кровавый? Да для меня жизнь человеческая – абсолютная ценность! Я любое насилие по определению ненавижу! Да я, если что, за эту идею готова биться до последней капли крови... ой!

С ближайшего мешка гулко шлепнулась крупная тяжелая капля, и Лейкиной даже страшно было представить, что это такое.

- Вот именно – «ой»! – мрачно подтвердил Ангел. Вся его приветливость-услужливость куда-то улетучилась, и теперь он выглядел суровым и печальным. – Вот они, твои «абсолютные ценности», штабелями сложены. Ты смотри, смотри, не закрывай глаза-то!

- Зачем вы все это ко мне притащили? – пролепетала Лейкина. – Я же никого не убивала!

- Зачитываю, — неумолимо поднял к глазам листок Ангел Смерти. – «Жаль, что мысль нематериальна, а то я бы быстро навела на земле порядок и вычистила всю шваль, которая

грабит народ и развязывает войны». Вот, пожалуйста, теперь твоя мысль материальна, и вся, так сказать, «шваль» зачищена.

- Но я же не то имела в виду! – в изнеможении простонала Лейкина. – Я же образно говорила, просто чтобы выразить свое отношение...

- Так ты и выразила, — и Ангел широко повел рукой, указывая на зловещие мешки. – Ненавидишь насилие, говоришь? Верю. Вон сколько ненависти – складывать уже некуда. Весь твой внутренний мир, как вот эта комната, наполнен смердящими мешками с ненавистью.

- Мммм... — простонала Лейкина, в отчаянии озираясь по сторонам. Кладбищенский запах становился невыносимым.

- А мысль, к сожалению, все-таки материальна, — продолжал Ангел. – Если ты транслируешь в мир ненависть (неважно, к чему или к кому!), как ты думаешь, куда она девается?

- Я не знаю...

- Она остается в мире. Ты ее выпустила – она уже существует. Носится в воздухе, отравляет атмосферу... соединяется с чужой ненавистью... Копится, создает напряжение, и рано или поздно провоцирует какой-нибудь конфликт. И если бы ты одна была такая активная... А ты не представляешь, сколько людей сейчас посылают в мир энергию ненависти, и у каждого своя правда и свои враги. Если бы ваши мысли действовали мгновенно, вся планета давно была бы ледяной пустыней. Под предлогом «борьбы за мир» вы уничтожаете друг друга своей ненавистью, и ты – в первой шеренге.

- Но не я же придумала войны... это же не я! Это происходит во всем мире, повсюду! Если кто-то решил развязать конфликт, я же не могу повлиять!

- Но на свои мысли-то ты повлиять можешь? – спросил Ангел. – Ты вот гневно клеймишь агрессоров, а сама такая же, как они. Ты точно так же жаждешь их крови, как и они твоей. Они хотят «почистить планету», и ты тоже. У вас мышление одинаковое. Чем же ты лучше? Лейкина подавленно молчала. Хотелось бы, конечно, возразить, но эти мешки... Трудно что-то говорить, когда твои мысли становятся вещественными доказательствами.

- Помнишь, ты говорила, что черпаешь энергию в ненависти? Так ты еще и войнам энергию поставляешь, через свои весьма агрессивные комментарии! Говоришь, мира хочешь, а сама каждый день воюешь. Лучше бы носки вязала, что ли... Или цветы разводила... В общем, переключила бы свою энергию в мирное русло!

Ангел Смерти безнадежно махнул рукой и сел на пол, прислонившись к стене. Лицо его вдруг стало очень человеческим.

- Если бы ты знала, как я устал, — пожаловался он. – Почему никто не хочет понять, что «борьба за мир» – это нонсенс? Тут уж или борьба, или мир. А вы, люди, за мир готовы друг друга укокошить. И все ведь «из любви к человечеству»! Готовы заполнить все пространство этими жуткими мешками с ненавистью, похоронить все то, что не вписывается в вашу концепцию мира. А концепция, между прочим, у каждого своя, и в нее всегда кто-нибудь, да не вписывается.

- Но мы же должны как-то стараться изменить мир к лучшему, — робко возразила Лейкина.

- Не таким способом, — покачал головой Ангел Смерти. – Если хочешь что-то изменить, начинать всегда нужно с себя. Только так, и никак иначе.

- И что, мне теперь со всем этим жить? – спросила Лейкина, удрученно озирая заполнившие комнату мешки. – Или я должна теперь всех их похоронить? Всех, кому желала смерти? Лейкина в полном смятении чувств устала на мешки. Такой груз ненависти казался ей совершенно неподъемным, и как со всем этим быть, она не представляла.

- Да ладно, не мучайся, — сказал Ангел. – На самом деле нет там никаких трупов. Просто мешки, набитые всякой бесполезной трухой. Для наглядности. Чтобы было понятно, каковы масштабы бедствия.

Ангел щелкнул пальцами, и мешки пропали – как и не бывало. Лейкина шумно выдохнула и бессильно сползла по стене.

- Господи, благодарю... Ой, как хорошо в доме-то стало... чисто, светло, просторно!

- Ясное дело, просторно! Любовь проистекает через душу свободно, а ненависть оседает тяжким грузом. Хочешь, чтобы «светло и просторно» – расставайся с этим всем, освобождай место для жизни.

- Хочу! Очень хочу! И что мне делать?

- Чистить мир, — посоветовал Ангел. — Только не большой мир, а для начала свой внутренний. Избавиться от этого «груза 200». От ненависти избавиться. Не желать зла ближнему. Я уж не говорю «возлюбить» — для начала хотя бы перестать желать зла. Энергию можно брать не только из ненависти, поверь мне. Из любви ее брать гораздо приятнее!

- Но разве можно любить тех, кто сеет зло?

- Можешь не любить. Но хоть сама-то зло не сей! Это же ты можешь?

- Это – могу, — подумав, сказала Лейкина. — Вы не беспокойтесь, я понятливая. Особенно когда вот так, наглядно. Мне вот этой похоронной конторы в душе не надо. Буду чистить.

- Я рад. Могу отправляться назад с легкой душой, — кивнул Ангел. — Пожалуйста, впредь следи за мыслями и не делай ничего такого, чтобы к тебе прилетал Ангел Смерти.

- Да, а можно вопрос? Не по теме, но мне хочется знать...

- Задавай.

- Мне странно... Вы ведь Ангел Смерти, а почему тогда агитируете за жизнь?

- Предпочитаю забирать людей планоно, в срок, определенный свыше. Не надо его искусственно укорачивать. Слышите, люди? Я, Ангел Смерти, прошу: не надо мне помогать! Ни делом, ни мыслями...

И Ангел пропал, улетучился, как и не было. А Лейкина вздрогнула и очнулась. Оказывается, задремала прямо у компьютера. Ффу-хх, что только не приснится, если в долго в соцсетях зависать! Глянула на экран – все как обычно, открыто окно Фейсбука на статье с выразительным названием «Не простим!». Лейкина подумала и закрыла окно. А потом и вовсе выключила компьютер. Очень уж ей захотелось прямо немедленно уборку сделать. А то запах какой-то стоял странный, неприятный, едва уловимый такой...

И пошла Лейкина бороться за чистоту в своем родном, маленьком, отдельно взятом мире. Ведь если хочешь что-то изменить, начинать всегда нужно с себя. Только так, и никак иначе.

Автор: Эльфика

ВЫШЕЛ ЕЖИК ИЗ ТУМАНА

был густой, просто непроглядный, и я потеряла все ориентиры. Сначала я думала, что справлюсь сама и рано или поздно выбреду на белый свет, но вскоре отчаялась. «Эй, кто-нибудь! Я заблудилась! Спасите!» — уныло зывала я, но звуки вязли в тумане, как в вате. И вдруг в мою ногу в районе щиколотки ткнулось что-то мокрое и холодное, а я отпрыгнула и взвизгнула.

- Прости, пожалуйста, — пропыхтели снизу. — Не хотел тебя пугать...

- Кто это? — нервно спросила я, напряженно вглядываясь в туман.

- Кто-нибудь. Это же ты кричала: «Эй, кто-нибудь»? Вот, я тут.

- А как вы выглядите?

- Никак. Я ведь всего лишь мыслеформа. Соответственно, ты можешь мысленно придать мне любую форму, какая нравится.

- А если на самом деле ты совсем другой?

- Да какая разница? В тумане же все равно не видно.

- И правда, — немного успокоилась я. — Сейчас, придумаю... А можно, ты будешь ежиком?

- Можно. А почему ежиком? — поинтересовалась невидимая мыслеформа.

- Образ приятный. «Ежик в тумане», мультик такой есть, — объяснила я. — Я люблю ежеиков, они симпатичные и не агрессивные.

- Ладно, побуду Ежиком-в-Тумане, — покладисто согласился невидимый собеседник. — А ты тогда будешь Заблудшая Душа.

- Почему Заблудшая Душа? — удивилась я.

- Потому что для меня ты тоже мыслеформа. Ведь и я тебя не вижу и могу только представлять. Зато из этого может получиться интересная история – про Ежика-в-Тумане, который спасает Заблудшие Души. По-моему, очень романтично...

- Ага, романтика, скажешь тоже! Туман сплошной – аж озноб по телу. А ты можешь вывести меня отсюда? — с надеждой спросила я.

- Возможно. Вопрос только в том, куда ты хочешь попасть.

- Да хоть куда! Куда-нибудь, где нет этого противного, липкого тумана.

- Странная ты, — удивился Ежик. — Зовешь «кого-нибудь», хочешь попасть «куда-нибудь»... Совершенно размытые представления! Напустила тут тумана, понимаешь ли...

- Ты ошибаешься. Я не напускала, я в него забрела!

- Сначала напустила, а потом забрела, — не согласился Ежик. — Мы сами создаем себе среду обитания. Так что туман твой, и только твой.

- Ничего он и не мой! Не я же его придумала! Впрочем, что спорить-то, какая разница?

- Огромная, — удивился Ежик. — Если это туман твой — ты можешь им пользоваться. А если чужой — не можешь.

- Ну, хорошо, — немного подумав, сказала я. — Пусть это будет мой туман, хоть это и не так. Предположим, я его напустила. Что дальше?

- Не знаю. А что ты хочешь?

- Чтобы он куда-нибудь исчез!

- Опять «куда-нибудь»? Нет в мире такого адреса — «куда-нибудь»! Есть совершенно конкретные, понятные и определенные места. Вот и определись: куда?

- Ох, какой же ты зануда, ежик! — вздохнула я. — Хорошо: пусть туман идет в болото! Там ему самое место.

Я подождала — ничего не произошло.

- Ну вот, я так и знала, — уныло сказала я.

- Как знала, так и вышло, — прокомментировал Ежик. — Если ты заранее настроена на неуспех — он обязательно случится. Но есть еще предположение: может быть, что твоя жизнь — это и есть болото?

- Сплошное болото, — призналась я. — Давно уже ничего нового не происходит. Все по кругу. Все, что собиралась, сделала, чего добивалась — свершилось. А будущее какое-то зыбкое, туманное...

- Вот-вот! — обрадовался Ежик. — Значит, ты сейчас находишься в собственном будущем.

- Ну ничего себе — будущее! — ахнула я. — Хорошенькая перспектива — серая невнятная муть! Хочу в настоящее!

- Настоящее — это там, где ты сейчас, — подсказал Ежик. — А будущее тебя окружает в виде этого самого тумана.

- Это что же получается — выхода нет? — похолодела я. — Ой, мне страшно!

- Туман не страшный. Страшно то, что в нем прячется. Обычно это наши страхи, а особенно — страх перемен. В твоей жизни явно пришла пора что-то поменять, а ты боишься — вот и отгородилась туманом, чтобы оправдать свое бездействие. Все можно списать на туман... Разве нет?

- Нет, конечно! — воскликнула я. — То есть, наверное, да. Но что же делать?

- Строить свое будущее! — жизнерадостно посоветовал Ежик. — Немедленно, не откладывая!

- Но из чего же я буду его строить?

- А туман на что? Это же прекрасный материал для творчества, лучше даже, чем пластилин! Берешь туман и лепишь из него все, что хочешь. Как в детстве, помнишь?

- Так когда это было! Я давно повзрослела, и все стало монументальным и незыблемым, практичным и устойчивым.

- А ты вернись в детство! Когда старое полотенце могло стать волшебным плащом, а щепочка — корабликом. Поиграй с туманом. Поиграй со своим будущим! — и Ежик снова ткнулся холодным носиком в мою ногу.

- Ай! — подпрыгнула я. — Прекрати немедленно, я тебя боюсь!

- А я, между прочим, твой спаситель, — укоризненно заметил Ежик. — Единственное существо, протянувшее тебе руку помощи. Ой, я же Ежик! Тогда правильнее сказать «лапку помощи»? «Ладка помощи» меня развеселила, а потом мне вдруг и вовсе стало смешно. Действительно, самое страшное — это бесконечно бродить в тумане. Все остальное можно, по крайней мере, попробовать.

Я зажмурилась и вспомнила, как было в детстве. Там было здорово! Ведь все дети умеют строить миры, а взрослые почему-то об этом забывают...

Откуда-то из глубин памяти всплыла считалочка:

Вышел ежик из тумана,
Вынул ножик из кармана...

И тогда я зажмурилась, вынула из кармана воображаемый ножик и стала нарезать туман на аккуратные кирпичики и складывать стены своего будущего. Мысленно я раскрашивала их в разные цвета, так что будущее получалось ярким и радужным. Я очень старалась!

А когда я открыла глаза...

Туман отступил, а передо мной стоял прекрасный дворец с арками и цветами – все, как придумывалось. Да, такое будущее вызывало только радость и желание к нему стремиться. Пусть это была всего лишь модель, но я сумею воплотить ее в жизнь!

- Ежик, посмотри! – позвала я. Но рядом никого не было.

Ежик-в-Тумане испарился. Наверное, в тумане бродило еще немало Заблудших Душ, и их тоже надо было спасать. «В будущем обязательно заведу себе ежика», — подумала я. Ведь так здорово, когда у тебя рядом всегда есть «лапка помощи»...

Автор: Эльфика

Два Ангела

Заговорили как-то два Ангела о людях. Младший Ангел очень хотел стать человеком, но переживал, что у него не получится. А старший говорил, что человеком может стать каждый Ангел.

"Что если, - размышляли они, - обратиться к Старейшему Духу, дабы Он разрешил нам на некоторое время стать людьми, о которых так много слышали мы." На том и порешили.

Пришли они к Старейшему Духу с этой просьбой. А Дух им и говорит:

"Будет по-вашему. Но коль понравится вам людьми быть, оставлю в образе человеческом лишь того, кто по прошествии трёх лет сумеет человеком в сердце стать. А для этого надобно познать бескорыстие сердца человеческого".

Согласились на это Ангелы и отправились в новом облике каждый в разные стороны.

Прошло три года. Ангелам очень понравилось быть людьми, и теперь наступил долгожданный день, когда можно было остаться в лике человеческом навсегда.

Первым о своём познании сердца человеческого начал рассказывать старший из Ангелов:

"Старейший Дух, я познал бескорыстие сердца человеческого. За три прошедших года не было ни дня, в котором не совершал бы я добрых дел, что не нужны были мне, но нужны были другим людям. Каждое я помню, и о каждом могу рассказать".

После чего держал речь младший Ангел:

"Старейший Дух, к сожалению, я не уверен, что познал бескорыстие, ибо делал лишь то, что доставляло радость сердцу. Любое из совершённых мною дел было нужно в первую очередь мне, ни одно не шло в разрез с желанием моего сердца."

Выслушал ангелов Старейший Дух и говорит:

"Тот бескорыстие сердца человеческого познал, кто не делает добрых дел потому, что они нужны, но свершает любое из дел слушая сердце."

Поэтому, один из вас стал человеком, а другому ещё предстоит учиться."

ДУША МОЯ (курение)

Больше всего на свете я любила ее. Я была так к ней привязана, как ни к одному существу на свете. Мы всегда были вместе и расставались только на время сна. Я была готова бежать за ней хоть на край света, в любое время, даже в дождь или мороз. Я брала ее с собой везде – в гости, за город, в дальние страны. Если мы не общались больше часа – во мне нарастало беспокойство и желание как можно скорее снова встретиться. Нам было хорошо вместе, она была моя самая верная подруга. Разумеется, это не могло остаться незамеченным, и многие относились к нашей дружбе, мягко говоря, неодобрительно.

- Ты попала в зависимость, ты понимаешь это? — говорили мне.

Я понимала.

- Брось ее, пока не поздно, — советовали мне.

Я не могла. Не хотела!

- Она высасывает твою жизнь, отбирает молодость, она плохо на тебя действует, ты же можешь погибнуть, в конце концов! – вразумляли меня.

Все так. Но она давала мне намного больше, чем забирала. Я не могла бы объяснить, что именно, но я это отчетливо чувствовала!

Мы познакомились, когда мне было пятнадцать и понравились друг другу сразу, с первого взгляда, с первого прикосновения. С тех пор мы и не расставались. Менялись увлечения, возлюбленные, города, работы, круг общения – неизменной была только наша дружба. Я назвала ее «душа моя», и это не было фигурой речи – мне казалась, что мы с ней очень похожи: обе зыбкие, изменчивые, мимолетные, ускользающие, немного загадочные, со стройными вытянутыми телами, всегда окутанные некой туманной дымкой, недосказанностью такой.

Она не раз меня выручала. Я звала ее на помощь, когда мне бывало плохо, одиноко или неловко. Она всегда умела разрядить ситуацию, смягчить ее, сделать ее легкой и тающей, как облачко. Неловкая пауза в разговоре, неуверенность перед сложным экзаменом, отчаяние, когда что-то не получается, усталость от забот – всегда она была со мной и всегда помогала. А уж на отдыхе!!! Отдыхать с ней одно удовольствие. Она молчаливая, ненавязчивая и всегда меня понимает. Всегда, в отличие от многих других.

Единственное, что она требует – это чтобы я ее не забывала и хотя бы раз в час уделяла ей пять минут внимания. Хотя бы пять минут! Я чувствовала признательность к ней и забывала очень редко, но уж если это случалось, мной овладевало беспокойство, я начинала тревожиться и метаться, искать ее и стремиться к ней, и успокаивалась только когда ее вновь обретала. Одно прикосновение – и по телу уже разливается блаженное тепло. Да, да, от нее было столько тепла! Оно согревало мне душу.

А в тех местах, где я чувствовала себя неуютно, она умела мигом соорудить какое-то подобие домика, защитного купола, зонтик, под которым нам вдвоем было хорошо. И даже когда я выходила из-под этого зонтика, из этого дома, какое-то время еще сохранялось ощущение защищенности.

Я бывала близка со многими людьми, но ни к кому и никогда не была так привязана, как к ней. Душа моя...

Когда же все это кончилось? Не знаю... Просто наступил момент, когда я вдруг ощутила, что наше общение перестало доставлять мне удовольствие. Это было уже совсем не то. Раньше от нее у меня никогда не болела голова, а теперь вдруг это стало происходить. И хотя все между нами было по-прежнему, после каждой встречи оставалось какое-то неприятное послевкусие.

И в какой-то момент я задумалась: а так ли уж это нормально, что мы не можем жить друг без друга? Сколько же времени, сил, эмоций уходит на нашу странную, болезненную связь? Ведь получается, что если мы так сроднились, слились, то это действительно зависимость. Где тут она, а где я, и, может быть, она, «душа моя», действительно в какой-то степени овладела моей душой?

Я произвела опыт. Уехала на целую неделю, а ее с собой не взяла. Она осталась дома – одинокая, брошенная, непонимающая, что происходит. А я, трепеща от собственной смелости, уехала туда, где ей подобных нет и быть не может. В лес, где синее озеро, и зеленая трава, и большие деревья, и много людей, которые тоже приехали туда отдохнуть. Где я попробую наконец, а как это – жить без нее?

Не скажу, что мне это далось без труда. Разумеется, временами я вспоминала о ней и даже скучала, но тем не менее я выяснила, что могу обходиться и без нее. Вполне. Я гуляла, дышала, играла, смеялась, и голова стала ясная-ясная, как будто утренний туман рассеялся, и выглянуло солнышко.

Вернувшись, я сразу бросилась к ней. «Душа моя, как же я по тебе соскучилась! Как давно мы не общались...». Она лежала, вся такая заброшенная и, похоже, обиженная. Я схватила ее, припала к ней, вдохнула ее родной запах, и... Господи, что это??? У меня вдруг перехватило дыхание, и я закашлялась. В голове все поплыло, словно перед обмороком, а во рту стало горько-прегорько. Было ощущение, что меня отравили. Но кто? Она??? Моя верная подруга, спутница и наперсница? Душа моя...

Несколько неверных шагов до дивана, и я почти рухнула на него. Я тупо глядела на мою подругу, которая казалась теперь какой-то недоброй и отстраненной. Неужели она настолько рассердилась, что решила отомстить мне таким образом? «Это именно так, — подсказал мне мой ясный, продутый ветерком и прогретый солнышком мозг. — Причем она ВСЕГДА это делает».

«Не верь, — выдохнула она, и голос мозга стал тише. — Не верь никому, только мне. Где он был, когда ты страдала, когда чего-то страшилась, когда нуждалась в поддержке? Он помалкивал, а я была рядом».

«Я не помалкивал, это она все время туману напускает и нарушает связь», — попытался докричаться до меня мозг.

Но его голос таял и исчезал, меня уже окутывала привычная мягкая убаюкивающая дымка.

«Ты же не сможешь без меня жить, мы снова будем вместе, ты и я, неразлучные подруги, всегда, всегда... И ты опять будешь называть меня «душа моя», — шептала она.

- Стоп! — вмиг осипшим голосом выкрикнула я и отбросила ее. — Не стоит торопиться. Я должна сама во всем разобраться.

Я чувствовала себя плохо. В голове все крутилось, бронхи сдавило, рот стремительно наполнялся горькой слюной. Но я еще была в себе и прекрасно помнила, какой была для меня минувшая неделя — свежей, светлой, радостной. Никаких головных болей, никакой горечи, никакого... тумана. Непривычная неделя. Потому что... без нее?

И тогда я решилась.

- Мы должны расстаться. Навсегда. Вот так.

- Как — «расстаться»? Почему расстаться? Мы ведь уже столько лет вместе! Да в мире нет ни одного человека, с кем ты дружила бы дольше, чем со мной, разве нет???

- Есть. Есть такой человек. Это я. И ты вовсе не моя душа. Ты просто... сигарета.

- Ты ошибаешься! Я — твоя радость, твое счастье, твое спокойствие... Я — решение всех твоих проблем...

- Нет. Я провела неделю без тебя, и там были и радость, и счастье, и спокойствие. Я... я благодарна тебе. За то, что ты была со мной все эти годы. Но я тебя придумала. Понимаешь, это я придумала себе такой способ бегства от проблем! Я сама! А теперь я увидела и себя, и тебя другими глазами. Я — взрослый человек, способный нести ответственность за свою жизнь и решать свои проблемы. А ты просто бумажная палочка, набитая сушеной травой — легким наркотиком, затуманивающим мозги. Я не верю, что у меня такая душа.

Я ждала возражений, но она молчала. Я смотрела на нее и понимала, что она никогда больше ничего не скажет. Потому что злые чары развеялись, и передо мной была вовсе не задушевная подруга, а просто сигарета. Ничего более.

- Прощай, — сказала я своей последней сигарете, провожая ее в мусоропровод. — Моя душа — только моя, и я сама о ней позабочусь. Я смогу.

- Умница, — с облегчением сказал Мозг. — Мы сможем. Даже не сомневайся!

Автор: Эльфика

ДЫМНАЯ СКАЗКА

боль. Наверное, со мной приключился мгновенный обморок. Или, может, даже микроинсульт. А может, просто — переход в иное измерение. Иначе объяснить случившееся я не могла. Но все это произошло со мной на самом деле, ощущалось вполне реальным и впоследствии очень на меня подействовало. Впрочем, все это я осознала гораздо позже, а в тот момент...
... Кто-то похлопал меня по плечу.

- Эй, девушка! Ты что, не в себе? Открой глаза! Посмотри на меня, говорю!

Я открыла глаза. Прямо передо мной маячило чье-то встревоженное лицо.

- О, слава Богу! А я уж думал, умираешь.

- Нет... Я еще молодая...- с трудом разлепив губы, проговорила я. — Но что-то случилось. По моему, я в обмороке была. Или нет?

- Да кто его знает? Может, и была. Тут такая экология неблагоприятная, что иной раз и сам не пойму, жив я или мертв. Идти сможешь?

- Кажется, да... — решила я, пошевелив руками и ногами. — У меня все как-то плывет перед глазами...

- Ничего, я тебя провожу. Ты откуда сама будешь? — полюбопытствовал мой собеседник. — Что-то я тебя в этих краях прежде не примечал.

- Да местная я, с Красного бульвара, — ответила я, все еще пытаюсь прийти в себя.

- Это где же будет, возле Главной Артерии, что ли?

- Ага, примерно там, — кивнула я. Что за странный тип: не знает Красного Бульвара, который в нашем городке главная достопримечательность, и центральную трассу называет так высокопарно — Главной Артерией?

- Ну, пошли. Я тебя до Поджелудочной доведу, а дальше сама, а то мне в другую сторону. Мы-то сами издалека, с Коленной Чашечки будем, — сообщил он.

Я морщила лоб, пытаюсь сообразить, где в нашем городе расположена улица Поджелудочная и место под названием Коленная Чашечка. Почему-то все время всплывала картинка с чашей нового стадиона в районе новостроек. Да какая мне разница, где он там живет? Я плюнула и решила не напрягаться. Голова вроде не болела, но была пустой и гулкой, и мир все еще расплывался.

— Ходил вот родственников навещать, они в центре живут, в самом Сердце, — продолжал мой провожатый.

- Ну и как они там поживают? — ради вежливости осведомилась я.

- Да неважно там стало. Ослабло поселение, что и говорить. И динамики маловато, и с питанием все хуже и хуже. Застой!

- Везде застой, — согласилась я. — У нас вот тоже... Капитального ремонта который год ждем, а никто и не чешется.

- Капитальный ремонт — не дай Бог! — покачал головой он. — Это уже когда совсем все сыплется. У нас, слава Богу, пока жить можно, но косметический не помешал бы. А вот неподалеку от родственников райончик есть, где перерабатывающий завод и очистные сооружения — так там вообще дело труба.

- А чего так?

- Да у них там все время дым. Дышать нечем, и все черное от осадков. Сажа, понимаешь ли...

- Неужели у нас такой район имеется? Никогда не слышала.

- Да мы скоро как раз мимо него пойдем. Сама увидишь. Странно, что ты до сих пор не замечала. Со зрением-то как?

- Да вроде нормально. Но мне по сторонам смотреть некогда, знаешь, как это бывает: работа-дом, дом-работа... Остановиться некогда.

- Ох, знаю, — вздохнул он. — У нас тоже не посачкуешь. Впахиваешь, впахиваешь... А связки уже не те, и отложения солей — знаешь какие? Скоро вообще все производство встанет.

- Сочувствую, — искренне проговорила я. Надо же, везде один и те же проблемы.

- Вон, смотри, тот самый райончик, про который я тебе говорил, — кивнул он. — Сплошные заводы и трубы. Даже отсюда видно, как там все непрезентабельно.

Да уж... Там и впрямь было много труб, а меж ними какие-то заводские сооружения. Строения были серые и бурые, с черными потеками, как будто их не обновляли со дня постройки. Небо над ними — низкое, свинцовое и мрачное. Даже растения, произрастающие на той территории, выглядели серыми и пыльными.

- Ну и место! — вырвалось у меня. — Как тут люди существуют?

- Ко всему привыкаешь, — философски заметил мой спутник.

- А давай поближе подойдем? — попросила я. — Хочу рассмотреть.

- Тут небезопасно, — предупредил он. — Имей в виду, если тебя с непривычки накроет — можешь вообще в ящик сыграть.

- Да мы на минуточку. Если что — отбежим.

Мы подошли поближе. Вблизи вид района был еще более удручающим. Я разглядела, как на постройках дрожат какие-то неопрятные лохмотья, и по земле растекаются грязные лужи — то слизистые, то похожие на разлитый гудрон. Меж ними передвигались какие-то сутулые фигуры, видать, работяги, все в черном и темно-коричневом, и лица у них были угрюмые и озлобленные. На нас они не обращали никакого внимания.

- Это работяги с очистных. Говорят, им за вредность даже не платят, — насплетничал мой проводник. — Ни молока в достаточном количестве, ни абсорбентов, ни спецсредств. А вкалывают будь здоров — без выходных. В выходные даже еще больше работы. И отпуска им давно не дают. Вообще!

- Ничего себе! — ахнула я. — Это что же за беспредел???

- Когда хозяева только о своем удовольствии думают, ясное дело, тогда и беспредел. Пойдем отсюда, — дернул меня за рукав мой новый знакомый. — Не стоит здесь задерживаться. Мало ли что...

Но я вдруг обнаружила, что нечаянно наступила на что-то густое и липкое, и теперь не могла сдвинуться с места.

- Погоди, я сейчас, — сказала я, стараясь отодрать сапог от асфальта. — Тьфу, мерзость какая!

- Эээ, девушка, да ты в конденсат вляпалась, — встревожился мой спутник. — Стой смирно, я к тебе близко подходить не стану, а то и я влипну. Сейчас, найду какую-нибудь орясину подходящую и протяну тебе.

- А что за конденсат? — спросила я, но он не успел мне ничего ответить.

- Газы! — раздался многоголосый крик с той стороны, и я увидела, как люди из опасного района забежали, шустро кинулись к строениям, на ходу доставая из карманов и натягивая на себя маски-респираторы.

- Ну, попали! — в сердцах бросил мой попутчик. — Говорил же, не надо близко подходить. Сейчас и нам достанется.

- Чего достанется-то? — обеспокоилась я, задержавшись на месте, как прилипшая к клейкой ленте муха-цокотуха.

- Дым пошел, не чувствуешь, что ли?

И тут я поняла, что и правда — вся местность стремительно заволакивается дымом. Запахло противно — как в привокзальном туалете.

- Ну что там? — крикнула я. — Послушай, я боюсь!

- Ищу! Не дрейфь, я тебя не брошу! — ответил мне он. — Постарайся задержать дыхание, пережди — потом будет передышка.

- Ага-гха-гха... — закашлялась я.

Дышать было совершенно нечем, и я раскашлялась не на шутку.

- Эй, пришлые! Вы чего тут? Не слышали предупреждение, что ли? — крикнул кто-то со стороны очистных. — Газовая атака же!

- Да девушка тут увязла! — ответил мой спутник. — Надо бы как-то вытащить ее оттуда, подмогни, а?

- Сейчас, — буркнул тот и полез через ограждение. — Не дышите! Вторая волна идет! Вторая волна оказалась еще хуже первой. Видимость почти исчезла, запах стал и вовсе невыносимым.

- Держись, терпи! Это минут 5 будет длиться, потом полегчает, — сообщил работяга. — Как только кончится — вытянем тебя, не бойся.

- Ой, мамочки, — только и простонала я, едва успев отдышаться до третьей волны. — Да что ж у вас тут творится???

- Да эти хозяева сами не знают, что творят, — с досады сплюнул он. — Все, не дыши! И глаза лучше закрой, а то зрение упадет. Дым их разъедает.

Мне показалось, что прошла целая вечность до того, как чадный смрад стал рассеиваться. Я успела вдосталь надышаться этой гадостью, и у меня вышло некоторое помутнение в мозгу, поэтому я плохо запомнила, как они меня там вытаскивали. Но вытащили, хотя мои любимые итальянские сапоги и остались в луже конденсата.

- Ну ты как? — озабоченно спросил меня работяга.

- Плохо, — прохрипела я. — Жуткое место. Как вы тут вообще еще не разбежались?

- Дык мы ж с очистных, — пожал он плечами. — Если еще и мы разбежимся, все тут кругом погибнет на фиг. Тут знаешь какое задымление бывает? Иногда по несколько раз в час авралим. И вредные вещества лавиной прут — смолы, конденсат, канцерогены всякие. Надо все собрать, разложить на составляющие утилизировать, последствия ликвидировать.

- Что-то у вас с ликвидацией последствий плоховато, браток, — заметил житель Коленной Чашечки. — Вон как все уделано, глаза бы не глядели.

- Так не успеваем же! — махнул рукой тот, что с очистных. — Пока мы одно чистим, она уже следующую порцию дыма напускает. Захлебываемся! Уже и соседи жаловаться стали, что на них тоже задымление действует. Печенка вон давеча вообще бунтовать начала. Болеет она, вредно ей дымом дышать...

- А кто это «она», которая дымит? — спросила я.

- Хозяйка наша. Она тут всем владеет, ну и рулит, как сама пожелает. О последствиях не думает – ей, похоже, по фигу, что все остальные тут задыхаются к чертовой матери. Все прокоптила, зараза!

- Точно, зараза! – горячо согласилась я. – А вы бы на нее в органы написали!

- Так органы сами на нее и жалуются все время, – простодушно удивились оба моих спасителя. – Хозяйке никто не указ, это ж ее личные органы. Она ими и управляет, как заблагорассудится.

- Везде коррупция! – ахнула я. – Вот уже и органы все под хозяевами ходят...

- А ведь когда-то здесь цветущий край был! – мечтательно произнес местный. – Все свеженькое, розовое, воздушное! А кислорода-то сколько! Сплошной озон! Это еще когда трубы конденсатом не забились...

- А почему ваш конденсат на чужой территории? – вспомнил человек с Коленной Чашечки. – Мы ж вроде в опасную зону не лезли, поодаль проходили, а вот она все равно вляпалась.

- Опасная зона с каждым днем расширяется, — объяснил тот. – Хозяйка же не дает нам времени на генеральную чистку, а в режиме аврала попробуй, поработай! Только текущую и успеваем делать. Трубы уже ни к черту, там просто пробивать под давлением уже все надо, и промывать еще потом. Смола – она ж густая и липучая, с ней так просто не справишься. В общем, отдыхать некогда.

- Вот и мы с отложением солей мучимся, — согласно подхватил коленночашечник. – Откуда она и берется, эта соль? Залежи уже!

- Так все из-за дыма, — ответил работяга. – Он воду связывает, видать, соли-то ваши растворяются и перестали. От него вообще все трубы хрупкими становятся, словно стеклянные, того и гляди, лопнут! – такой он, понимаешь ли, злобный, этот дым.

- Ребята, а у вас закурить не найдется? – попросила я. – Очень уж я перенервничала, а своих не взяла.

- За-ку-рить? – отдельно спросил работяга, пристально уставившись мне в лицо.

- Ну да... сигарету, — немного растерявшись, уточнила я.

- Слышь, друг? Ты где ее нашел? – не отрывая от меня подозрительных глаз, спросил заводской. – Ты ее давно знаешь?

- Да нет, только что познакомились. Я ее на левой стороне подобрал, неподалеку от Сердца, ей там дурно стало. А что?

- А то, что сдается мне, она такая же, как наша Хозяйка, — медленно проговорил заводской. – А может, это и вовсе – она и есть?

- Хозяйка? – насторожился второй. – Думаешь?

- Предполагаю... Уж очень похоже! Курить ей, видите ли, хочется... Невмоготу ей... Дым, значит, в себя вводить, намерена. А что при этом внутри делается – наплевать, да? А как мы тут без отдыха и срока пытаемся внутренние органы спасти – по фигу??? А то, что сажа и копоть уже все Легкие забили – неважно???

- Да мы тут все скоро задохнемся! – взвизгнул коленночашечник. – И суставы окостенеют, с солями то!

- Братва-а-а-а! Все сюда-а-а-а!!!! Хозяйку поймали! – изо всех сил завопил заводской. – Погодь, сейчас мы тебе устроим собрание трудового коллектива... Значит, Сердце, Почки, прочие органы впахивают с тройной нагрузкой, а ты их гнобишь??? Последнего глотка свежего воздуха лишаешь??? Фрукты-овощи и то не каждый день, а молока и вовсе не получаем! Ну, погоди! Ты у нас за все ответишь!

- Печенку! Печенку позовите! – с азартом завопил мой спаситель. – Уж она-то про местную экологию все расскажет, бедолага!

Я увидела, как со стороны очистных сооружений несутся со всех ног темные фигуры, и их вид мне не внушал никакого желания познакомиться поближе.

- Нееееет! – в ужасе завопила я и со всех ног бросилась бежать – как была, в одних чулках.

- Держи ее! Не давай уйти от ответственности! – неслось мне в спину.

Я летела, не оглядываясь, и больше всего боялась, что меня сейчас догонят и растерзают. Если бы мой родной город и район кто-то довел до такого плачевного состояния – я бы первая вышла на улицу с транспарантом и била бы во все колокола. Но в данном случае обижаться можно было только на себя – я ведь действительно регулярно вводила в легкие

клубы смрадного дыма, и никогда не задумывалась, а каково там, внутри, моим органам, всем этим дышать?

Я тоже стала быстро задыхаться от быстрого бега (а что вы хотели от курящего человека???), в глазах у меня потемнело, и я, кажется, отключилась...

***

- Что это было? – с трудом разлепив губы, спросила я бог весть у кого. Я была все еще не в себе, а рука моя возила по тумбочке, пытаюсь зацепиться за что-то привычное и надежное.

Ага, вроде нащупала...

- Нет!!! – взвизгнула я, осознав, что по привычке тащу из пачки спасительную сигарету. Я так отшвырнула ее от себя, как будто это была мерзкая скользкая жаба. Да, собственно, так оно и было!

- Ну уж на фиг! – пробормотала я, мигом соскочив с постели. – Нет, нет и нет! Я – за чистый город и за чистые легкие.

- И чем ты меня, интересно, заменишь? – казалось, пачка ехидно ухмыляется.

- Не знаю! – гордо сказала я. – Но уж будь спокойна, что-нибудь придумаю. Пора заканчивать эту дымную сказку...

Я знала, что мне будет нелегко, но понимала, что могу и хочу все исправить и восстановить экологию в собственном организме.

- Я — за чистое небо! – твердо сказала я, выбрасывая пачку в мусоропровод. – Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Автор: Эльфика

ЗЛЫДНЯ

вселилась во мне Злыдня. Нет, так-то я белая и и: все пойму, всех прощу, где надо — смолчу, обиду проглочу. В общем, плюшевый зайчик, а не женщина! И откуда эта Злыдня объявилась — ума не приложу?!

Только вот стала я замечать, что иногда мне хочется заорать во всю глотку, высказать все, что наболело, шмякнуть, плюнуть и растоптать. Так меня, понимаете ли, все раздражать стало...

С утра встанешь — и сразу уже раздражаешься. Муж что-то речитативом бубнит, сын басит, свекровь третьим голосом подпевает, и всем чего-то от меня нужно — такая вот опера. На работу придешь — целый хор: сплошное жужжание, что почем да кто кого, и так до 18.00. С работы вернешься — муж по телевизору спортивный канал смотрит, стадион гудит, муж вслух комментирует... Сын музыку свою включит — «ды-дынц, ды-дынц», все мозги выносит. Свекровь вся такая приторно-ядовитая, как крысиный яд, ни слова без подковырки, кукует и кукует, только года мне в минус идут...

И ведь что характерно — раньше я как-то со всем этим жила, и ничего. А тут вдруг стала Злыдня из меня вылезать. Поднимет голову — и подстрекает меня на неадекватные действия. Ну, например, запустить в телевизор вазой — и чтобы оба вдребезги! Или налить в стереосистему водички и посмотреть, как она потом свое «ды-дынц» делать будет. А на работе карантин объявить, чтобы все марлевые повязки надели и хоть немного помолчали. А еще лучше — гранатой запулить, чтобы уж наверняка.

Это не я, это Злыдня мне такое нашептывает... И понимаю, что держусь я уже из последних сил, вот- вот начну все это в жизнь воплощать.

Злыдни я боюсь. Каждый раз, как она вылезает, я начинаю ее мысленно обратно запихивать и коленкой утрамбовывать, чтобы не дай бог никто не подумал, что Злыдня — это я. Но, конечно, не всегда получается. Время от времени бывает — сорвусь и ка-а-ак наору! Прямо до истерики. На работе, конечно, я себе очень редко такое позволяю, когда уж совсем край, а вот дома иной раз не сдержусь. И сама потом удивляюсь: повод-то обычно бывает какой-то мелочный, яйца выеденного не стоящий, а вот как понесет меня — так и не остановишь. А потом сама себя поедом ем, потому что стыдно, и чувство вины гложет. А семейство мое словно чувствует — начинают во мне эту самую вину подогревать и

раздувать, так что я потом себя и правда начинаю Злыдней чувствовать. Хотя она — не я!!! Я же хорошая, добрая по натуре, если бы не Злыдня — я бы никогда такого себе не позволила,

а она вот провоцирует...

И вот однажды после очередного срыва сижу я в гордом одиночестве и размышляю, как бы эту Злыдню в себе изничтожить. Чтобы не было ее вообще, чтобы не мешала мне быть белой и пушистой, окружающих собою радовать. Интересно, где во мне эта Злыдня сидит и как бы ее оттуда выковырять?

И тут случайно глянула я в зеркало, а там — о господи! — вроде я, а вроде и не я. Такая дамочка востроносая, с прищуренным глазом, с улыбочкой на один бок, будто что-то ехидное сказать хочет

— Это еще что такое? — ахнула я. — Неужто галлюцинация?

— Нет, — говорит, — не галлюцинация я, а твоя любимая Злыдня, прошу любить и жаловать. Ты меня хотела выковырять — ну так я не стала дожидаться, сама объявилась.

— Ах, вот как! — говорю, — Стало быть, ты и есть та сущность, что мне жизнь отравляет и в глазах общественности мое реноме по полу валяет. И откуда ты взялась, такая наглючая да агрессивная, и кто тебе разрешил во мне поселиться?

А она мне в ответ:

— Здравствуйте-подвиньтесь! Да я тут вообще с рождения прописана, потому как я — твоя неотъемлемая часть и имею полное право на самовыражение.

— Очень, — говорю, — здорово! Ты, значит, самовыражаешься, а мне расхлебывай? А то, что меня из-за тебя Злыдней за глаза зовут — это как вообще? Думаешь, приятно? Я ж не такая!

— Такая-такая, — расхохоталась Злыдня мне прямо в лицо. — Люди зря не скажут! Поскольку ты меня не замечала, подавляла, дышать мне не давала, я и разрослась. Специально, чтоб заметили!

— Да уж куда больше-то, тебя не заметишь, как же! — отвечаю я. — И чего тебе надобно, неотъемлемая часть?

— Мне — ничего, — и плечиками эдак пожала, — а вот тебе, как я понимаю, порою хочется разнести все вокруг вдребезги пополам, уничтожить, с землей сровнять и на этом месте новое построить. Можешь не возражать, я ж твоя жиличка и про тебя все знаю.

Конечно, я ей хотела выдать по первое число, что, мол, нет, ни о чем таком я не мечтаю, а потом думаю: «А чего врать? Так-то Злыдня близко к правде оказалась, порою хочется мне все на слом пустить и начать жизнь с чистого листа»

— Ане получится, — скалит зубы она. — Я-то никуда не денусь, с тобой останусь, значит, и по новой у тебя все так же пойдет. Неправильное решение!

— А какое правильное?

— С этого бы и начала, — говорит Злыдня. — Я ж, как и ты, тоже не вредная, а вовсе белая и пушистая. Ежели со мной по-хорошему, так я со всей душой отвечу и разъясню, зачем я тебе нужна и почему такая большая стала.

— Да? Ну, не могу сказать, что я тебе так уж и поверила, но послушаю со всем вниманием. Будь добра, расскажи!

— Сначала-то я была Здоровой Злостью, маленькой такой, компактной. Она каждому от природы выдается, чтобы сигнализировать о неудобствах. Разозлился на что-нибудь или на кого-нибудь — значит, неудобно тебе, некомфортно, надо меры срочно принимать. Как только положение изменилось — я сразу калачиком сворачиваюсь и засыпаю. А с чего тебе злиться, если все хорошо? Ну, а если ты не услышала, не увидела, хорошо себе не сделала — уж не обессудь. Ты в раздражении, а я им питаюсь. Для меня раздражение, что для тебя драже — раздуваюсь, как на дрожжах. А когда меня слишком много становится, ты меня уже так просто не задвинешь — я тебя сильнее становлюсь. И я из Здоровой Злости перерождаюсь в Нездоровое Самолюбие. Извини, ничего не поделаешь, природа моя такая.

— Ия заметила, что ты из-под контроля выходишь, — кивнула я. — Раньше-то я тебя подавить запросто могла, а теперь вот срываюсь. Ругаю себя потом, а ничего поделать не

могу — словно взрывает меня изнутри!

— Это я такая необъятная и всепоглощающая стала, вот наружу и прошусь, — объясняет мне Злыдня. — И не думай, что меня это радует. А просто работа у меня такая, и должна я ее честно выполнять Ага! Тебе — работа, а мне — полная хана! — говорю ей я. — Меня это тоже не радует. А нельзя сделать так, чтобы и тебе, и мне снова радостно было?

— Отчего нельзя? — отвечает моя Злыдня. — Можно! Если ты меня на диету посадишь, перестанешь меня раздражением пичкать, так я быстро похудею и снова стану миниатюрной, буду спать себе в уголке и сладкие сны видеть.

— А как же мне не раздражаться? — опечалилась я. — Целыми днями все эти «ды-дынц», «бу-бу», «жу- жу», «ку-ку», «го-о-о-ол!». Знаешь, как достает?

— Мне ли не знать, — ухмыляется Злыдня. — А только кроме тебя никто ситуацию не разрулит и к общему знаменателю не приведет. Давай, коллега, самоопределяйся.

— Так у них же тоже право на самоопределение есть? Мне только и остается — молчать, пыхтеть и злиться.

— «И злиться» — «излиться», — подсказывает мне Злыдня. — Ты не копи раздражение, а сразу изливай его в доступной форме. Чтобы мне меньше досталось!

— Да ты что! — испугалась я. — Ну как я свекрови скажу, что она — змея из семейства пресмыкающихся? В смысле, что сынок ее, а мой муж, перед ней всю жизнь пресмыкается, и я вместе с ним. Она меня тогда совсем заглотит!

— Аты в глаза и не говори, ты возьми чистый лист бумаги, да на него и излей весь свой гнев. А потом сожжешь и пепел по ветру развеешь. Считай, и освободилась!

— Ну, свекровь — ладно. А остальные?

— И с остальными также. Тебе что, бумаги жалко?

— Да не жалко, чего уж. Заведую такой гроссбух, назову его «Гневник». Ну, как «Дневник», только от слова «гнев». И писать в нем буду свои претензии. Как тебе идея Хорошая идея, — одобрила Злыдня. — А потом выдрала лист, пожалакала его от души, и сожги его. Излила душу-то, считай, гнев свое и отполыхал.

— Только это что же получается? — спохватилась я. — Ведь если снаружи ничего не поменяется, я только и буду, что Гневниксвой вести. Каждый день что-нибудь да случается! Я ж не могу телевизор выбросить, сыну музыку запретить, а свекрови рот заткнуть?

— Им — не можешь, а вот себе — за милую душу, — подсказывает Злыдня. — Да и с ними как-нибудь договориться можно. Подумай, ты ж умная!

— Слушай, а разве злость — это хорошо? Хотя бы и здоровая? Злиться — неправильно, неприлично и неестественно, — засомневалась я.

— Все, что в тебе есть, — Богом дано. Вот себя гно- бить, гнев внутри копить — точно неприлично и неестественно.

— А «гнобить» и «гнев» — не родственные слова, случаем? — спрашиваю.

— Еще какие родственные, — охотно подтвердила Злыдня. — Почему гнобить-то начинают? Да потому что не принимают что-то в этом мире, отрицают, видеть не хотят! Гнев поднимается — зачем оно существует? И неважно, вовне или внутри себя, главное, что гневаются: как, мол, природа такое уродство допустила? А в природе уродства и вовсе нет, в ней все целесообразно и на пользу человеку придумано!

— Ладно, попробую, — согласилась я. — Так и так надо что-то делать, а то я скоро кусаться начну, а то и вовсе кого загрызу. Благодарю за советы!

— Всегда пожалуйста, лишь бы только обращалась, — отвечает Злыдня. — А то пока ты меня видеть не желаешь, я ж ничего полезного до тебя донести не могу, сама понимаешь. В общем, Злыдня оказалась не такой уж и Злыдней — мне даже понравилось с ней беседовать. Резковатая зато энергичная и волевая — как раз то, чего мне, белой и пушистой, по жизни не хватает. Проговорили мы с ней в тот вечер долго, я даже о своем чувстве вины как-то забыла. И наметили мы план действий, которые я стала в жизнь воплощать.

Первым делом я приобрела для себя в аптеке беруши, а в «Электронике» — MP3-плеер. Закачала туда музыку, которая мне нравится, сунула наушник в ухо — хорошо! Апробировала на работе — никакого «жу-жу-жу», сплошной релакс и нирвана! У меня работоспособность в разы повысилась, и не устала ни капельки. Это потому что не раздражалась, а пребывала в полном душевном равновесии.

А домой я притащила с работы гроссбух, написала маркером крупно «Гневник»,

устроилась на диване, приспособила беруши и стала изливаться. Уж излилась так излилась, все всем сказала, что раньше не решалась! А перед сном сбегала на улицу и за гаражами костерок небольшой развела из скомканных листов. Штук десять их получилось, хорошо горели! Даже поплясала вокруг немного!

И так мне все это понравилось, что я осмелела и сделала следующий шаг. Приобрела две пары наушников, самых навороченных, одни сыну, другие — мужу. Вручила им подарочки и объяснила, что шум очень мне жить мешает, так что ни на чем не настаиваю, но прошу по возможности обеспечить дома покой и тишину. Они удивились очень, с чего это я вдруг, но подарки приняли и даже использовать начали. Дома стало куда тише, никаких «ды-дынц» и «шайбу, шайбу!».

Со свекровью — с той посложнее оказалось. Ноу нас с ней отношения простыми никогда не были, так что я и не удивилась. А сделала я в конце концов вот что: подарила ей тоже MP3-плеер, куда закачала в аудио-формате книги ее любимые. И так свекровь увлеклась этим делом что ее не видно и не слышно стало! А потом начала свекровь с нами знаниями полученными делиться. И ядовитости у нее поубавилось — просто на удивление! Видать, ее личная Злыдня тоже села на диету, перестала драже раздражения подпитываться. Смотрю я на нее и думаю: «Вот ведь чудеса какие, оказывается, нам и поговорить есть о чем, и во мнениях мы в целом сходимся!» Так что ее Злыдня меня больше не знобит...

А моя-то уж давно обратно превратилась в Здоровую Злость, свернулась калачиком и почивает себе мирно. А как только я почувствую, что она голову приподымает, — сразу реагирую, не жду, когда она проснется и расти станет.

А вот записи в «Гневник» я делаю все реже и реже. Просто повода нет! Так что спасибо моей Злыдне, я снова белая и пушистая и ужасно себе нравлюсь. И в жизни у меня теперь снова все просто замечательно.

А вы со своей Злыдней уже подружились? Если нет, то очень советую! И вам хорошо, и для окружающих безопасно, и все счастливы. А быть счастливым — уж точно прилично и естественно! И самое главное — целесообразно!

Автор: Эльфика

ЗНАКОМЬТЕСЬ, ГОРИЛЛА! — для желающих похудеть

По профессии я психолог, только обыкновенный психолог работает с людьми, а я вот работаю со сказочными персонажами. Работа интересная, скучно не бывает. И в этот раз я была вновь приятно удивлена, когда дверь открылась и вошла горилла. Но настолько несуразная, что я не смогла сдержать улыбку. Горилла как и полагается была большой, но в каждой лапе держала либо чемодан либо сумку.

Передвигалась она поэтому очень медленно, путаясь лапами в своем потрепанном багаже. В зубах держала какой-то грязный узел с вещами. Да, и это еще не все: на животе и на бедрах привязаны пышные подушки.

Животное кое-как справилось с дверью и застыло на пороге.

- Проходите, проходите! Присаживайтесь, устраивайтесь поудобнее, — предложила я. Это однако было почти невозможным. Даже в самом большом кресле горилле мешали подушки на боках, чемоданы и сумки падали, горилла их спешно поднимала и прижимала лапами то к груди, то к креслу. В конце концов она все-таки успокоилась и вновь замерла.

- Что вас привело ко мне? Чем могу помочь?

- М-м-м, — промямлила горилла, продолжая сжимать зубами грязный узел.

- Разрешите вам помочь? — предложила я и освободив узел из зубов, положила его на пол возле гориллы. Она тут-же положила на него сверху лапу.

- Сама не знаю, зачем пришла, — пробасила тихо горилла. — Жить мне тяжело, все тащу на себе, тащу, устаю ужасно, а что делать дальше не знаю.

- Давайте как сначала разберемся, что это у вас за баракло с собой? — спросила я.

- Это не барахло! — злобно ответила она. — Мне это все нужно!
- Простите, я не хотела вас обидеть. Давайте-ка разберемся. Покажите, что у вас там?
- Не знаю, а вы не захотите у меня это забрать и выбросить?
- Зачем мне ваши вещи? Захотите, сами с ними расстанетесь, нет, так таскайте за собой, в чем вопрос?

Горилла нерешительно осмотрела свой багаж и первым делом развязала узел. В нем лежала одежда самых разных размеров и фасонов. Мы стали перебирать вещи и обнаружили одежду с пятнами, дырками и в неприличном состоянии.

- Зачем вы это таскаете с собой?
- Правильно, в следующий раз дома в шкафу оставлю, — согласилась она.
- Да, нет же! Зачем они вам? Вы ведь такая прелестная особа. Неужели вы будете такое носить?

Горилла покраснела и немного поразмыслив спросила меня:

- А куда-же тогда эти все вещи? Они мне так много значат! Вот эту кофточку мне сын подарил. А эти брюки я купила во время своей первой командировки.

- Вот и оставьте себе память, а от вещей избавьтесь. Вы ведь были счастливы от того, что сын о вас подумал, правильно? И от первой самостоятельной покупки тоже было хорошо, правда? Оставьте себе эмоции, а это выбросьте.

Лапы медленно перебирали вещи и горилла то улыбалась, то томно вздыхала. Отодвинув кучу вещей в сторону она посмотрела на меня с вызовом.

- Что дальше?
- А теперь посмотрим насчет размера вашего. Вот эта вещица кажется вам очень велика, а эта наоборот даже мартышке не налезет. Зачем это то вам?
- А вдруг я потолстею? Или случится чудо и я похудею?
- Чтобы чудеса вошли в вашу жизнь, для них место надо освободить. А когда вы не выбрасываете ненужное, то знаете, что вы Вселенной говорите?

Горилла отрицательно покачала головой.

- Эй, ты Вселенная! Слышишь! Я ужасно боюсь остаться без ничего.
- Боюсь, — подтвердила моя странная пациентка.
- А вы не бойтесь! Научитесь доверять, что когда вам что-то понадобится, у вас будут средства и возможности это приобрести или получить.

Немного помедлив горилла отобрала еще одну кучку вещей и робко мне улыбнулась.

- А что у вас в сумках и чемоданах? — спросила я.
- Драгоценности! — гордо ответила она.
- Неужели? — удивилась я. — Можно посмотреть?

Горилла открыла первую сумку и моему взору предстали статуэтки, вазочки, баночки и рамочки с фотографиями.

- А где-же драгоценности? — удивилась я.
- Разве вы не видите? Вот эту прелестную вещицу мне купил муж на день рождения! — и она сунула мне под нос что-то непонятное.

- А вот это мои троюродные тети, — показала она фотографию в деревянной рамочке.
- Мда, — только и смогла сказать я.

- А это вам кто подарил? — спросила я, доставая из сумки чайничек с надбитым носиком.
- Вы хотя-бы раз видели гориллу в задумчивом виде? Нет? А я вот теперь имела это удовольствие.

- Не могу припомнить. Но согласитесь, такой практичный!
- Не знаю, у него же носик надбитый. А крышечка где?
- Разбилась наверное, — пробормотала горилла шаря в сумке.
- А давайте вот что попробуем: поставьте все свои сокровища вот здесь на полку и рассмотрите их внимательно.

Пациентка оказалась очень покладистая, она одну за другой вытаскивала вещицы из сумок и чемоданов и налюбовавшись расставляла их на полку. А я помогая ей, «кучковала» предметы по принадлежности. Кастрюльки к кастрюлькам, рамочки к рамочкам и так далее.

В итоге набралась немаленькая коллекция сахарниц, затем по количеству одинаковых предметов следовали разномастные тарелки и чашки. Кастрюльки тоже не отставали. Но больше всего оказалось фотографий, старых открыток, приглашений и писем.

- Скажите, как часто вы вытаскиваете свои вещи вот так напоказ и любуетесь ими? — спросила я.

- Ну, не очень-то часто. Думаю вот дома их теперь тоже так расставить по полочкам. Красиво-то как оказывается!

- Да, идея хорошая, — похвалила я. — Только давайте сначала уберем все то, отчего вы себя чувствуете бедной или обделенной. Вот эта кружка потертая, например, вы из нее пьете чай?

- Право, даже не знаю, может и пью.

- Не делайте этого больше. Выбросьте ее на помойку. Посмотрите, сколько у вас еще красивой посуды. Пользуйтесь ей, а остальное выкиньте.

Вот теперь я смогла получить еще и удовольствие лицезреть гориллу в нерешительности.

- А разве можно из праздничной посуды каждый день есть? — спросила она как сирота, спрашивающая конфету.

- А кто запрещает? Пусть каждый день будет праздник!

- А что, пусть будет! — приободрилась горилла. — А это тогда куда? — ткнула она пальцем в вазочку с трещиной.

- Вот сюда! — показала я, доставая мусорное ведро.

Ох, и повеселись мы! Посуда звенела, брэнчала, стучала о ведро. Звякала, крякала, брякала и мы подтанцовывая под слышимый только нам мотив, чувствовали себя толи ведьмами на шабаше толи сумасшедшими в день, когда санитары отдыхают.

Все самое нужное аккуратно складывалось в приготовленную мной коробку. Горилла собиралась дома расставить все необходимое на полки, а хлам оставить здесь, чтобы даже не было соблазна вытащить назад. И тут она охнула, потому что когда она наклонилась вперед, на голову ей с плеч съехал тяжелый вещь-мешок.

- А что у вас здесь?

- Сюда я складываю записки. Меня часто просят помочь и я всегда рада, да только я завывчивая ужасно бываю. Вот и записываю и складываю.

- Тяжело наверное таскать чужие дела на своих плечах?

- Не без этого, созналась она, резко расшнуровала мешок и ахнула. Ей навстречу выпорхнула целая стая пестрой моли. Мотыльки закружились вокруг нас и устремились к окну.

- Выпустим? — спросила я.

- Ну, не есть же их, — хихикнула горилла.

Мотыльки взвились стройным роем ввысь и скоро исчезли из виду. И тут я вновь обратила внимание на подушки вокруг бедер и живота.

- Все хочу спросить, зачем вам вот это? — теребя бечевку спросила я.

- Понимаете, когда я со своими чемоданами, тюками и сумками таскалась, я ведь ни в одни двери не проходила, везде цеплялась. Синяки набивала себе да ушибы были и посерьезнее. Другие тоже все меня пытались пырнуть, толкнуть и двинуть в бок. Вот я и обвязалась в защиту подушками, чтобы никто мне больно не мог сделать.

- Но теперь сумок нет, чемоданов тоже. Может попробуем без подушек?

- Знаете, я бы с удовольствием, но честно говоря, что-то еще мешает.

- А что?

В этот раз горилла заходила по кабинету и что-то бормоча под нос почесывала то затылок, то подмышками.

- Знаете, вот тут, — показала она на грудь, — пусто как-то стало. Ужасно пусто, вот хоть просто волком вой!

- Это у вас временно, пройдет. Вы наполните это пространство радостью бытия и не будете уже копить хлам.

- Может быть. Ведь мне еще и легко стало, прямо бабочкой себя чувствую, — улыбнулась она.

- Отлично! Только вот бабочки с подушками не дружат

Бечевка не поддавалась напору, видимо давненько узлы завязаны были. Но помощью ножниц мы пыхтя все-таки разрезали ее и каково-же было мое удивление, когда подушки упали на пол! Горилла то оказывается стройненькая такая. Нет, не худышка, а фигуристая такая, что загляденье просто. И бедра круглые и талия нежная. Взяв ее за лапу, я подвела ее к зеркалу. - Принимайте чудо! Вы просто красавица! Да еще какая! Горилла долго разглядывала себя, поворачивалась то так то так, но в конце широко улыбнулась и крепко меня обняла. Пусть у меня дух сперло от таких объятий, но как-же я люблю свою работу! Как- же приятно делать людей счастливыми...

АВТОР: Кри

Как важно знать себе цену

Однажды к Мастеру пришёл молодой человек и сказал:

— Я пришёл к тебе, потому что чувствую себя таким жалким и никчёмным, что мне не хочется жить. Все вокруг твердят, что я неудачник, растяпа и идиот. Прошу тебя, Мастер, помоги мне! Мастер, мельком взглянув на юношу, торопливо ответил:

— Извини, но я сейчас очень занят и никак не могу тебе помочь. Мне нужно срочно уладить одно очень важное дело, — и, немного подумав, добавил: — Но если ты согласишься помочь мне в моём деле, то я с удовольствием помогу тебе в твоём.

— С... с удовольствием, Мастер, — пробормотал тот, с горечью отметив, что его в очередной раз отодвигают на второй план.

— Хорошо, — сказал Мастер и снял со своего левого мизинца небольшое кольцо с красивым камнем. — Возьми коня и скачи на рыночную площадь! Мне нужно срочно продать это кольцо, чтобы отдать долг. Постарайся взять за него побольше и ни в коем случае не соглашайся на цену ниже золотой монеты! Скачи же и возвращайся как можно скорее!

Юноша взял кольцо и ускакал. Приехав на рыночную площадь, он стал предлагать кольцо торговцам, и те поначалу с интересом разглядывали его товар. Но стоило им услышать о золотой монете, как они тут же теряли к кольцу всякий интерес.

Одни открыто смеялись ему в лицо, другие просто отворачивались, и лишь один пожилой торговец любезно объяснил ему, что золотая монета — это слишком высокая цена за такое кольцо и что за него могут дать разве что медную монету, ну в крайнем случае серебряную. Услышав слова старика, молодой человек очень расстроился, ведь он помнил наказ Мастера ни в коем случае не опускать цену ниже золотой монеты. Обойдя весь рынок и предложив кольцо доброй сотне людей, юноша вновь оседлал коня и вернулся обратно.

Сильно удручённый неудачей, он вошёл к Мастеру.

— Мастер, я не смог выполнить твоего поручения, — с грустью сказал он. — В лучшем случае я мог бы выручить за кольцо пару серебряных монет, но ведь ты не велел соглашаться меньше, чем на золотую! А столько это кольцо не стоит.

— Ты только что произнёс очень важные слова, сынок! — отозвался Мастер. — Прежде, чем пытаться продать кольцо, неплохо было бы установить его истинную ценность! Ну а кто может сделать это лучше, чем ювелир? Скачи-ка к ювелиру да спроси у него, сколько он предложит нам за кольцо. Только что бы он тебе ни ответил, не продавай кольцо, а возвращайся ко мне.

Юноша снова вскочил на коня и отправился к ювелиру. Ювелир долго рассматривал кольцо через лупу, потом взвесил его на маленьких весах и, наконец, обратился к юноше:

— Передай Мастеру, что сейчас я не могу дать ему больше пятидесяти восьми золотых монет. Но если он даст мне время, я куплю кольцо за семьдесят, учитывая срочность сделки.

— Семьдесят монет?! — юноша радостно засмеялся, поблагодарил ювелира и во весь опор помчался назад.

— Садись сюда, — сказал Мастер, выслушав оживлённый рассказ молодого человека. И знай, сынок, что ТЫ и есть это самое кольцо. ДРАГОЦЕННОЕ И НЕПОВТОРИМОЕ! И ОЦЕНИТЬ ТЕБЯ МОЖЕТ ТОЛЬКО ИСТИННЫЙ ЭКСПЕРТ.

Так зачем же ты ходишь по базару, ожидая, что это сделает первый встречный?

КАК ПЕРЕЖИВАНИЯ НЕ ПРЕВРАТИТЬ В ПЕРЕЖЕВЫВАНИЕ

Фея Наташка постоянно заедала все. Не ЕЛА, а ЗАЕДАЛА. Какие-то свои переживания. Стоило чему-то сбить ее с толку, как она тут же толкала в рот кексик или печеньку. А сбивало ее с толку много чего. Ранимая больно была фея Наташка.

У фей хорошая связь с космосом – чудесные такие каналы, по которым они отправляют свои послания в окружающий мир. Поэтому все феи такие легкие и воздушные, они светятся изнутри.

А фея Наташка становилась все тяжелее и тяжелее и походила уже на громадную темную тучу, а не на легкую воздушную дымку, которой должна была быть.

А все потому, что она забивала ненужной, вредной едой каналы связи со Вселенной. И Вселенная ее теперь плохо слышала. Чуть только какое переживание случится, как Наташка превращает его из ПЕРЕ-ЖИВания в ПЕРЕ-ЖЕВывание – жует то есть все подряд.

Но вот однажды расстроенная туча Наташка ползла над землей и жевала, и все и себя корила. И увидела красивый куст шиповника. И куст этот говорит фее Наташке:

«Даже не узнал тебя сразу. Из легкой феи превратилась ты в огромную тучу. Забились твои каналы связи со Вселенной. Даже не паришь ты теперь, а перемещаешься. Не много ли лишнего?»

«А что же мне делать. Я все волнения, все переживания свои заедаю».

«Ну, тогда не пережИвания это у тебя, а пережЕвания – жуешь ты, а не живешь».

Наташку как током ударило. И правда. Жует она, а не живет. Все каналы забила.

А шиповник и рассказал, как надо питаться. Нужно есть природную пищу. Желательно, в сыром виде. После захода солнышка, как цветочки, надо отдыхать и прекратить кушать. И помнить, что только так снова откроются каналы связи с Вселенной и по ним потечет река счастья.

Фея Наташка с тех пор вновь стала превращаться в фею. Легкую и пушистую, как облачко. Ела она только свежие дары природы и позабыла про плюшки. И такая она стала красавица, лучше прежнего. И вскоре уже отправляла во Вселенную по чистым каналам самые восхитительные сказки.

Автор: Наталья Бердыш

КАК ПОХУДЕТЬ?

Этот вопрос Тамина задавала себе не в первый раз, никогда она не была худышкой, всегда стремилась избавиться от лишних кило. История ничем не оригинальная, с детства была крупной девочкой, крепко сложенной. После 15 лет пошли первые попытки, диеты, тренировки, гимнастика, но стать более менее стройной получилось только после родов. Не понятно по каки причинам, тогда организм согласился распрощаться с 8000 граммов.

- Эх, как похудеть то, а? — тяжело вздохнула девушка и грустно отхлебнула чай.

- А зачем тебе это, ась? — послышался голос.

Мамочка родная! Это ведь вилка стояла на столе и выпуклыми глазками разглядывала девушку.

- Ты чего убиваешься? Вот сегодня в магазине ты себя ведь видела сзади, да? Там камера снимала и ты могла посмотреть на себя со стороны. Ну что? Толстая ты, а? Чего молчишь? Тамина с трудом проглотила остывший чай и прокрутила в уме ситуацию в магазине. Права ведь эта ... нет, язык не поворачивается назвать ее «вилкой». Мысль в голове не укладывается, что девушка уже с приборами столовыми разговаривать начала.

- Нет, не толстая, но пару кило надо бы сбросить. — наконец овладев собой, ответила Тамина.

- А ты не задумывалась каким словами ты тут кидаешься? Как же твоё тело согласится на такое то? Все у нее только «сбросить», «избавиться» или «похудеть». Что за негативизм такой, а? Ты мозгами раскинь, какой корень в слове «худеть»? Худо, а значит плохо. Ты

сначала телу даешь пищу, а потом забрать пытаешься, не пройдет такой трюк. — гневно закончила тираду Вилка.

Девушка поставила кружку в мойку и направила свой разум на поиски подходящих слов, с лингвистикой она всегда дружила.

- Так, значит «похудеть» не подходит, «сбросить вес» как-то отрицательно, как будто с тонущего корабля пытаются балласт скинуть. Про «избавиться» тоже ясно, только от чего-то плохого можно избавляться, а это значило бы, что я себя не люблю. «Сесть на диету»? Тоже не то, зачем мне садиться? Я ведь наоборот подвижная, не усижу ведь, да и застой не люблю. Плюс это неправильно, надо цель формировать, а не процесс. — девушка ходила по кухне, а Вилка в это время прыгала по столу и следила за этим.

- Стать стройной! — воскликнула Тамина радостно. — Подходит?

- Ну, в целом да. — согласилась Вилка. — Уже намного лучше. Только ты мне объясни, что ты понимаешь под понятием «стройная». В сантиметрах или в пропорциях, как хочешь, но мне точность нужна. И что мадам намерена сделать для этого?

Вот же назойливая какая попалась, подумала про себя Тамина. Ей хотелось иметь наконец-то не такие обширные бедра, ну можно на размер меньше. Только тут выходила несостыковка. Ведь если на бедрах сделать минус 6 см, то и в остальных местах тоже станет меньше. Грудь еще меньше, ключица еще больше будет выпирать. Да и возможно ли это вообще? Кости бедер итак уже спереди торчат, это же потом вообще будет ужас просто.

- Знаешь, мне бы даже не лишний жир убрать, его у меня итак не много. Не было никогда у меня складок или роликов. Мне бы чтобы поподтянутей быть что-ли, ну не так вот обвисше и дрябленько.

- А кто тебе мешает гимнастические упражнения делать? — нагло наехала Вилка на девушку. — Ишь какая, ей надо и стройность и ничего для этого не делать.

- Ну у других же тоже получается так? — со злостью и обидой попыталась защититься Тамина. — Могут есть что хотят и сколько и ни на грамм, а я...

- А что ты? Что ты прибедряешься сразу? Чего чуть что в роль жертвы то впадаешь? Ах, бедная я бедная, не могу жрать шоколад килограммами. И вообще, откуда ты знаешь, как красотками достается их фигура? Ты что подглядывала за ними? И вообще, у тебя метаболизм другой, нечего себя с худышками сравнивать. У одних людей организм откладывает на потом, у других нет. Радоваться надо, что твой умудряется из того, что ему дают еще и откладывать. А ты его ругаешь!

Слезы так и норовили вернуться на глаза, хотелось взять эту вилку и кинуть больно об стол, чтобы не болтала таких гадостей. Неправда! Тамина постоянно пыталась делать какую-то гимнастику, из инета тащила на комп инфу мегабайтами. Только вот не хватало самодисциплины, чтобы делать эти упражнения хотябы два-три раза в неделю. Через недели две надоедало, короткое дыхание у нее, это она знала. Злость утихомиривалась, приходило осознание, что Тамина сама виновата в том, что у нее не та фигура, какую хотелось бы.

- Ну и что мне делать? — спросила в конце концов девушка, сев за стол.

- А мне откуда знать? — озадачилась Вилка. — Может для начала перестать думать, что ты толстеешь от еды. У тебя отличный обмен веществ, зачем его чернить? Должна правда отдать тебе должное, ты уже пыталась решить проблему. Помнится мне серьезно задавалась вопросом «Что я пытаюсь заесть». Даже потом искала другие варианты. Озлобленность выпускать в ярость, да хоть кулаком ударить по столу можно. Или физическая нагрузка: уйти на улицу, побегать, поскакать, покататься на роликах. Стресс снимать медитациями или делать сразу так, чтобы стресса было минимум.

- Слушай, а ведь когда я веганила серьезно и ела только сырое, у меня ведь никакого целюлита не было. Все гладенько было и ровно. Но почему я не могу отказаться от всей этой «варенки» и прочего ненужного?

- А вот это уже вопрос серьезный. Умница, докопалась. Решишь этот вопрос и все у тебя наладится. Что тебе мешает? Убери это из своей жизни и ты найдешь свою уравновешенность. Тебе между прочим не кажется странным, что и там тоже корень «вес», как взвешивать или весить?

На это Тамина никогда не обращала внимания, хотя давно уже стремилась к балансу и гармонии. Может быть уравновешенные люди такие, потому что они все могут быстро взвесить? Все свои решения и связанные с этим последствия.

- Ах, ты моя Вилочка, какая ты умненькая! — пропела Тамина и заплясала по кухне. В этот момент вошел муж и не без удивления стал созерцать сию картину.
- Тамочка, у тебя все в порядке? — нежно спросил он.
- Еще как! Лучше не бывает! — девушка чмокнула супруга в щеку и положив вилку на стол побежала записывать свои мысли. Вот ведь как бывает, можно и у столового прибора набраться мудрости.

АВТОР: Кри

КОГДА ЖЕНА ХУДЕЕТ (дневник мужа)

1. Моя милая надела на себя джинсы, которые носила в девятом классе.! Едва застегнула и надула губки(((. На моё робкое замечание, что Катюша последние пять лет помещалась в эти джинсы исключительно в положении «лёжа» получил затрещину. За что??? Совершенно непонятно!
2. Кажется, Катя начинает потихоньку сходить с ума. Ладно, худей!!! Но остальные-то при чём???
3. Всё вкусное, что хранилось в холодильнике, моя радость скормила коту.!?! Мурзик ошалел, раздулся и лапами едва доставал до земли. На ужин вся семья ела что-то, что могло бы быть несоленым рисом...(Могло бы, потому что без микроскопа содержимое тарелки было невидимо(( ). Зараза тёща активно поддержала Катю.
4. На работу не шёл, а бежал!!! Ждал обеденного перерыва, как манны небесной.... Коллеги смотрели с жалостью(((. Кто-то пошутил: «Тебя что, жена не кормит?)). Шутники .пи-пи-пи-пи....вашу так!!! Вечером тесть попытался потребовать у женщин нормальный ужин.... Ага))). Катка поставила перед папочкой тарелку с морковным рагу. Ну и ребёнка они вырастили. Над родным отцом так издеваться!
5. Кот Мурзик просился на волю! Подозреваю, что не к кошкам. Бедняга давно позабыл о коварной щедрости хозяйки и теперь, как полноправный член семьи, тоже питается диетическими продуктами. Просится на улицу. Там водится настоящее, а не соевое мясо.
6. А тёща всё-таки человек!!! Исхитрилась пронести в дом мимо бдительной Кати кулёк с конфетами!! Надо запомнить, что она такие любит, и как-нибудь купить ей такие, когда Каткина война с сантиметрами закончится..... «Катенька, ну зачем ты с ними воюешь???? — ласково шепчу вечером на ушко. — Сантиметры такие маленькие, а ты такая...»..... Ладно, всё дальнейшее считаем лёгким массажем.
7. Уррааа..., пятница!!! После работы – пиво, пиво, пиво!!! С сосисочкой, с картошечкой, и НИКАКИХ овощей!!!!) ... Телефон. «Милый, ты вернёшься сегодня домой пораньше, сегодня стиральную машинку привезут!!!!....». Нет, ну какова стерва, жена моя любимая. Её техническому образованию любой позавидует, а со стиральной машиной она без меня не справится. Это что, в женских журналах притворяться глупой и беспомощной?? В тех же, где советуют худеть всей семьёй??? Вечером теща подстерегла меня у входа в ванную и молча сунула в руку бутерброд с салом. Чуть не прослезился и прошептал: «Спасибо, мама». Вот героическая женщина!!! И где она его прятала???
8. Всё пропало(((. Мурзик нашёл на балконе тещину заначку. Ночью слышал, как он рычал, раздирая сало зубами. Хотел подойти – отобрать кусочек... Не решился. Лежал без сна и завидовал. Утром мама отправилась к приятельнице с голодным блеском в глазах, а меня тесть позвал в баню. До бани мы, естественно, не дошли. Осели в первом же кафе. Сытые и благодушные вернулись домой, где застали злую и голодную Катю в горячем и бесполезном споре с орудием пыток. Напольные весы упорно сопротивлялись её натиску и категорически отказывались сдвинуть стрелку хоть на миллиметр.
9. Наступил кризис. В гости явилась Катина подружка... С тортиком и бутылкой мартини!!! И искренне недоумевала по поводу предложенных ей блинчиков из кабачков??? Рассказывала Кате о вреде для организма и бюджета парниковых овощей!!! Я, оказывается, недооценивал эту милую, чудесную сплетницу и скандалистку Люду! ... Вот блин... Рано радовался... Она допустила ужаснейший промах! Сказала: «Дорогая, ты похудела». Это просто кошмар. Я давно заметил, что женщины говорят это друг другу просто так, от случая к случаю, просто чтобы сделать приятное. А нам теперь дальше мучиться. Спасибо, Люда, воодушевила.

10. Кажется, назревает буря! Катя достала из шкафа те самые треклятые джинсы!!! И,,, - джинсы застегнулись на неё легко???? Странно. Я мог бы поклясться, что ни на миллиметр моя Каб\тя не похудела (вот ведь парадокс – все похудели, а Катя – нет). Мама и папа хитро переглядываются. И тут меня озаряет!!! Да здоровствует швейная машинка и золотые тётчины ручки!!! А совершенно счастливая Катя устроилась у меня на руках с тарелкой, на которой лежал огромный кусок торта, и, надеюсь, надолго оставила эту дурацкую затею. Я ведь ЕЁ люблю, а не эти дурацкие сантиметры.

11. А «эталонные» джинсы я спрятал подальше. Куда – видел только Мурзик. Но он меня не выдаст.

Автор: Наталья Бердыш

Кощеевы Сокровища

В дубовую дверь требовательно стучала молодая девица в белом сарафане и белой же косыночке, из-под нее коса русая до пояса, через плечо – увесистая сумка с красным крестом.

На ее призывы никто не отзывался, но красавица не оставляла своих попыток – видно было, что девица она настойчивая и своего добиваться привыкла. Наконец, послышались шаркающие шаги, оханье, шипение сквозь зубы, и скрипучий неприятный голос проговорил:

— Кого там еще черт несет?

— Кого черт несет, я не знаю, а я к вам своими ногами пришла, по доброй воле, на волшебную практику! Так что открывайте, я все равно не уйду!

Залязгали замки и засовы, дубовые двери со скрежетом приоткрылись, в открывшемся проеме нарисовался тощий лысый старикашка в черном трико с отвисшими коленками.

— Чего-чего? – пренебрежительно произнес он, оглядывая девицу в белом. – Волшебница, говоришь? А я вот тебя сейчас в жабу превращу – будешь знать, как к занятым людям лезть.

— Вы – Кощей? – строго уточнила девица.

— Ага, Кощей! – осклабился старик. – Самый злодейский из всех сказочных злодеев! Вот щас я тебя...

– Имейте в виду, на меня ваши пугалки не действуют, — невежливо прервала его девица. – Мне надо пройти практику, и я ее пройду! А вы мне в зачетном листе распишетесь.

- Распишусь, распишусь... Уж я тебя распишу под хохлому, — угрожающе пообещал Кощей, но закашлялся мучительно, до перхання, схватился за грудь и согнулся в три погибели.

- Дедуля, обопритесь на меня! – кинулась к нему девица. – И дышите, дышите. Вот так, глубже. Куда тут идти, говорите!

Вскоре она уже устраивала его на широкой лавке в комнате.

- Вот, полежите пока, и дайте пульс. Конечно, лучше бы вам на кровать, в опочивальню, а то тут, в чулане, неудобно как-то...

- Какой такой чулан? – обиделся отдышавшийся Кощей. – Это и есть опочивальня, дурища!

- Не надо обзывать, это ухудшает состояние вашего здоровья, — предупредила девица. – Я вовсе не дурища, а Василиса Припарочка, учусь на душевно-целительском факультете Академии Сказочной Медицины.

- Как ты сказала? – изумился Кощей. – Василиса Припарочка? Ну у тебя и имечко! Кто ж тебя с таким замуж-то возьмет???

- Кому надо, тот и возьмет, — с достоинством ответила девушка. – Не фамилия славит человека, а человек фамилию!

- А что за факультет такой дурацкий, никогда не слышал? – поинтересовался Кощей.

- Вот видите, никогда не слышали, а «дурацким» обозвали! – заметила Василиса. – Имейте в виду, осуждение черными стрелами ядовитыми в мир летит, от облаков отражается и к вам же возвращается. Осудили кого-то – все равно что себя ранили. Похвалили – себя погладили.

- Чушь какая! – сердито фыркнул Кощей. – Меня вот никто никогда не хвалил, и ничего, прожил...
- По внешнему виду не скажешь, что вы особым здоровьем отличаетесь, — предположила Василиса.
- Чегоооо? – воинственно ошетинился Кощей. – Да я, чтобы ты знала, бессмертный!
- Бессмертный – еще не значит «здоровый», — пожала плечами Василиса. – Дайте-ка я вас послушаю... Ну вот, так и знала. Сердечные ритмы неровные, тоны глухие, сердце словно зажато. Наверное, утомляетесь быстро, дыхание сбивается, в груди теснит?
- Есть такое дело, — признался Кощей. – И утомляюсь, и сбивается, и теснит... С богатырями всякими биться до того тяжело – хоть в гроб ложись. Я бы и лег, дык толку-то, бессмертный же...
- А зачем бьетесь?
- А по статусу... Кощей я, работа у меня такая, богатырей в бою тренировать. Если бы волшебством не владел – да меня бы каждый раз в куски крошили... Каждый раз на битву как на каторгу.
- Дедушка, ну что же вы так? – озаботилась Василиса. – Если вы свою работу разлюбили – ее менять надо. Ничего нельзя через силу делать, в неохотку. Это жизненные силы отнимает! Даже у бессмертных.
- Ишь... «Дедушка»... — подвинулся Кощей. – Меня так еще никто не называл... Мелочь, а приятно... Слышь, Василиса! А как я работу поменяю, ежели сказкой мне такая вот определена?
- Значит, надо хобби найти какое-нибудь! – уверено заявила Василиса. – Ну, по-другому сказать, занятие по душе! Чтобы нравилось вам то, что вы делаете. Чтобы душа пела!
- Какая там душа? – тоскливо спросил Кощей. – Нет у меня никакой души, Кощей я...
- Глупости! – отрезала Василиса. – В каждом есть душа. А если вы ее не видите, так и не мудрено: у вас тут в чулане темно и захламлено все, прямо черт ногу сломит!
- Ага, было дело, в прошлом году так-таки и сломал! – оживился Кощей. – И еще хвост сундуком прищемил. Ох, и ругался! Чертову бабушку через слово поминал!
- И я о том же! – подхватила Василиса. – У вас тут сама обстановка к ругани располагает. Тесно, мрачно, темно. Все в черных тонах, ни яркости жизни, ни лучика надежды. Откуда же у вас хорошее здоровье возьмется?
- Ой, права ты красавица, как есть права, никакого у меня здоровья давно не водится! – пригорюнился Кощей. – В спине стреляет, дальноркость развивается, коленки скрипят, сердце давит, кашель бьет, печень ноет, селезенка екает, поджелудочную схватывает, уж про желудок и вовсе не говорю, гастрит у меня, ничего не перевариваю!
- Дедушка, ну что же вы себя так запустили? – укоризненно покачала головой Василиса. – Это ж просто страшная сказка какая-то! Вы себя совсем не любите!
- А за что мне себя любить? — еще пуще сник Кощей. – Живу один, злодеяния всякие творю по долгу службы, никто меня не любит, никому я не мил... Кто боится, кто проклинает, а чтоб любить – да ни в жизнь!
- Ну так если вы себя не любите, чего ж от других любви ждать? – резонно заметила Василиса. – Они ж как на ваш желчно-ядовитый вид посмотрят, так сразу под ваши мысли и подстраиваются. Хорошо о себе думать надо! И улыбаться почаще, очень помогает!
- Да неохота мне улыбаться, — вздохнул Кощей. – Нет у меня причин для веселья, понимаешь? Не балует меня жизнь-то...
- Так чего ждать-то, вы возьмите и сами себя побалуйте, — предложила Василиса. – Давайте для начала хоть в чулане уберемся. Я вам помогу.
- Опочивальня это! – рыкнул Кощей, но послушно поднялся с лавки.
- Так, где у вас тут окна? – деловито спросила Василиса, засучивая рукава.
- Не боюсь белый сарафан-то измарать? – подначил Кощей.
- Не боюсь, к чистому грязь не пристанет, — кратко ответила Василиса. – Так что с окнами?
- Вон там где-то, — махнул рукой Кощей.
- Тут? Ой, мамочки мои, да вы же их сто лет не мыли!
- Какие сто? Лет триста – точно! – обиделся Кощей. – Я ж древний! И хоромы мои тоже – памятник старины.

- Что старины, то старины... Каменный век какой-то! Вы лучше покажите мне, где вода, ушат какой-нибудь и тряпки, — распорядилась Василиса. Кощей безропотно потрусил за инвентарем.

Тряпки нашлись, дело пошло споро, Василиса работала сноровисто, с песнями, несмотря что окна закоптились хуже чем печная труба. Пришлось несколько вод поменять, Кощей только успевал подносить. Но сердце не щемило и одышка не мучила, даже азарт какой-то появился.

- Это потому что полезное для себя дело делаете, вот ваш Организм вам и благодарен, — пояснила Василиса, протирая окна насухо. — Смотрите, красота какая!

За окнами действительно была красота — зеленый лужок, коровка пасется, солнышко светит, птички летают — просто идиллия и пастораль. Зато опочивальня, которую Василиса упорно считала чуланом... Солнце безжалостно высветило все темные углы и закоулки, всю вековую пыль на нагроможденных друг на друга сундуках, ларцах, узлах и прочих завалах.

- Ох и накопили вы всякой ненужности! — всплеснула руками Василиса. — Ну что же это такое??? Как же вы до сих пор живы-то?

- Бессмертный потому что, — сердито буркнул сконфуженный Кощей. — А чего? Живу себе, не жалуюсь.

- Как не жалуетесь? — удивленно вскинула круглые брови Василиса. — Сами же говорили: там тянет, тут ноет, здесь болит! Между прочим, так вот эти завалы и отражаются на вашем здоровье! Нет уж, давайте-ка расставаться со всем этим и наводить порядок. Вот в этом сундуке у вас что?

- Не тронь! — взвился Кощей. — Это мои сокровища! Каменья драгоценные!

Но Василиса, на обращая внимания на его вопли, уже открыла сундук и изумленно замерла над ним.

- Ага, каменья. Только что в них драгоценного — не пойму. Может, объясните?

Кощей мигом подскочил к сундуку и тоже замер, уставившись на содержимое. Сундук был полон мелких и крупных булыжников серо-зеленоватого цвета, а местами черные да грязно-желтые попадались.

- Ээээ... Понимаешь, Василиса, это обиды мои... Копил их много веков, в этот сундук складывал. Каждую обиду берегу, лелею, смакую, ограняю — чистые бриллианты, аж сверкают! Что с ними сделалось — не пойму... Сверкали же!

- Не могут обиды сверкать, — заупрямилась вредная Василиса Припарочка. — Вот так они и выглядят. Это вы в темноте, да с плохим зрением, их за драгоценности принимали! Вот этот камениюка — на кого обида?

- Дык не упомню уже... Давно это было! Может, на Илюшку-богатыря, а может, на Марью-Искусницу. Или на Ягу? Нет, не помню уже!

- И зачем он вам тогда? Нет, дедуля, надо с обидами решительно расстаться!

- Что, вот так, со всем сундуком???

- Конечно! Чтоб вы знали, камни обид в желчном пузыре откладываются и очень жизнь портят. Мешают желчи правильно проистекать. От этого человек желтеет, темнеет и злится на весь белый свет. Вот прямо как вы. Больно же вам от них! Давайте, давайте! Вам же легче будет.

- А может, перебрать? Вдруг среди них какая драгоценная все же есть? — с надеждой спросил Кощей, хватаясь за край сундука.

- Ну уж драгоценность — камни в желчном пузыре! — фыркнула Василиса. — Ничего, кроме болевых ощущений и засорения протоков, от них не бывает! Ну, раз-два, взяли!

- погоди, чего самим-то таскаться, сейчас, сколдую, — тяжело вздохнул Кощей.

Сундук тихо поднялся и плавно выплыл в дверь чулана-опочивальни.

- Так, теперь вот тут, — обернулась Василиса в другую сторону. — Это у нас что? Что за черная тряпка валяется?

- Это не тряпка! Это мой плащ! — грозно подбоченился Кощей. — Я его надеваю, когда колдовством кого-то победить надо! Знаешь, как он развевается? Все трепещут просто! Во гневе я страшен! Ой, ой, что-то в печенках закололо...

- Не мудрено, — ответила Василиса. — Вот ваш гневный плащ как раз и давит на печенку, дышать ей не дает и нормально функционировать. Ваш гнев у вас в печенках сидит и вам же жить мешает. Выпустить его надо бы!!!

- А как?

- Ну, превратите его в птицу, — посоветовала Василиса. — Пусть летит на волю.

- А можно? — усомнился Кощей, то заклинание пробормотал и пальцами щелкнул. Плащ тут же, на глазах, съежился, усох и превратился в большую облезлую ворону, которая с карканьем вылетела прочь.

- Тьфу, мерзкая какая, глаза бы не смотрели, — плюнул Кощей.

- И зрение у вас падает как раз потому, что вы не хотите ничего видеть дальше своего носа, — подсказала Василиса. — А уж вглубь себя и вообще веками не заглядывали.

- Вот ведь ты дотошная, вот одно слово – Припарочка! Ну, не заглядывал, так это потому что темно было. А сейчас вот увидел, правда, старья всякого понавалено-то у меня... Слышь, Припарочка? А печени-то полегчало! — с удивлением прислушался к себе Кощей.

- А я что говорила? — обрадовалась Василиса. — Продолжим?

- Ну, продолжай, — разрешил Кощей. — Экая ты девка неугомонная! Прямо спасу от тебя нет!

- У нас на факультете все такие, — деловито сообщила Василиса. — Сначала говорят, спасу нет, а потом глядь — и спасли кому-нибудь здоровье. Или даже жизнь.

- Это что? — подняла Василиса запыленный портрет какой-то женщины необыкновенной, ведьминской красоты.

- Положь на место, — насупился Кощей. — Это любовь моя несостоявшаяся. Яга в молодости. Оставь... Ох, присяду, что-то сердце заныло.

- Это оно вам подсказывает, что надо разобраться в ваших чувствах, — присела рядом Василиса. — Если любовь есть — так чего ж портрет в пыли и не на стенке? Любовь радовать должна! А если любовь прошла — так зачем вы ею сердце ваше обременяете? Оно, чай, не железное!

- Не железное, раз болит, — согласился Кощей. — А тут и болит, и ноет... Отвергла она мою любовь. Живет на отшибе, с добрыми молодцами заигрывает....

- Так у нее тоже работа такая, — погладила его по руке Василиса. — Дедушка, миленький, вы уж решите. Все, что не радует — убирайте из вашей жизни! Вот увидите, сразу облегчение вам выйдет.

- Дай сюда, — потянулся к раме Кощей. — Ой! Тьфу ты, занозу посадил! Не то в сердце, не то под ноготь, и там болит, и там...

- Давайте, достану, — предложила Василиса и достала из своей сумки пинцет. — Где заноза? Нет занозы! Все-все-все, сейчас подорожник приложу. А вы скажите: «Себя прощаю, ее прощаю, судьбу прощаю, счастье встречаю».

- Себя прощаю, ее прощаю, судьбу прощаю, счастье встречаю... Ой! — подпрыгнул Кощей и обмяк. — Правда, нету больше ... Ни под ногтем, ни в сердце...

- Вот и хорошо, дедулечка! Куда портрет?

- Протереть и на стенку, — решил Кощей. — Буду на него любоваться, когда и поговорю. Яга все ж-таки знатная колдунья и красавица была — изээх! Пусть меня радует.

- Отлично, пусть висит, если радость от вещи — это всегда на пользу, — одобрила Василиса. — А это что за праща такая — камень в петле?

- Не дам, — вдруг заупрявился Кощей. — Не отдам эту вещь. Она мне дорога как память.

- А что хоть это? — полюбопытствовала Василиса.

- А камень заговоренный! И не праща это вовсе, а мой нашейный амулет, я его ношу, когда спина не очень болит и радикулит не мучает.

- То есть, как я понимаю, не часто, — прокомментировала Василиса. — А что за камень? На что заговорен?

- На мщение! Поклялся я отомстить одному восточному колдуну, что меня в поединке уязвил. Хитрее меня оказался, подлец. Ну, и я тогда помоложе был, опыта маловато. В общем, заговорил я камень от души, если пульну в него — не промахнусь. Только с тех пор ни разу и не повстречались, не довелось. Может, он уже и сгинул где, он же смертный был.

- Ну, дедуля, вы даете! — осуждающе покачала головой Василиса. — Камень за пазухой столько лет носите! Да как же вам в груди-то тяжело не будет???

- А отомстить? — засверкал глазами Кощей.

- А простить? — спросила Василиса. — Да его, может, уж и на свете нет, а вы все эту ношу на себе таскаете! И еще говорите, что дорога как память. Вот ведь правда, дорого вам такая память обходится! Шейный остеохондроз — раз! Радикулит — два! Сколиоз — три! Похоже, вы сами на себя этот камень заговорили, колдуну тому и трудиться не пришлось.

- А? Да как же это так? – растерялся Кощей. – А ведь кругом ты права! Он и ведать не ведает, и в ус себе не дует, его там, может, давно райские гурии ублажают, а я тут с этой колодой на шее к земле гнусь, в землю врастаю. Не бывать этому!

И Кощей своей волшебной силой раскрутил камень и отправил его прочь. Камень с жужжанием и гудением скрылся в раскрытом окне.

- Как себя чувствуете? – поинтересовалась Василиса.

- А знаешь, ничего? – с удивлением объявил Кощей. – Откуда ни возмись бодрость взялась, аж жить захотелось! Желудок вот только чего-то сигналил... Наверное, гастрит! Не перевариваю я ничего...

- Вы, дедуля, наверное, и по жизни много чего не перевариваете? – спросила Василиса.

- Много, — признался Кощей. – Работа у меня нервная, вредная. Кичливых богатырей не перевариваю. Женских слез не перевариваю. Шумных ребятишек не перевариваю. Когда от сюжета кто отклоняется – очень даже не перевариваю. А еще я не перевариваю...

- Достаточно, — прервала его Василиса. – Диагноз ясен: вы жизнь не перевариваете. Нас вот как учат: жизнь – она разная, и ее принимать надо во всем многообразии. И хорошее, и плохое, и добро, и зло. А если не принимаешь, не перевариваешь – конечно, желудок страдает! Он же у нас орган пищеварения!

- Ох ты! – потер лысину Кощей. – Серьезное у вас там образование, как я погляжу!

- Сказочная Медицина – вообще очень интересное занятие, просто не оторваться, — похвасталась Василиса. – Ну что, заканчиваем уборку? Тут еще много!

- А щас я все одним махом! – раздухарился Кощей. – Эх, где наша не пропадала? И там пропадала, и тут пропадала, да только не пропала, потому как мы бессмертные!!! Иииэээххх!

Поднялся вихрь, все вокруг поднялось, закрутилось, замельтешило, а когда улеглось – в покоях было чисто, все блестело, а посреди, горделиво отставив в сторону тощую ножку, стоял Кощей, успевший наколдовать себе серебристый костюм, алый плащ, и на лысине красовалась корона набекрень.

- Ух ты! Да вы мужчина хоть куда! – вырвалось у пораженной Василисы.

- Ага! Заиграла в жилах кровь! – самодовольно ухмыльнулся Кощей. – Но ты-то, девица красная, Василиса Припарочка, тоже хороша! Волшебница еще та! Это ж надо – самого Кощея так припарить, что вековые завалы разобрал!

- Значит, практика моя закончена? Зачетный лист подпишете? – тут же подсунула бумагу практичная Василиса.

- Давай, подпишу! И печать Кощееву поставлю, — протянул руку он. – Только скажи мне, Василиса, как ты вообще насмелилась ко мне сюда явиться? Неужто не страшно было?

- Еще как страшно, — призналась девица. – Только я давно усвоила: чем суровее испытание, тем больше Силы от него получаешь. А я хочу поскорее дипломированной душевно-целительной волшебницей стать, чтобы научить людей, как искоренить все болезни на земле!

- Ну и задачи ты себе ставишь! – с удовольствием потер руки Кощей. – Дерзкая, смелая, уважаю! Проси у меня чего хочешь – любые сокровища подарю!

- Вот уж спасибо, — помотала головой Василиса. – Я вон Кощеевы сокровища разобрала – и что в них хорошего оказалось? Любые сокровища, если их не использовать, в известковые отложения превратятся. Так что впрок копить не буду.

- Ну так чем же тебя отблагодарить? – расстроился Кощей. – Очень хочется! В жизни ни к кому благодарности не чувствовал, аж душа на волю рвется!

- Это хорошо, — заулыбалась Василиса. – Я вот тогда вас попросить хочу...

- Проси! Все исполню!

- А можно я диплом по вам писать буду? – выпалила Василиса. – «Влияние здорового образа жизни на ее качество на примере Кощея Бессмертного». Как вам такая тема? Конечно, придется подробно изучить ваш быт, привычки, увлечения. Вы не против?

- Ну, ежели я как наглядный экспонат гожусь, так изучай, чего ж, — засмущался Кощей. – И мне с тобой повеселее будет. Ты такая... Припарочка, понимаешь!

- Ой, спасибо! Я так рада! Вы такой милый! Ну, до свидания! Я побежала!

- Побежала она... ишь, «милый»... — проворчал польщенный Кощей. – Хоть ковер-самолет-то возьми! Вмиг домчит! Устала, небось?

- Устала! Ковер-самолет – это просто здорово! Но... — нет, лучше я пешочком. У вас тут, в царстве Кощеевом, такие травки растут – я по дороге видела! Хочу пособирать, а то у нас скоро зачет по травоведению!

- Ну, Василиса, быть тебе звездой и гордостью душевно-целительского факультета! – изрек пророчество Кощей. – Иди, собирай свои травки!

Он долго смотрел вслед уходящей Василисе, даже рукой все порывался помахать. Она обернулась и крикнула:

- А вам – домашнее задание: найти себе хобби по душе! Не забудьте!

- Хобби... — проворчал Кощей. – Я уже нашел это самое хобби – я теперича экспонат Академии Сказочной Медицины. Пойду откушаю чего-нибудь, аппетит проснулся, ну надо же! А потом, пожалуй, в речке искупаюсь, поплаваю. Не могу же я Василисушку подвести и диплом ей испортить! Я еще покажу, каковы настоящие Кощеевы сокровища! Такое здоровье себе наколдую – она еще ахнет! Нееее, хорошая мне сегодня вышла Припарочка... Волшебная!!!

Автор: Эльфика

Магазин СЧАСТЬЯ

Понедельник – день тяжелый, и слава богу, что он когда-нибудь заканчивается. Я шла с работы, на душе было примерно так же, как и на небе – хмуро, пасмурно и слякотно. Моросил нужный мелкий дождик, который логично дополнял безрадостный день. В довершение всего, когда я свернула на улицу, ведущую к родному дому, оказалось, что пройти невозможно – улица была перекрыта, там всю кипели ремонтные работы.

Дорожники заботливо натянули цветную ленту и повесили табличку «Выхода нет». Хотя, собственно, и входа тоже не наблюдалось. Это было жестоко: слева – длиннющий забор школы, справа – забор поликлиники. Оставалось только выбрать – налево или направо. Я мысленно чертыхнулась и поплелась вокруг школы.

Никогда я не ходила такой кривой дорожкой и поэтому никогда не видела этого магазинчика. Он был расположен в торце обычного жилого дома, а название его сразу поразило мое воображение: он назывался «Магазин Счастья».

«Интересно, что может продаваться в таком магазине?», – зачарованно подумала я. В это время дождик брызнул с удвоенной силой, поэтому я с облегчением нырнула в магазинчик. Дверь мягко закрылась за мной, и мелодичный звон колокольчика вызвал вибрацию где-то во мне в самой глубине. Словно кто-то там засмеялся. И от этого родилось какое-то радостное волнение, будто вот-вот должно было случиться что-то приятное.

Войдя, я невольно остановилась. Честно говоря, я оказалась в некотором замешательстве. Магазинчик был какой-то странный и больше всего напоминал запущенный склад, полный разного хлама. Между стеллажами и прилавками, трогая и рассматривая разный товар, бродили покупатели. И царил какое-то радостное оживление. К выходу спешила старушка, сияющая, как праздничный фонарик. Поравнявшись, она улыбнулась и подмигнула мне.

- Простите, а что здесь продают? – спросила я.

- Как что? – удивилась старушка. – Что написано, то и продают. Счастье, детка! Счастье!

- А...в каком виде?

- А в каком выберешь, дорогая! Метрами, килограммами и поштучно! – наверное, я выглядела глуповато, потому что старушка засмеялась. – Да ты не сомневайся, девочка, товар качественный! Я здесь постоянный покупатель. Тебе понравится!

И старушка под звон колокольчика выскользнула из магазина. А ко мне уже спешил продавец в синей форменной одежде и с бейджиком на груди. На бейджике было написано: «Михаил, Продавец Счастья».

- Прошу простить за небольшую заминку, столько покупателей, море работы! – извинился продавец счастья Михаил. – Вы у нас, я смотрю, впервые?

- А вы помните всех покупателей в лицо? – удивилась я.

- Разумеется! Ведь решив однажды быть счастливым, человек обычно становится нашим Постоянным Покупателем, – объяснил Михаил.

- А что в ваших товарах такого.. особо счастливого? – с некоторым сомнением спросила я.

- Ах, я совсем вас заговорил! – спохватился Михаил. – Разрешите мне провести для вас небольшую экскурсию и показать, так сказать, товар лицом. Он подхватил меня под локоть и повлек к прилавкам.
- Обратите внимание! Волшебные калейдоскопы! Придают яркость жизни! Постоянная смена впечатлений, феерия красок, множество разнообразных комбинаций!
- Но это же просто игрушка! – запротестовала я.
- А вы, разумеется, полагаете, что жизнь – серьезная штука? – спросил Михаил.
- Еще, какая серьезная! – подтвердила я. – Если бы взрослым можно было играть, как детям...
- Так играйте! – предложил Михаил. – Кто же вам, взрослому человеку, может запретить?
- Ну, у меня обязанности...работа. И все такое, – уныло возразила я.
- А вы в это играйте! Для начала – положите в сумочку калейдоскоп. И когда скучно, грустно или совсем заработались – уделите ему минутку времени. И увидите, как жизнь заиграет яркими красками.
- Я подумаю, – дипломатично сказала я.
- Тогда продолжим! – предложил Михаил. – Я продемонстрирую вам в действии устройство для запуска мыльных пузырей. Посмотрите! Посмотрите! Какие они разные! И как они лопаются!
- Ну и что? – не поняла я.
- Да как же «ну и что»? – ликующе вскричал Михаил. – Все ваши проблемы лопаются как мыльные пузыри. Легко! Красиво! Радостно!
- Если бы в жизни они так легко лопались, – вздохнула я.
- Большинство наших проблем сильно раздуты. Прямо как эти пузыри. Научитесь относиться к проблеме, как к мыльному пузырю – посмотрите на нее, полюбуйте ее переливами, формой, размером – и позвольте ей лопнуть! Вот так! – и он выпустил еще серию радужных пузырей.
- Нет, этот Михаил говорил странные вещи. Но почему-то мне хотелось ему верить! Было в нем что-то такое...убедительное.
- Ну, хорошо, возможно, в этом что-то есть, – согласилась я. – Но поверить в то, что калейдоскоп и мыльные пузыри – и есть счастье, я не могу. Вы уж извините.
- Тогда пойдемте в отдел тканей! У нас замечательный отдел тканей, – ничуть не огорчился Продавец Счастья. – Вперед, навстречу счастью!
- Я поспешила за ним к следующему прилавку. Там действительно наблюдалось немыслимое разнообразие тканей самых невероятных расцветок. Продавец отдела как раз обслуживал даму средних лет.
- У вас есть какой-нибудь веселенький ситчик? – спрашивала она.
- Разумеется, мадам! Вот, взгляните! – радостно сообщил продавец, раскидывая перед ней нежно-зеленый ситец, на котором были изображены смешные танцующие зайчики. – Исключительно веселенький! Давайте вместе посмеемся! И засмеялся первым, а за ним – дама. Они заливались веселым смехом, явно довольные друг другом и жизнью. Я тоже невольно заулыбалась.
- Я сошью себе веселенький фартучек и кухонные рукавички! И когда буду готовить обед, смешинки будут попадать в пищу. И вся моя семья будет веселиться! – решила дама. Я невольно залюбовалась ее лицом – оно было словно бы подсвечено изнутри, а в глазах в уголках губ все еще плясали смешинки.
- Иногда достаточно окружить себя приятными вещами, чтобы жизнь стала такой же приятной, – пояснил Михаил.
- Вот так просто? – не поверила я. – Но это же такие мелочи?
- Ну, собственно, жизнь и состоит из мелочей, – доверительно сказал Михаил. – И счастье строится тоже из мелочей. Мы же говорим: «Мелочь, а приятно!». А представляете, что будет, когда приятных мелочей станет много?
- Ну да, представляю! – заулыбалась я. – Это будет счастье!

- Вы уже поняли суть нашего товара! – восхитился Продавец Счастья Михаил. – Но это еще не все! Идемте же, идемте! Я хочу показать вам нашу новинку! Большая Книга Счастья! Только что поступила!

В книжном отделе было много всего, но Михаил не дал мне хорошенько рассмотреть книги. Он сразу сунул мне в руки симпатичный томик в яркой обложке. Я раскрыла его наугад – и очень удивилась. Там ничего не было! То есть почти ничего: наверху страницы было написано: «Сегодня был самый счастливый день в моей жизни!!!», а внизу страницы – «А завтра будет еще лучше!». А сама страница была чистой – просто разлинована, как тетрадь для первоклассника. Я листала страницу за страницей – вся книга была такой.

- Ну, как вам? – горделиво спросил Михаил.

- Но здесь же ничего не написано! – возмутилась я.

- Ну конечно! – подтвердил Михаил. – В этом и суть! Вы будете писать ее сами.

- Как сама? – опешила я. – Но я же не умею!

- Сегодня это так. Завтра все может измениться, – загадочно сказал Михаил. – Вы разрешите прочитать вам небольшую лекцию?

- Да, конечно, – я была совершенно заинтригована.

- Каждый наш день наполнен разными событиями, и одни нам нравятся, а другие – нет. Как ни странно, мы почему-то запоминаем именно «плохие» события, а хорошие нет, потому что они нам кажутся в порядке вещей. В результате наше счастье очень омрачено! Вы со мной согласны?

- Да, правда, – призналась я. – Иногда какая-нибудь мелочь может испортить целый день.

- Большая Книга Счастья предлагает пойти прямо противоположным путем! Записывать в нее только счастливые события. Не менее пяти за день! Больше – можно, меньше – нет.

- Да где же я наберу столько счастливых событий за день? – запротестовала я.

- А вот позвольте не согласиться, на самом деле это легко, вы просто еще не пробовали, – возразил Продавец Счастья. – Конечно, в первые дни придется перестраивать свое мышление на новую волну. Но вы быстро войдете во вкус, это ведь так приятно! Вы попробуйте, попробуйте прямо сейчас! Что сегодня у вас было счастливого?

- Я не знаю, – сникла я. – Какой-то тяжелый был день.

- Вы сегодня получали травмы?

- Нет, что вы, – испугалась я.

- Ну вот, уже счастье! Так и запишем, – обрадовался Михаил. – Вы сегодня что-нибудь теряли?

- Да, потеряла важный документ, но потом нашла среди бумаг, – подтвердила я.

- О, но это же счастье! Ведь, правда? – продолжал обучение Михаил.

- Правда, – согласилась я. – Счастье, что он нашелся.

- Ну, теперь сами, у вас уже получается, – подбодрил меня Михаил.

- Ну, ...сегодня собачку смешную видела. Такая лохматая-лохматая, и в пальтишке! Как в цирке. И хозяйка у нее такая же! Тоже лохматая! Они похожи!

- Ну вот! Замечательно! У вас прекрасно получается! – похвалил Михаил.

- А еще я сегодня наконец-то доделала отчет. Устала – но закончила! – похвасталась я.

- Это – четыре, – сосчитал Михаил. – Остался пятый эпизод. Итак?

- Так, что же было потом? – соображала я. – Потом был дождь. И я шла домой, а там дорогу ремонтируют. И я пошла в обход... Да! Потом я зашла в ваш чудесный магазинчик! – воскликнула я. – Запишите!

- Охотно, – застрочил Продавец Счастья. – Польщен тем, что вы сочли возможным включить это в список счастливых событий. Итак, пять эпизодов записаны! Ваша Большая Книга Счастья уже пишется!

- И так каждый день? – спросила я. – А когда закончатся страницы?

- К тому времени ваш разум уже привыкнет фиксировать счастливые события автоматически, и не по пять событий за день, а гораздо больше, – пообещал Михаил. – И ваша жизнь будет просто-таки наполнена счастьем!

- Большое спасибо, – поблагодарила я. – Пожалуй, я возьму эту Книгу.

- Примите ее в дар от нашего магазина, – изящно наклонил голову Михаил. – Мы всегда дарим что-нибудь новому покупателю.

- Какое счастье! – обрадовалась я. – Спасибо вам!

- Ну, вот уже и шестой пункт в вашем сегодняшнем Счастье, – улыбнулся Михаил.

- Да, разумеется! И еще я приобрету устройство для лопанья проблем и калейдоскоп для увеличения яркости жизни! Это семь и восемь! – выпалила я.

- Я очень рад! Вам упаковать в фирменный пакет?

- Да, пожалуйста, – попросила я, все еще улыбаясь.

Пакет был тоже очень симпатичный – оранжевый, в крупный белый горох. На нем было написано: «Мы обречены, быть счастливыми!».

Надпись мне понравилась.

Михаил провожал меня до выхода. На двери была большая красивая табличка: «Выход есть!». И табличка мне тоже понравилась.

- У нас такие таблички на всех дверях, – сообщил Михаил. – Чтобы не забывать, что выход есть всегда! Спасибо за покупки. Заходите к нам еще.

- Я обязательно зайду, – пообещала я. – Я хочу покопаться и в других товарах.

- О, мы всегда рады постоянным покупателям! – восхитился Михаил.

- К вам, наверное, ходит весь наш город? – поинтересовалась я.

- К сожалению, нет! – огорченно сказал Продавец Счастья. – Как ни странно, все говорят, что хотят быть счастливыми, но далеко не каждый стремится хоть что-то для этого сделать. Но мы работаем над этим! Совершенствуем ассортимент, упаковку, рекламу. Так что вы всегда найдете для себя что-то новое и интересное. До свидания! И счастья вам!

Мелодично звякнул колокольчик, и я вышла на улицу. Душа моя пела. Я шла домой, и люди задерживали на мне взгляды. Наверное, из-за моего оранжевого пакета. А может быть, потому, что я никак не могла расстаться с улыбкой. А может, я сейчас сияла, как та старушка, что встретила меня у входа. И это тоже было счастье. — Девять, – машинально отметила я.

– Надо не забыть записать в мою Большую Книгу.

МОРЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Девушка барахталась и кричала, беспомощно оглядываясь по сторонам. Волнение было нешуточное – того и гляди, захлестнет. Девушку все дальше относил от берега.

- Ой-ой-ой, тону! Спасите! Помогите!

Вдруг откуда ни возьмись протянулась Рука Помощи. Как известно, она умудряется появляться в самые критические моменты, главное, не пропустить ее появление и не оттолкнуть по глупости и недоразумению.

- Что случилось, девушка? Держите Руку Помощи. Цепляйтесь за меня! И прекратите так надрываться, вы же последние силы теряете!

- Вы не понимаете! Я тону в Море Горя!

- Откуда же здесь Море образовалось? На карте здесь обозначена Цветущая Поляна и Медовое Разнотравье. Но пахнет вовсе не медом, а солью и гниющими водорослями. Горький запах, неприятный.

- Это мои слезы, я столько наплакала. И, поверьте, они очень, очень горькие! И захлебнуться в них очень даже легко. Я уже обессилела и почти сдалась!

- А вот сдаваться никогда не следует. Держитесь крепче! Давайте вот сюда, к этому островку! Выбирайтесь скорее на сушу, я вам помогу! Все, сидите пока тут, обсыхайте на солнышке. Эй, эй, вы, никак, опять плакать собираетесь?

- Так стра-а-ашно же! Я ведь чуть-чуть ко дну не пошла! Оно ведь бездонное, это море!

- «Чуть-чуть» не считается. Вы уже спасены, — успокоила ее Рука Помощи. – Хорошо, что вы так громко кричали, иначе я могла бы просто не успеть. Всегда меня зовите, хорошо?

- Хорошо, буду звать, — пообещала девушка. – А вы где живете?

- Я? – удивилась Рука Помощи. – Да везде! Главное – позвать как следует, а уж я протянусь, даже и не сомневайтесь! Ну ладно, до свидания, мне пора – а то вдруг еще кому-нибудь в этот момент помощь нужна?

- Стойте! Погодите! А мне что, на этом островке оставаться? В Море Горя? Я же тут умру!

- Это уже не ко мне, — сочувственно ответила Рука Помощи. – Призовите Здравый Смысл. Он умный, он подскажет, что дальше делать.

И рука помощи исчезла. Девушка уже собралась было снова зарыдать, но передумала: островок был совсем маленький, того и гляди смоем волной.

- Так, никакого волнения! Успокоиться и призвать Здравый Смысл, — приказала себе девушка. — Здравый Смысл! Появись, пожалуйста!

Здравый Смысл не заставил себя долго ждать.

- Раз знакомству! — поклонился он. — Впрочем, кажется, мы уже встречались?

- По-моему, да. Хотя, если честно, довольно редко. У меня на первом месте Эмоции, а у ж потом Здравый Смысл.

- Ох уж, эти мне Эмоции! — покачал головой Здравый Смысл. — Такие несдержанные, такие противоречивые! Но раз уж вы обратились ко мне, давайте общаться! Чего вы от меня ожидаете?

- Я ожидаю, что вы подскажете мне, как выбраться с этого необитаемого острова, — сообщила девушка.

- Ну что ж, давайте рассуждать вместе, — предложил Здравый Смысл. — Вы находитесь на островке размером с небольшой чулан, на котором ничего, кроме песка, не наблюдается. Стало быть, вариант «построить лодку или плот» отбрасываем сразу. Средств связи, как я понимаю, у вас нет. Запасов воды и продовольствия тоже нет. То есть вариант «сидеть и ждать, пока случайно заметят и вывезут», нам тоже не подходит. Тогда остается только один вариант: вплавь.

- Вплавь??? — растерянно уставилась на него девушка.

- Так подсказывает Здравый Смысл, — скромно заметил Здравый Смысл.

- Тогда я точно умру, — безнадежно сказала девушка. — Мне ни за что не преодолеть Море Горя.

- Ах, так это Море Горя? А чьего, простите, горя? — уточнил Здравый Смысл.

- Так моего же! — удивленно глянула на него девушка. — Накопилось, понимаете ли... У меня была такая нелегкая жизнь! Моя душа все время плакала, плакала, и вот — получилось целое море.

- Но как-то же вы по нему плыли, раз попали на этот клочок суши?

- Не совсем плыла, — призналась девушка. — Скорее, я тонула. Хотя, в общем-то, я хорошо плаваю, но... Видите ли, в Море Горя очень горькая и тяжелая вода, она не держит, а наоборот — тянет ко дну. Я уже совсем отчаялась, когда появилась Рука Помощи и выдернула меня на этот остров. Она мне и посоветовала обратиться к Здравому Смыслу, то есть к вам. Все.

- Понятно, — кивнул Здравый Смысл. — Ну что ж, тогда я могу подсказать вам такой выход: поработать непосредственно с морем и сделать его воды благоприятными для плавания.

- Но как это возможно? Ведь Море Горя не на пустом месте возникло! У меня была очень тяжелая жизнь: меня не любили, наказывали, обижали, обделяли, предавали, оскорбляли, вышвыривали из жизни, и судьба у меня не удалась...

- Сто-стоп-стоп! — остановил ее Здравый Смысл. — Если мы сейчас начнем вспоминать все, что вы считали плохим и нежелательным, то вы точно так и засохнете на этом островке, без еды, воды и надежды. Нет: если уж речь идет о выживании, Здравый Смысл подсказывает не копаться в прошлом, а думать о будущем.

- Да-да, — спохватилась девушка. — Правда, пить ужасно хочется. И есть тоже. Давайте поскорее думать о будущем!

- А в чем вам было бы приятно купаться? Подумайте, представьте...

Девушка напряженно задумалась.

- Хотелось бы плескаться в Море Любви. Но это нереально. Я не могу любить тех, кто причинил мне столько зла и боли. Да и они явно не из любви ко мне действовали. Увы, я не смогу превратить Море Горя в Море Любви.

- Согласен, — кивнул Здравый Смысл. — К чему себя обманывать? Да и не обязаны вы любить своих мучителей и терзателей. Нет так нет. Подумайте еще!

- Может, Море Прощения? Говорят, что прощать нужно и полезно. Но я не уверена, что могу их прямо вот так взять и простить. Скорее «нет», чем «да». Даже наверняка «нет»! Мне на это понадобится очень, очень много времени, и то не знаю, получится ли...

- Хорошо, что вы трезво оцениваете свои возможности, — одобрил Здравый Смысл. — Честность — великая сила. Можно годами заниматься самообманом, что, мол, «простил и отпустил», но рано или поздно правда вылезет наружу. И тогда глядь — а ты по-прежнему сидишь в какой-нибудь Луже Обид, или, того печальнее, в Море Горя.

- Тогда что мне же делать? — в отчаянии воззрилась на него девушка. — Здравый смысл, ну подскажи же, пожалуйста! Я уверена, что есть еще какой-нибудь способ спасения, только я его пока не вижу.

- Есть еще такое интересное чувство, как Благодарность, — подсказал Здравый Смысл. — Ты можешь не любить, не простить, но уж благодарна должна быть в любом случае. За то, что люди дали тебе определенный опыт. Научили, чего следует опасаться и как вести себя в разных

ситуациях. Придали тебе ускорение и умение сопротивляться. За то, что узнала о существовании Руки Помощи, Которая Всегда Рядом. В конце концов, за то, что ты была вынуждена обратиться к Здравому Смыслу! Ведь если бы ты не оказалась тут, на этом острове, у тебя и стимула бы не было со мной встретиться.

- Это точно, — согласилась девушка. — Согласна, в чем-то даже хорошо, что все так случилось. И я уж точно благодарна судьбе, что осталась жива. Да, Благодарность — это то, что надо и что я реально могу сделать.

- Вот и займись, — посоветовал Здравый Смысл. — Не откладывай в долгий ящик. Времени у тебя, если честно, осталось не так уж много.

... Рука Помощи только что выдернула из неприятной ситуации одного хорошего человека и возвращалась обратно. И тут...

- Что такое? — приостановилась Рука. — Какие чудесные разноцветные блики! Какое благоухание! Что у нас тут по карте? А! Тут у нас вроде бы расположено Море Горя, образовавшееся на месте Цветущей Поляны. Но на Море Горя это совершенно не похоже!

И тут Рука Помощи заметила в волнах девушку. Она лежала на спине, раскинув руки, а глаза ее были закрыты. Впрочем, она казалась совершенно довольной и умиротворенной.

- Помощь нужна? — на всякий случай крикнула Рука Помощи.

Девушка открыла глаза и заулыбалась.

- А, это вы! Я вас узнала. Нет, спасибо, помощи мне не надо, я просто отдыхаю.

- В Море Горя?

- Нет, что вы! — засмеялась девушка. — Я купаюсь в Море Благодарности! Оказывается, Благодарность — такая целительная сила! А если в нее окунуться с головой, то можно даже дышать, и дышится так легко, представляете?

- Охотно представляю, — подтвердила Рука Помощи. — Меня часто благодарят, это бывает приятно.

- Я вам очень, очень благодарна за спасение! — сказала девушка. — И Здравому Смыслу, и всем-всем-всем, кто меня когда-то обидел. Кажется, я их даже немножко любить начинаю. Ведь если бы не они, я бы и не узнала, что это такое — целиком погружаться в Благодарность. Я теперь совершенно не плачу, потому что счастлива!

- Все в жизни взаимосвязано, и ничего лишнего просто не бывает. Не уставайте благодарить, и будет вам счастье, — назидательно пробормотал на минуточку вышедший из нирваны Здравый Смысл.

Автор: Эльфика

НЕМНОГО О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Один человек, воплотившись на этой земле, принес с собой Родовое Проклятие. Что это было за Проклятие — мы не знаем, да и важно ли? А только кровь у него оказалась порченная. Да так сильно, что приключилась с ним неизлечимая болезнь. И как-то ночью явилась за ним Смерть.

- Пойдем со мной. Ничего страшного, это быстро, зато мучиться не будешь. Потом воплотишься еще раз.

- Но я еще так молод! — воскликнул человек. — Я совсем не хочу умирать. Я хочу жить! А можно отсрочить как-то?

Он и правда, несмотря на болезнь, очень хотел жить. Смерть посмотрела на человека и увидела в нем силу воли и запасы энергии, кипучий ум, и огромные залежи любви к людям, и желание изменить этот мир к лучшему. В нем была такая огромная жажда жизни, что Смерть несколько удивилась — даже ей, повидавшей виды, редко доводилось встречать такое. Прямо жалко было уносить с собой такого жизнелюбивого человека.

- Вообще-то я редко иду навстречу, — в сомнении сказала Смерть. — Но ты мне чем-то симпатичен. Пожалуй, можем попробовать договориться. Просто так я отменить твой уход не могу — не вправе, но вот обмен в исключительных случаях практикуется. Ты как, готов?

- Готов, — кивнул человек, лихорадочно соображая, что он может предложить на обмен. Ведь он был очень молод и еще не успел обзавестись ничем особо ценным.

- Нет-нет, меня не интересуют тленные ценности, — успокоила его Смерть. — Зачем они мне? Я попрошу у тебя что-то по-настоящему дорогое... Раз уж жизнь так тебе дорога, я не буду ее

забирать, но обмен должен быть равноценным. Знаешь что? Я оставлю тебе Жизнь, но заберу Любовь и Счастье.

- Но зачем нужна Жизнь, если в ней нет Любви и Счастья? – ужаснулся человек.

- Тебе придется научиться добывать их по ходу жизни из того, что есть. Из любого события, из каждого поступка. Сколько сможешь добыть – все твое, с тем и будешь жить.

- Если так, то я смогу, — кивнул человек.

- Не торопись. Ты должен будешь постигнуть науку благословлять проклиняющих тебя и помогать тем, кто тебя отвергает, держать любые удары судьбы и находить счастье даже в боли.

- Я согласен.

- Ты должен будешь найти способ очистить душу и освободить свой род от Родового Проклятия, и тогда ваша кровь снова станет чистой, и твоим потомками не придется уходить со мной. По крайней мере, не очень скоро...

- Да, я сделаю это. Скажи, мы заключаем эту сделку на всю мою жизнь?

- Пока не знаю. Когда сочту, что ты заплатил сполна – я освобожу тебя от обязательств по этому договору. Но насколько скоро это случится, и будет ли вообще – зависит от тебя.

- Хорошо. Пусть будет так, — решил человек. – По крайней мере, я попробую. Иначе всю жизнь буду себя клянуть за неиспользованные возможности!

- Всю жизнь, — усмехнулась Смерть. – Сколько ее там осталось, твоей жизни? Ну ты и оптимист! Ладно, давай подписывать договор.

- Чем?

- Кровью, разумеется! Да не шарахайся ты так, я не Дьявол. Я всего лишь скромная Смерть. Кстати, по твоей подписи я увижу, когда ты окончательно очистишь свой род от Родового Проклятия. Когда она вновь станет чистой и алой, считай, мы в расчете.

И сделка была заключена. Человек подписал договор собственной кровью, и таким образом к Смерти перешли Любовь и Счастье, отпущенные ему судьбой, а Смерть взамен подарила ему жизнь.

- Я накину тебе на память вуаль, — сказала Смерть, — не надо тебе помнить, что мы встречались и разговаривали. Но условия договора ты будешь помнить. Хочешь – живи и выполняй, не захочешь – быстренько аннулируем договорчик, и милости просим со мной на перевоплощение.

... Не соврала Смерть. Наутро он ничего не помнил, но в нем вдруг появилась твердая уверенность, что он будет жить, надо только постараться. Любовь и Счастье. Счастье и Любовь. И он стал стараться.

Жизнь у него получалась непростой. Он женился на женщине, которая его не любила – и ему пришлось самому, как ювелиру, бережно и филигранно выковырывать узоры их отношений. У него появились дети – физически вполне здоровые, но дочку постиг умственный недуг, и человеку пришлось учиться любить ее, и помогать ей, и гордиться каждым ее маленьким успехом, и спокойно отвечать и на сочувствие, и на насмешки.

Но это было не все. Договор гнал его все дальше и дальше. Он много читал и духовно развивался, постигая тайны Рода, чтобы очистить его от Проклятия. На этом Пути он получил ценную информацию и познакомился с нужными людьми, и однажды удостоился Тайного Посвящения, где получил новое имя – Родосвет. Может, со стороны это и может показаться случайностью, но на самом деле, это было закономерно, потому что к тому времени он многое сделал, и в дремучих дебрях его Рода появились ясные и четкие тропы, и сверху на них хлынул Свет. Где-то на этом пути страшный диагноз, который когда-то чуть не привел его к Смерти, потерялся, исчез, остался далеко позади.

И он умножал свое Счастье, щедро делясь с другими всем, что постиг. Он смог помочь себе – и ему хотелось помочь сотням и тысячам других, попавших в такую же беду. Он стал находить разных людей, объединенных одной идеей, и сводил их вместе – для того, чтобы они могли обмениваться опытом и нести Свет дальше. Ему верили, за ним шли, вокруг него собирались те, кто шел тем же путем.

Однажды он вдруг понял, что его жизнь чем-то похожа на сказку. Он узнал, что есть целая наука – сказкотерапия, лечение сказками, и со всем пылом бросился ее изучать. Те, кто его знал, удивлялись: он уже долго жил на земле, у него появились внуки, а он выглядел гораздо моложе своих лет. И кто бы мог сказать, что в юности он стоял у смертельной черты, и врачи

не могли ему помочь? Он и сам не заметил, как, поднимаясь все выше и выше, оказался там, где нет уже ни леса, ни запутанных троп, ни непроходимых буреломов, а есть только простор, крылья и радость полета.

И вот наступил тот миг, когда Смерть, перебирая старые договора, увидела, что на одном из них подпись яркая и пульсирующая, как будто в ней происходило биение жизни. Было впечатление, что она совсем свежая, только что сделана живой, яркой алой кровью.

- О! Кто это у меня? Похоже, договорчик-то выполнен! – и Смерть, взглядевшись, вспомнила того самого юношу, который очень хотел жить.

Надо сказать, что договоры заключаются гораздо чаще, чем выполняются. Не все хватает сил и последовательности, чтобы выполнить все условия. А этот, похоже, был молодец — не обманул!

- Вот ведь поговорка у них есть – «обмануть смерть», — проворчала она. – Невдомек им, смертным, что все как раз наоборот. Не обмануть, а заключить договор, совершить равноценный обмен! Тогда только у них шанс появляется... Ну да ладно. Рада за него. Теперь я верну ему Любовь и Счастье. Теперь он не мой, и пусть им занимается Жизнь.

И однажды, паря в высоких слоях, где он теперь пребывал постоянно, Родосвет встретил Ангела. Ангел явился в образе земной женщины. Она и выглядела как ангел – чистая, тонкая, светлая и полная Любви. Увидев ее, человек мысленно ахнул: «Вот ради этой встречи и стоило жить!».

В Ангеле было все, что когда-то принадлежало и ему – и Любовь, и Счастье, и он щедро изливал на него потоки этого сияющего дождя. Человеку казалось, что он попал в рай – ведь до сих пор он мог ощущать лишь то, что сам смог добыть, увидеть, а где-то даже и придумать. Иногда в таких случаях возникает мысль, что ты не достоин такого счастья. И тогда получатель от него отказывается – не выдерживает потока Любви.

И в нашем человеке тоже возникло чувство вины. Ведь он оставил там, внизу, тех, кто был с ним эти долгие годы – жену, детей, привычный круг знакомых и друзей... И когда он сказал им, что теперь не может жить тут, внизу, потому что крылья просят полета, а душа – Любви, разумеется, он был не понят, и многие его осуждали. Ведь там, внизу, многие так и жили – без любви, без счастья, без полета, и ничего, существовали как-то...

В то самое время Жизнь бросила взгляд на человека и приостановила свой бег.

- Эге-ге, да тут требуется мое вмешательство, — покачала головой она и, дождавшись удобного момента, обратилась к человеку..

- Я знаю, тебе удалось преодолеть судьбу и договориться со Смертью, и что Твои Любовь и Счастье теперь вновь в твоём полном распоряжении. Но что-то я забеспокоилась. Не все ладно?

- Да нет, все хорошо, но...

- Ты сумел быть счастливым, когда у тебя все было плохо, и над тобой довлел смертельный договор. А теперь, когда ты свободен и крылат – почему ты не принимаешь свое Счастье?

- Я чувствую себя виноватым, — признался человек. – Дело в моей семье. Они страдают. Им будет плохо без меня. Раньше я давал им Любовь и Счастье, а теперь?

- А теперь им придется научиться добывать их самим. Так же, как и тебе когда-то. Не лишай их возможности пройти через испытания и подняться выше – туда, где небо, полет и бесконечный танец душ.

- Но им больно...

- Обычно через боль и происходит развитие души, — сказала ему Жизнь. – Иначе как вас, ленивых и нелюбопытных, заставить расти? Только под страхом смерти. Или боли. И вот что я тебе скажу: иногда принести боль является величайшим благодеянием, потому что с этого момента и начинается настоящая борьба за жизнь.

- Хочешь сказать, что теперь я должен пройти еще и этим Путем? – спросил он.

- Так и есть. Ты научился давать и поддерживать. Теперь научись брать и получать.

Это всего лишь следующий этап обучения, ведь твой Путь еще не закончен. Надеюсь, на этот раз не придется заключать новую сделку?

- Нет. Я сам, — широко улыбнулся человек. – Я понял. Я не буду им мешать. Пусть они тоже пройдут свой Путь. И я буду рад встретить их там, в небе, где танцуют вместе Люди и Ангелы.

Автор: Эльфика

О зоне комфорта (притча)

Один знатный дворянин увлекался соколиной охотой. Как-то раз егерь принес из леса крошечного и едва живого птенца сокола. Герцог сам выкормил малыша и отдал ловчему для обучения. Птенец вырос и превратился в сильного и красивого сокола. Вот только никто и никогда не видел его в небе – все дни он проводил на ветке дерева, на которую попал крохотным птенцом.

Герцог любил, стоя на балконе, наблюдать за тренировками своих охотничьих птиц – ловчий отлично знал свое дело, и в небе парили хорошо обученные орлы и коршуны. Но любимый сокол герцога по-прежнему не покидал своего места.

Раздосадованный дворянин послал гонцов во все уголки своих владений с приказом найти человека, который научит сокола летать. Как-то утром герцог вышел на балкон и увидел в небе над замком своего любимца. Он был очень обрадован и велел немедленно привести к нему человека, сотворившего это чудо. Через несколько минут в покои вошел простой крестьянин.

Удивленный дворянин обратился к нему с вопросом:
Как тебе удалось заставить его взлететь?

– Это было несложно, ваша светлость, - ответил крестьянин, - я всего лишь спилил ветку, на которой сидел сокол. Лишившись привычного места, он вспомнил что у него есть крылья и взлетел.

О клевете (притча)

Один человек ходил по округе, проклиная священника и распространяя о нём по всему приходу лживые, злобные слухи. В один прекрасный день он почувствовал раскаяние и, придя к священнику, попросил у него прощения. Он сказал, что готов на всё, чтобы загладить свой грех. Священник сказал ему, чтобы он взял у себя дома подушку, распорол её и выпустил перья на ветер. Просьба была довольно странной, но выполнить её не составило труда.

Сделав, как ему было сказано, он вернулся и доложил об этом священнику.

— А теперь, — сказал священник, — иди и собери все перья. Хотя раскаяние твоё, как и желание исправить причинённое зло, искренне, но возместить ущерб, причинённый твоими словами, так же невозможно, как собрать пущенные по ветру перья.

ОРБИТАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ

Я – Орбитальная Станция. Кто и когда меня создал, кто запустил в космос, почему я нескончаемо лечу и лечу по невесть кем заданной орбите – я не знаю. Просто так было и так есть. Это моя сущность, и я так живу.

Я очень сложно устроена, очень! Я огромная и состою из многих частей и механизмов: в центре — энергетическая установка, от нее разбегаются во все стороны радиальные переходы, дальше начинаются рабочие помещения – жилые отсеки, лаборатории, пищеблок, медчасть, гидропонные оранжереи, склады, технические помещения. Все это снаружи ограничено «бубликом», в котором расположены ангары и стыковочные шлюзы, их очень много, они идут по всей окружности

«бублика». И венчает все это сооружение прозрачная надстройка – там центр управления полетом, мощный бортовой компьютер, генератор защитного поля, радиорубка, разные навигационные приборы, карта звездного неба.

Я помню времена, когда во мне кипела жизнь – то и дело подлетали большие и маленькие звездолеты, в ангарах копошились механики, в жилых отсеках большинство кают было занято, а с кухни всегда тянуло вкусными запахами. Внутри меня постоянно были люди, много людей. Медицинские роботы все время были задействованы – обычно на каждом приставшем кораблике находилось немало страждущих, потрепанных дальними космическими путешествиями и нуждающихся в лечении и реабилитации. Еще они нуждались в запасах пищи, воды, энергии, в запчастях для звездолетов и навигационных картах. И я была рада – я приносила пользу, выполняя свое предназначение. В том, что у меня именно такое предназначение – давать временный приют путникам, пополнять их ресурсы, лечить и ремонтировать, восстанавливать их потенциал и снабжать энергией для дальнейшего полета, я и не сомневалась: видимо, эту программу в меня вложили при создании.

Одни задерживались надолго, другие улетали почти сразу. Одним относились ко мне бережно и брали ровно столько, сколько надо, другие старались захватить побольше, впрок – я не препятствовала, у меня много и хватит на всех. Некоторые оставляли что-нибудь в благодарность – книги, картины, красивые камни, артефакты с далеких планет, и это постоянно обогащало мой внутренний мир.

Но теперь все по-другому. Я по-прежнему совершаю полет по предписанной траектории, но давно перестали прилетать звездолеты, умолкли звуки, законсервирована большая часть оборудования, и с кухни уже не тянет то ароматным кофе, то мясом по-бургундски. В полутемных коридорах мигают тусклые аварийные лампы, а яркий свет потушен – кому светить? Склады переполнены, и никто не тащит из них микросхемы, медикаменты или банки с консервами. Пустует радиорубка, не бормочут голоса, никого не интересует карта звездного неба. Падают с деревьев переспевшие плоды в оранжевых, и в воздухе стоит едва заметный сладковатый запах гниющих яблок и ананасов. И повсюду пыль... Толстый слой пыли покрывает приборы, экраны, коридоры и переходы. Все мои процессы заторможены, я нахожусь в режиме энергосбережения, жизнь во мне словно замерла. Нет, я, конечно, не умираю, но... по ощущениям это очень похоже. И все чаще возникает вопрос: для чего я вообще нужна?

- Ты нужна мне, — говорит он, и я вздрагиваю. Не заметила, как он нарисовался...

«Он» — это Смотритель. Единственное живое существо, которое обитает теперь в моих глубинах. Вернее, почти живое, потому что Смотритель всего лишь биоробот.

- На верхней галерее крепления ослабли. Я подтянул, теперь все в порядке, — сообщает он.

Да, теперь все в порядке. Наверное. Не знаю, я не чувствую. Наверное, я слишком обширна, чтобы чувствовать каждое крепление. А он регулярно делает обходы, что-то чинит, улучшает, переделывает. В общем, он обо мне заботится, а я позволяю. На самом деле я с самого начала задумана автономной и самодостаточной, у меня тонко настроенная система оповещения, и все мелкие неполадки устраняются в автоматическом режиме. Но Смотритель мне все равно нужен – каждая уважающая себя Орбитальная Станция имеет Смотрителя.

Откуда он взялся, я не помню. Наверное, прилетел в те времена, когда здесь было очень много народа, всеобщая суeta, постоянное оживление и веселая неразбериха. Тогда мне было некогда скучать – я только успевала фиксировать прибытия-убытия, удовлетворять запросы и распределять ресурсы. Поэтому то, что я его не замечала, вовсе не удивительно. Но когда отбыл последний корабль, под завязку загрузившись моими дарами, когда захлопнулся шлюз и внутри меня воцарилась непривычная тишина, только он остался со мной – мой Смотритель.

- Как ты? – спрашивает он.

- Как, как... Сам знаешь как! – отвечаю я, стараясь не раздражаться. – Бездействую...

- Отдыхай. Даже орбитальным станциям нужен отдых, — говорит он.

- Сколько можно отдыхать? – дергаюсь я. – Я умираю от скуки.

- Ну, давай я расскажу тебе что-нибудь интересное, — предлагает он.

- Не надо. Мне надоели наши бесконечные разговоры, — капризничаю я.

Действительно, мы только и делаем, что разговариваем. Причем так давно, что истории начали повторяться. И разговоры — это совсем не то, что может вывести меня из анабиоза.

- Может быть, я больше не нужна Мирозданию? — предполагаю я. — Выполнила свою функцию, поизносилась, и теперь заброшена до скончания веков, пока время не довершит мое разрушение...

- Пока ты кому-нибудь нужна, ты будешь жить, — говорит Смотритель. — А ты нужна мне. Иначе как я буду выполнять свою функцию — заботиться о тебе?

- Это да, — вяло соглашаюсь я. — Хотя ты можешь найти себе другой космический объект и заботиться уже о нем.

- Не хочу, — говорит мне он. — Я к тебе привык, я тут уже все знаю, каждый твой переход, каждую лесенку. Все родное, все свое. Может быть, я теперь тоже — часть Станции?

- Это вряд ли. По крайней мере, ты в любой момент можешь улететь туда, куда захочется, в любую сторону, в любое место Вселенной.

- А ты?

- А моя орбита определена. Я же не космический корабль — как придали первоначальное ускорение, так и лечу по заданной траектории. Моя задача — привечать усталых путников и давать им «путевку в жизнь». Иначе просто не долетят. А они перестали ко мне прилетать, и в этом вся проблема.

Воцаряется молчание. Возразить ему нечего — ну да, так все и есть.

- Пойду проверю периметр, — говорит Смотритель. — Внешнее кольцо посмотрю, ангары, что там и как...

- Пыль там, — устало отвечаю я. — Что там может быть, если кругом — космический вакуум и ни одного живого существа?

- Все равно проверю, — решает он. — Я там давно не был. Хоть пыль смахну...

- Ну ладно, — соглашаюсь я. — Иди, чего ж...

Он уходит, и воцаряется ватная тишина. Конечно, я могу включить музыку или запустить на экран какой-нибудь фильм, но мне не хочется. Фильмы я уже все пересмотрела на сто рядов, скучно, ничего нового, а музыка часто вызывает во мне бесполезные эмоции — тоску, ностальгию, печаль. Или же возбуждение, эйфорию и воспоминание о кипении жизни, после которых еще тяжелее. Поэтому я ничего не включаю, а погружаюсь в себя. Рассеянно сканирую космическое пространство — нет, пусто, никакого движения. Только звезды подрагивают, словно реснички мигают. И радиоэфир пуст — даже потрескиваний не слышно. Тишина, пустота, полный застой и отстой. «Я законсервирована, — думаю я, — до лучших времен. Когда только они наступят, эти «лучшие времена»?

- Станция, просыпайся! — вырывает меня из забытья голос моего Смотрителя. — Ты знаешь, что я видел?

Он почти кричит, он невероятно возбужден и размахивает гаечным ключом, я его таким никогда не видела.

- Что, привидение встретил? — шучу я.

- Бери выше! И шире! Я видел, как на тебе кипит жизнь. И только ты ничего не видишь и не слышишь!

- О чем это ты? — удивленно спрашиваю я, окончательно просыпаясь. — Где это на мне кипит жизнь? Ты здоров ли, мой друг?

- Я-то здоров, это ты, похоже, больна, — радостно докладывает он. — Но теперь я знаю, как тебе помочь. Сейчас возьму инструменты и все поправлю. Только для этого мне надо будет выйти в открытый космос.

- Зачем – в космос? – пугаюсь я. – Слышь, Смотритель, ты не выдумывай! Ты – внутреннее существо, тебе наружу нельзя. Ты не приспособлен, тебе опасно. Там радиация, там метеориты, да мало ли там что... Оставь эту мысль!

- Не оставлю! – бодро отвечает он. – В том-то и ошибка, что у нас с тобой все происходит внутри, а если посмотреть снаружи – совсем другая картина.

- Да знаю я, как там снаружи! – объясняю я. – Вся информация извне попадает на датчики антенн, передается на бортовой компьютер обрабатывается и выводится на экран. Все я вижу, как там снаружи, спокойно там и пусто...

- Все настройки сбиты, датчики безнадежно устарели, а на экране – форменное вранье. Потому что снаружи давно все изменилось, а ты и не заметила!

- Что за ерунда? – сержусь я. – Откуда ты знаешь?

- А я был там, снаружи, — докладывает он. – Я все видел своими глазами.

- Что???

Все, дождалась. Мой Смотритель рехнулся – от пустоты и одиночества, и от слишком тесного и долгого общения с заброшенной Орбитальной Станцией. Что он вообще несет, какую чушь?

- У тебя, между прочим, на внешнем кольце – тьма кораблей. Десятка три, не меньше! Одни улетают, другие прилетают, движение, драйв! Почти все ангары заняты, народ ремонтируется, заправляется, черпает ресурсы, обменивается опытом. Так что жизнь замерла только в твоём восприятии, а так-то она продолжается и даже эволюционирует! И когда я попросил предоставить мне бот, чтобы осмотреть станцию снаружи, мне охотно оказали такую услугу.

- Что ты мне тут сказки рассказываешь? – обиделась я. – Или ты так хочешь меня поддержать? Но я не собираюсь создавать себе иллюзии...

- Это и есть иллюзия, причем крайне вредная! – нетерпеливо перебил меня он. – Понимаешь, все дело в том, что там, снаружи, кое-что произошло. Построены новые корабли, которые гораздо меньше нуждаются в услугах орбитальных станций. Проложены новые маршруты, не отмеченные в твоих навигационных картах. Изменились частоты передач. А ты об этом ничего не знаешь, потому что все твои приборы и датчики настроены по-старому. Поэтому тебе кажется, что ты выпала из жизни. А вернее сказать, ты перестала чувствовать реальность!

- Бред какой-то, — неуверенно сказала я.

- И еще у тебя главная антенна набок свернута, — добавил он. – Она теперь ловит не звездное небо, а твой собственный бок. Но ты не переживай, сейчас я все настрою.

- погоди! – вскричала я. – Я... я боюсь. Это ж что получается, что я... потеряла себя? Выпала из реальности? И там за это время все изменилось, а я теперь не соответствую?

- Успокойся, соответствуешь, — утешил меня Смотритель. – Ты не можешь потерять себя, ты же есть! Ты просто пребывала не в резонансе со всей остальной Вселенной, но это поправимо. Говорю же, я все сейчас сделаю. Я пошел, бот меня ожидает. Не бойся, я с тобой!

Легко сказать «не бойся»... Конечно, я была взволнована – я никак не могла осознать полученную информацию. Уж больно нереальной она мне показалась! И мысли, что Смотритель слегка двинулся умом, тоже меня не оставляли.

- Сейчас-сейчас... сеей-чааас... — напевал Смотритель, копаясь в моих настройках.

- Когда мы прогрессируем? – вдруг ожило радио. – В момент, когда мы находим силу и смелость выйти за пределы привычных представлений и увидеть себя со стороны, глазами беспристрастного наблюдателя. Только тогда мы получаем возможность преобразовывать себя так, как нам этого хочется.

Это была глубокая и очень важная мысль, но я не успела ее хорошенько усвоить, потому что в этот момент на главном экране проявилось изображение какой-то грандиозной конструкции, в которой я не сразу опознала себя. Да, да, это была я – Орбитальная Станция, невероятно сложное творение, состоящее из множества модулей, переходов и галерей, ограниченных

внешним кольцом. А там... Я увидела, что на внешнем кольце действительно происходит жизнь – одни корабли медленно всплывают в шлюзы, другие – крутятся на орбите, третьи набирают скорость, чтобы покинуть меня и улететь в иные миры.

- Боже, но почему я не ощущала их присутствия? – недоумевала я. – Да и сейчас не ощущаю... Я их вижу, но не чувствую. Видимо, сломался какой-то сенсорный датчик, самый главный. Если честно, то я существую отдельно от той картинки, где кипит жизнь. Может быть, я уже умерла? А все это мне снится? Я не чувствую себя живой – почему?

- Я могу сказать, но ты обидишься, — чуть помедлив, отозвался Смотритель.

- Да чего уж там, говори! – потребовала я.

- Ты всю жизнь была ориентирована на заботу о других и совершенно забыла о себе. Ты создавала комфорт для других, ты дарила им тепло и свет, отдавала энергию, предоставляла приют, и думала, что это твоя единственная функция. Но они прилетают, пользуются тобой и вновь улетают, а ты остаешься одна. Всегда. По сути, ты абсолютно, космически одинока.

Я молчала. Он озвучил мои самые потаенные мысли, которые я всегда гнала. Но он был прав: я абсолютно, космически одинока, и от этого можно было бы сойти с ума. Может быть, поэтому я и отключила все чувства?

- Трудно быть хорошей для всех, — посмотрел мне прямо в лицо Смотритель. – На это уходят все силы. И потом кажется, что жизни нет.

Да, так мне и кажется. Но я ведь Орбитальная Станция, я так устроена.

- Скоро здесь снова будет многолюдно, — сообщил Смотритель. – Ты довольна?

Довольная ли я? Не знаю. Я ведь себя не чувствую. Мне нужно заботиться о других. Это моя сущность, и я так живу.

- Ладно, иди, работай, — вяло говорю я. – Спасибо, Смотритель...

И я усилием воли переключаю мысли на обеспечение жизнедеятельности. Планетарий построить, что ли? Да, пожалуй. Хоть какая-то новизна, хоть какие-то изменения...

Автор: Эльфика

ОХОТНИК

Охотник был молодым и удачливым. Он редко возвращался без добычи. Он хорошо знал лес, его законы, ему было интересно изучать привычки и повадки разных зверей.

Он не признавал «охоты для ленивых», когда зверя лупят из оптических винтовок с вертолетов, расстреливают из армейского автомата или гонят с помощью орды орущих и шумящих загонщиков. Нет, ему нравилось охотиться самому, когда он был со зверем один на один, и нужно было придумывать всякие хитрости, премудрости и нестандартные ходы, чтобы перехитрить зверя и сделать его своей добычей. Ему нравился драйв погони, нравилось мчаться за зверем, устраивать ему хитроумные ловушки, бросаться наперерез, спрямляя путь, или часами сидеть в засаде. Тогда он и сам казался себе диким зверем — сильным, свободным и хитрым. Он любил в компании охотников демонстрировать свои трофеи, которые всегда вызывали восхищение и одобрение. Он был настоящим мужчиной, этот Охотник. И набор его «игрушек» был очень мужественным: ружье, капканы, разные инструменты, гитара, лыжи, и все в этом же роде.

Однажды он увидел в лесу Рысь. Она поразила его в самое сердце — раз и навсегда. Рысь была хороша! Сильное гибкое тело было упаковано в солнечно-золотистую шкуру с густым блестящим мехом. Острые когти казались кинжалами, выточенными из янтаря. Раскосые зеленые глаза смотрели отстраненно и загадочно, и было похоже, что они впитали в себя всю зелень леса, пронизанную лучами солнца. В движении Рыси читались грация и

мощь, и это было пьянящее сочетание. Он влюбился мгновенно. «Она будет моей добычей», — решил он.

Рысь вовсе не собиралась становиться чьей-то добычей. Она была рождена свободной, и у нее были свои планы на эту жизнь. Ей нравился лес, нравилось собственное тело, нравилось прыгать и бегать и просто лежать на ветке. Она чувствовала свою силу, и это было приятно. Она еще не знала, что кто-то намерен на нее охотиться.

Охотник не торопился. На этот раз он особенно тщательно продумывал стратегию. Ему не нужна была мертвая Рысь — он хотел взять ее живой. У мертвой Рыси погасли бы ее мистические глаза, а они более всего поразили воображение Охотника. Он еще не знал, как будет действовать, но его изощренный мозг Охотника уже просчитывал все возможные варианты, искал пути воплощения своей невероятной идеи.

И началась охота по всем правилам. Охотник преследовал. Рысь ускользала. Она прекрасно ориентировалась в лесу — это ведь был ее дом. А домом Охотника было зимовье — довольно благоустроенная избушка, в которой он все любовно сделал своими руками. Охотник сразу отверг привычные способы охоты. Капканы не годились — он не хотел калечить трофей. Ружье тоже — даже если стрелять по лапам, это испортило бы великолепную шкуру. Яма — нет, Рысь легко бы выбралась из любой ямы. В крови Охотника бурлил адреналин, он чувствовал необычайный прилив сил. Он любил трудные задачи — они придавали вкус и остроту жизни, они увеличивали радость победы.

Сначала он стал изучать Рысь — излюбленные места отдыха, маршруты, повадки. Важным было все. Иногда они видели друг друга, но он сознательно не приближался, чтобы не спугнуть. Он знал, что Рысь осторожна и недоверчива, нужно было приучить ее к своему присутствию, преодолеть ее врожденное свободолюбие, и это добавляло азарта.

Постепенно Рысь перестала немедленно исчезать при его появлении. Наверное, ей тоже стало интересно, что это за новый зверь появился в их лесу. От него не пахло металлом и порохом, не пахло опасностью, и Рысь позволила себе приблизиться к нему чуть больше.

Вскоре он стал приносить ей подарки и оставлять там, где она любила бывать. Это были очень вкусные подарки, и вскоре Рысь стала их принимать.

Однажды он пришел в лес с какой-то непонятной замысловатой корягой — Рысь немедленно растворилась в листве, но так, чтобы можно было наблюдать за ним. Он снял с плеча корягу, уселся на пенек, приладил ее на колено — и запел. Рысь сразу поняла, что это песня, потому что она была мелодичной, плавной и очень красивой, как у птиц, только лучше. Его голос завораживал, а еще больше завораживали звуки его коряги. Рысь еще не знала, что это была гитара, но ощущала, что и сам инструмент, и голос Охотника сейчас единое целое, и от них исходила первозданная искренность и естественность — то, что было присуще и самой Рыси. В тот раз она подобралась очень близко, совсем забыв об осторожности. Так близко, что он мог бы погладить ее. Но он не воспользовался этим — после того как песни кончились, он просто встал и ушел.

С этого дня Рысь стала ждать его. Ей хотелось снова и снова слушать его голос, эти песни, веселые и тоскливые, от которых щемило сердце, а по золотистой шкуре пробегали произвольные волны. Рыси уже не хватало того, что составляло ее жизнь от самого рождения. В ней просыпались какие-то смутные, непонятные желания, которые она пока не могла осознать.

Теперь Рысь уже не могла полностью отдаваться процессу своей охоты — ее мысли не были сконцентрированы, какая-то ее часть была занята Охотником. Наверное, ей бы пришлось голодать — но его вкусные подарки заменяли ей упущенную добычу.

Рысь, дитя Природы, и не подозревала, что на нее охотятся. С каждым разом Охотник садился петь свои песни все ближе и ближе к зимовью. Рысь продвигалась к его жилищу вместе с ним. Теперь он с ней разговаривал, и Рысь незаметно для себя стала понимать его

язык — сначала интонации, потом отдельные слова, а потом и все, что он говорил. Теперь она уже не дичилась, подходила совсем близко и не пряталась в ветвях. Без него она была все той же — сильной, опасной, свободной и непреклонной. С ним она становилась мягкой, открытой, восторженной и наивной. Почти как домашняя кошка.

И наступил день, когда он сел с гитарой на крылечко зимовья. Рядом не было деревьев, и Рысь чувствовала себя неуютно. Она пыталась пристроиться то тут, то там, но все было не так. Она не любила открытые пространства, там она чувствовала себя незащищенной. Он словно бы догадался об ее метаниях. И пригласил ее туда — внутрь зимовья. Этого Рысь уже не вынесла, и молнией, одним длинным прыжком, скрылась в лесу. Неделя она охотилась, гоняла по лесу из конца в конец, и старалась не думать об Охотнике вообще. Он тоже не появлялся в лесу все это время. Это входило в его стратегию. Он знал, что рано или поздно любопытство возьмет верх — и Рысь придет. Каждый вечер он выходил на крылечко, но не пел, а просто сидел и смотрел на заходящее солнце. Он улыбался. Он знал, что все идет, как задумано. И в один из этих вечеров перед ним буквально из ничего материализовалась его Рыжая Бестия. Она тяжело дышала, вид у нее был независимый, а тело напряжено, словно она готовилась в любой миг снова совершить прыжок в чащу. Ему очень хотелось, чтобы Охота завершилась прямо сейчас, и он еле сдерживал свое желание. О, Охотник умел ждать! И он знал, что на Охоте любое неверное движение может стать роковым — добыча уйдет навсегда. На этот раз он просто заговорил. Он говорил негромко, размеренно, ласково, и Рысь постепенно расслабилась, не отрывая от него мерцающих глаз, и непонятно уже было, кто кого гипнотизирует — он ее своим голосом или она его своими глазами. Но в этот день ничего не произошло. Спустилась ночь — и Рысь снова ушла в свою жизнь.

На следующий день она впервые решилась войти в его зимовье. Осторожно и недоверчиво обошла все уголки, потрогала лапой мягкую ткань на широкой лежанке, с восторженным ужасом рассмотрела укрошенный огонь в печке. Ей все было ново, непонятно, интересно. Охотник внутренне ликовал. Охота близилась к концу.

И когда Рысь впервые осталась в зимовье на ночь, он испытал восторг, счастье, гордость. Он сделал это! Он приручил дикую кошку, которую в лесу побаиваются все. Он — Великий Охотник. Теперь у него есть то, чего ни у кого нет, — ручная Рысь.

Нет, она еще долго не становилась совсем ручной. Прошло много времени, прежде чем она впервые взяла пищу прямо у него из рук. И еще больше, прежде чем она научилась спать на его лежанке, рядом с ним. Он чувствовал рядом ее дыхание, ее тепло, ее шелковистый мех, ее диковатый пряный запах — и голова его кружилась от счастья. Такая Охота! Столько времени, сил, ухищрений.

Но результат того стоил! Теперь Рысь ему доверяла, она запрыгивала к нему на колени и позволяла себя гладить. Это было чудо. Это была полная, безоговорочная победа. Это был фантастический, уникальный, невероятный трофей!

Но в глубине души Охотника уже извивалась маленьким червячком мысль: «А что дальше? На кого я буду охотиться теперь?» Не охотиться он не мог — ведь он был Охотник.

Шли дни, Охотник и Рысь привыкали и приспосабливались друг к другу. У них еще было много недосказанного и непознанного, и это придавало их жизни смысл и остроту. Рысь научилась ловить мышей (а что еще делать в зимовье дикой кошке?), подтачивать когти и не распускать их без нужды, делать зимовье уютным, обращаться с огнем и еще многим человеческим вещам.

Тем временем червячок рос, крепчал, наливался силой, и однажды Охотник вдруг почувствовал тоску. Он тосковал по широким заснеженным просторам, и по непроходимым буреломам, и по искрящимся извивам реки. И по Охоте. По выслеживанию, погоне, поимке добычи. Но новым острым ощущениям. По драйву и адреналину. Тоска заставляла доставать флягу с остро пахнущей прозрачной жидкостью, и тогда он снова брал в руки гитару, пел свои

песни, а потом гладил Рысь, прижавшуюся к его ноге. Но действие жидкости проходило, а тоска — нет. И однажды Охотник достал из кладовки свои широкие лыжи, рюкзак и ружье, и ушел, тщательно заперев дверь. Он очень не хотел, чтобы его Добыча ускользнула. Она ведь была его, и только его — ни у кого такой не было Рысь осталась ждать. Ей тоже было тоскливо, но она думала, что так надо. Откуда ей знать — может, у людей все так и устроено? Охотники уходят, а Рыси сидят в зимовье и ждут их возвращения. Рысь пыталась успокоиться, но природный инстинкт подсказывал ей: что-то не так. Что-то в этом было неправильное. Противное ее природе.

Охотник уходил все чаще и не приходил все дольше. Он приносил добычу — но мертвую, убитую, не представляющую опасности. Такую Рысь и сама могла бы добыть, даже лучше, потому что без выстрелов. Иногда от него странно пахло — эти запахи будоражили и злили, от них исходила опасность. Непонятная, и от этого еще более ненавистная. Рысь пыталась привыкнуть, но как-то не привыкалось. Теперь Охотник все реже брал в руки гитару и все реже разговаривал с ней.

Рысь все больше нервничала и пыталась обратить на себя внимание. То ласкалась, то огрызалась. Иногда она так сердилась, что царапала мебель, скалилась и шипела, не давала к себе подходить и днями лежала, забравшись под лежанку. Охотника, казалось, это уже не очень трогало. Он просто все чаще уходил и вновь возвращался все более отдаленным, с этими чужими запахами. Только когда он напивался своей огненной воды из фляжки, он разговаривал с Рысью, но это были плохие разговоры.

— Ты понимаешь, я не могу без Охоты, — втолковывал он. — Охота — это моя сущность. Мне скучно, когда добыча уже в рюкзаке. Понимаешь? Мне сам процесс важен, только в нем я живу. А если за добычей не надо охотиться, она мне неинтересна — мне интересна погоня, борьба, схватка. Ну а ты жди меня дома, тебя я уже заполучил. Кто-то же должен ждать меня дома? Как ты думаешь?

Рысь думала по-другому. У нее тоже была своя сущность — Свобода, и она не рождена была сидеть в зимовье. И ей тоже интересно было гнаться за добычей, прыгать с дерева на дерево, купаться в утренней росе и жмуриться, греясь на летнем солнышке. Но Охотник приручил ее — и она, незаметно для самой себя, потеряла свою Свободу. Она бы могла сказать ему — но он ее не слышал. Все-таки он был Охотником, а она — Рысью, и они разговаривали на разных языках.

Однажды, когда Охотника особенно долго не было дома, Рысь подошла к зеркалу. Она не любила зеркало — это изобретение человека, потому что зачем смотреть в зеркало, если и так знаешь, что прекрасна? Но зеркало не отразило красоты. Из зеркала на нее смотрела просто крупная кошка с потухшим взглядом. Погасли солнечные искорки, выцвела зелень в глазах. И ничего мистического в них уже не было. Шерсть тоже была тусклой и клочковатой, а некогда сильное тело — вялым и некрасивым.

Рысь смотрела — и чувствовала, как в ней поднимается что-то полузабытое, но родное. Наверное, инстинкт Свободы. Она и не заметила, как начала все сильнее и сильнее раскачиваться на пружинящих лапах. А потом взревела. Ее рев был полон отчаяния и страсти, в нем сплелось все: и тоска по зеленым ветвям, и досада на себя, и злость на Охотника, и желание перегрызть толстые доски закрытой двери, чтобы ее больше не было, чтобы солнце снова брызнуло в ее глаза. Это все ширилось, увеличивалось и вливалось силу в ее тело, и оно становилось прежним — диким и мощным.

Конечно, можно было дожждаться возвращения Охотника, но она не могла больше ждать. И решение пришло: собрав все свои силы, она совершила свой лучший прыжок — ее тело, вытянувшись в струну, пробило насквозь маленькое стеклянное окно зимовья и покатилося клубком по траве, оставляя на ней пятна крови и клочья шерсти. Они тянулись до самого леса — ее дома, ее пристанища, где она еще могла спастись.

Конечно, она спаслась. Инстинкты подсказывали ей, как это сделать. Она ела целебные травы, грызла кору, слизывала муравьев и пила много чистой, хрустальной воды из лесных родников. Природа все предусмотрела. Ее раны от острых осколков стекла быстро заживали. Она снова стала охотиться — сначала на лесных мышей, а потом и на более крупную дичь. Она быстро обретала былую форму, ее тело наливалось силой и грацией. Ее глаза снова обрели изумрудный цвет, и в них заиграли янтарные искорки. Взгляд снова стал загадочным и вызывающим, только теперь в нем сквозила еще и мудрость. Она размышляла: о себе, об Охотнике и о том, что случилось с ними. Только теперь она отводила для этих мыслей специальное время — совсем немного. Остальное время она просто наслаждалась ощущением леса, своей силы и счастья от существования.

Охотнику было плохо. Не найдя ее в доме, увидев следы крови, он обезумел. Он искал ее, он облазил весь лес, он видел ее следы — но ни разу не встретился с ней. Но она была хотя бы жива — и это уже грело ему душу. Он и не представлял себе, насколько привык к ней. Ему не хотелось пить, ему было холодно спать, и вообще в зимовье без нее было холодно и пусто. Он стал слишком часто открывать свою фляжку, но это не приносило ему облегчения. Его Лучшая Добыча, его Уникальный Трофей теперь потерян, и некому жаловаться, некого обвинять, потому что он сам забыл, что Рысь — дитя Свободы, и никогда ей не стать домашней кошкой. Он забыл, что Охота — это и ее Сущность.

Он упустил самое лучшее и чудесное, что у него было в жизни. И что-то исправлять было поздно, безнадежно поздно.

Иногда он подходил к зеркалу. Из зеркала на него смотрел старый, угрюмый человек с потухшим взглядом. Он. Охотник. Охотиться почему-то не хотелось. Вообще ничего не хотелось.

Да нет, конечно, он время от времени охотился. И трофеи были. Но они не радовали его — все они были какими-то слишком мелкими, или слишком крупными, в общем, не такими. Обычными. И он забывал их сразу после Охоты.

...Однажды в начале осени он просто заставил себя взять ружье и пойти в лес. Он шел — и не чувствовал ни драйва, ни азарта, ни силы в ногах. Просто надо было что-то есть, вот и шел. И даже разноцветная красота ранней осени не трогала его. Он и не заметил, как в какой-то момент на тропе, преградив ему путь, появилась она. Рысь. Зрелая, сильная, прекрасная. Сияющая золотом шкуры и зеленью глаз.

— Если ты хочешь меня убить, — сказал он, — то ты имеешь на это полное право. Я не буду защищаться. Я открыт. Ты видишь, я кладу ружье. Я рад, что еще раз увидел тебя.

Рысь переступила с лапы на лапу и перетекла в сидячее положение. Она пристально смотрела на него, и у нее были совсем человеческие глаза. Она смотрела на него, куда-то вглубь, гораздо глубже, чем умел он сам. И он услышал голос — там, внутри. Это был ее голос, уж ему ли не знать.

— Я не хочу уничтожать тебя. Да, ты отобрал у меня Свободу — но ведь я ее сама отдала. Я прошла сквозь Боль — и обрела Силу, гораздо большую, чем раньше. Я думала обо всем этом — и получила Мудрость. Так что я не в претензии.

— Я рад, — облегченно вздохнул Охотник. — Я чувствовал себя виноватым. И... мне тебя очень не хватает. Хочу, чтоб ты знала.

Что ж, и мне тебя не хватает. Я предлагаю тебе попробовать еще раз, — предложила Рысь. — Только теперь я не буду твоей домашней кошкой. Я буду приходить — уходить из леса, чтобы побыть с тобой. А ты будешь помнить, что я рождена свободной, и никогда не станешь закрывать дверь зимовья. И еще, про Охоту. Или мы охотимся друг на друга, или вообще по

отдельности. Идет?

Охотник стоял и слушал музыку ее голоса. Жизнь возвращалась. Мир обретал краски.

— И, если ты не возражаешь, сегодня вечером я пришла бы послушать гитару. Мне ее не хватает здесь, в лесу.

Он не возражал. Он, может быть, впервые в жизни, ощущал и драйв, и азарт, и счастье, и все вместе настолько остро — и Охота тут была вовсе ни при чем.

Автор: Эльфика

Пивная Сказка

Это была обычная пятница. Пятница, или банно-стаканный день, так называли этот день недели сотрудники агентства «Радость Жизни».

Работали в нем одни мужчины. Пятничный день, вернее, его вечер, всегда заканчивался баней, где рекой лилось пиво. А на закуску были вяленая рыба и кириешки. Да, это была обычная пятница в череде рабочих дней агентства «Радость Жизни», радостная встреча выходных.

Утро субботы выдалось не таким радостным, как вечер пятницы...

Проснувшись утром и посмотрев на себя в зеркало, на вопрос: «кто это?» он услышал ответ: «У! Е! Ни фига себе!» — так начался день нашего героя. А звали его просто — Организм Мужской. То, что было описано выше — это наружная сторона субботнего утра, а вот его изнанка...

- Кто! Кто запустил Эстрогена в кровь? — завопил проснувшийся Тестостерон.
- Тебе известно такое имя — Мужчина? — улыбаясь и млея от счастья, пропел Эстроген.
- Мужчина? Конечно! Это мой Хозяин, а я — его Организм! И тебе здесь не место! Твое обиталище — организм под названием Женщина, если не забыл! Попутал ты что то! — возмущенно орал Тестостерон.
- Ну тебя, противный! Отстань, пожалуйста! Не видишь, я томный такой... не до тебя сейчас!
- Я тебе покажу — «отстань»! А ну, давай отсюда! Да какого черта?! Кто эту размазню сюда впустил?
- Я же тебе говорю, Мужчина.
- Ты это... говори, да не заговаривайся! У Мужчины мужские гормоны, а ты женский! Так что давай, давай отсюда!
- Да, но твой Мужчина любит пиво, а я люблю его...
- Кого его? Пиво или Мужчину?
- Да обоих! Отвянь ты уже, вот пристал, как банный лист!
- У Б И Р А Й С Я!!!! — собрав все мужество в кулак, проревел Тестостерон.
- Ой-ой, как страшно! — Эстроген плыл по реке крови и тащился от блаженства.
- Слушай. Ну давай по-хорошему! Понимаешь, половая система Мужчины безотказно работает только со мной! А ты наносишь непоправимый вред! — вразумляюще начал Тестостерон.
- Ну давай, давай, поплачь... Мне и так хорошо, а от того, что тебе плохо, еще лучше!
- Ы — ЫЫЫ! — Взревел Тестостерон.
- Да ты, родной, не рычи, а то еще Адреналин ко мне присоединится, и хана твоей половой системе! Так что держись за ориентацию и не обижай меня, любимого.
- Ты еще и издеваешься, гастарбайтер ты эдакий?!!!
- Ой, ну кто бы говорил! Ну че ты распалился? Я не гастарбайтер, я по приглашению.
- По какому еще приглашению? Еще скажи, по соглашению!
- Ну да! Твой Мужчина вчера много пива выпил.
- Да причем тут пиво и ты?
- Как?! Ты не в курсе? Пиво же эстрогены содержит, то есть нас. Это, по сути, женский напиток. А ваши мужские Организмы так и хлыщут пивасик, много пивасика. Ты думаешь, Импотенция почему такая молодая стала? Выглядит прям как девочка!
- Тс —с. Не упоминай при мне эту особу. — шепотом произнес Тестостерон.
- Да ты не бойся, твой Мужчина молоденький, здоровенький, пока справляется. Да и пивасик

не так часто пьет – всего раз в неделю.

- Редко, да метко! Вон ты какой наглый!

- Так, а че мне! Красотень! Ух ты! – и Эстроген стал с энтузиазмом нырять и плюхаться.

- Вот зараза какая! И сколько ты тут хлюпаться намерен?

- Сутки, не меньше...

- О, Боже мой! Бедная Половая Система! Она же совершенно выбита из колеи!

- Да ниче не бедная, пусть себе отдыхает!!!

Тестостерон поперхнулся и замахал руками:

- Да ты ничего не понимаешь! Нельзя мужской Половой Системе отдыхать! Она ж второе сердце для Мужика! Это твоя женская — сколько бы ни отдыхала, ей все равно!

- Не скажи... «Ах какая женщина, какая женщина, мне б такую... — мечтательно загундосил Эстроген.

- Да я уже устал с тобой разговаривать! Надо же, сколько наглости у этих женских организмов и их гормонов!!!

- Да... «Она всех вечно удивляла – такую вот Она была!». Фу, какой же ты агрессивный! Наверное, Адреналин тебе родственник?

- Да мы же все из одной эндокринной системы – поэтому родственники.

- Ага, седьмая вода на киселе!

- Ну седьмая не седьмая...

- Слышь, Тестостерон, я вот недавно был в одном мужском Организме, ему так лет 25, а там Импотенция на ПМЖ! Мы с ней так клево отдохнули, и никто нам не мешал! Классная она... Спокойная, уравновешенная. Депрессивная немножко, но зато агрессии в ней ноль. Зря ты ее не любишь.

- «Не любишь» — слабо сказано. А что, разве Тестостерон в том 25-летнем Мужчине не работает?

- Он там какой-то зачуханный и заморенный. Даже с нами спорить не стал, просто сидел, смотрел и вздыхал, ни во что не вмешивался. Прямо как старый дед на завалинке. «Увядаешь золотом охваченный, я не буду больше молодыыым...».

- Да уж. Где ж ему справиться с таким наглецом, как ты? Еще и эта... Импотенция там.

- «Вот я надену два крыла и ближе ты»... — вновь запел благодушный Эстроген.

- Слышь ты, певец, давай уже на выход!

- Не, дорогой, мне у вас тут понравилось! – задушевно сказал Эстроген.

Тестостерон, задохнувшись от возмущения, совершенно разволновался и беспорядочно заметался туда – сюда.

- Ну и чего ты замаячил? Ты охолопись, болезный, приляг, успокойся.

- Вот ведь крендель ты безобразный! Издеваться?! Ну, беда!

- «Нам беда не беда, коль душа молода!» – явно издеваясь, пропел Эстроген.

- Так. Ладно. Нужно сосредоточиться, – попытался взять себя в руки Тестостерон.

- Бери, бери! «Отпустите меня в Гималаи, в предрассветной побыть тишине! Там раздеться смогу догола я и никто не пристанет ко мне!». Тестостерон, раздевайся! У-ха-ха!

У Тестостерона внутри все кипело и пузырилось, вот-вот произойдет взрыв! Но как избавиться от непрошенного гостя, он не знал. Немного подумав, он отправился на консультацию к Эндокринной Системе. Эндокринная Система страдала, пила чай с лимоном и была не в очень хорошей форме, так как пятница всегда была для нее нелегким днем.

Выслушав Тестостерона, она утомленно посоветовала:

- Сходи к мозгу. Я себя так неважно чувствую... Я сейчас просто никакая...

Тестостерон отправился к Мозгу. Зрелище, которое он увидел, было весьма впечатляющим. Мозг, укутавшись одеялом, весь трясся, на висках проступал пот, который он непрерывно вытирал. Вид у Мозга был весьма удручающим, но он не был бы Мозгом, если бы не умел руководить своими состояниями. Собрав всю свою волю в кулак, он сказал:

- Можешь ничего не говорить, и так все ясно... Половая Система, как и все остальные, после пятницы в плачевном состоянии. Там, наверное, Эстроген резвится?

- Не то слово! Не знаю, как этого уroda выгнать!

- Урод не Эстроген, урод тот, кто пьет столько пива! Ведь недавно читал ему статью о вреде пива для мужского Организма – видишь результат?

- Угу, – грустно кивнул Тестостерон.

- Ну что тут скажешь, нужно время! Сейчас объявлю аврал, попрошу Почки и Печень, чтобы активизировались и побыстрее нейтрализовали и вывели этого смутьяна.

- Я очень благодарен! – с признательностью промолвил Тестостерон.

Он думал: «Как можно так безответственно относиться к своему организму? Почему до Хозяина никак не может прийти, что пиво содержит эстрогены, и они реально разрушают его родную систему – Половую Систему? Как же донести до Мужчины, что он вредит сам себе?» Размышляя, он не заметил, как пришел домой.

- Ну, наконец то! А то мне скучно тут без тебя! Что, сходил, проконсультировался? – веселость Эстрогена не знала границ.

- Так, голубчик! – сурово сказал Тестостерон.

- О, уже голубчик! Приятно слышать! – не унимался Эстроген.

- Все, ты меня достал! – Тестостерон стал концентрироваться, набирать силу...

- Ты это, смотри не лопни! Ой, какие мы грозные, я не могу! Ха-ха!

Тестостерон постепенно успокоился, почувствовал прилив сил и энергии, понял, что заработали в авральном режиме Почки и Печень, и силой воли стал направлять на Эстроген энергетический поток.

- Э, полегче, полегче! Разошелся, блин! Да хватит! Сам уйду! – Эстроген, сделав реверанс, стал продвигаться на выход. Потом вдруг, что-то вспомнив, вернулся.

- Ты еще тут??? – грозно спросил Тестостерон.

- Да я только спросить, а Импотенции что-нибудь передать? – с самым невинным видом осведомился он. – А то она спрашивала уже, интересовалась... Мечтает познакомиться!

- Передай, что пока Тестостерон управляет Половой Системой – ей здесь делать нечего!

- Хозяин.. – съязвил Эстроген. - «Пока пьют пиво Мужики, нам с Импотенцией цвести!»

- Поэт из тебя, правда, никакой! Нескладно же! – повеселев, подначил Тестостерон.

- Зато правда! – отпарировал Эстроген и удалился.

В Половой Системе мужского организма поселились покой, гармония, и вновь вроде наладилась бесперебойная работа. Тестостерон радовался! Радость, правда, была сомнительной – надолго она? Может, быть до следующей пятницы....

С Любовью, Лариса

PS: А Вы дружите с особенностями своего организма?

Автор: **Лариса Лощина**

ПОСЛЕ ПОТОПА

Эта история основана на реальных событиях. Все совпадения считать не случайными.

Дело в том, что я, под глубоким впечатлением от книги «Ваше тело просит воды», нашла у себя все признаки обезвоживания и решила это дело срочно поправить. Я существо азартное, если уж что-то делаю – так на совесть и с размахом, вот и тут – высчитала по формуле, сколько воды требуется в день лично мне, при моем весе и росте – получилось 3,5 литра. Ну и стала «заливать за воротник», да почище любого пьяницы! Казалось бы, организм должен был немедленно возрадоваться и оздоровиться, но оказалось, что он значительно умнее некоторых начитанных дамочек... Все результаты этого эксперимента вылились в сказку.

Утро понедельника началось как обычно.

Первым, услышав сигнал будильника, проснулся Мозг, но включаться не спешил – решил еще немного подремать. Тем более что будут еще и второй, и третий сигналы. Вот после третьего уже точно пора...

- Эй, там, внизу! Просыпайтесь потихоньку, — лениво пробормотал он.

Охо-хо, опять сны снились какие-то невнятные, тревожные... В последнее время ночная жизнь утратила аромат волшебства, которое царило в снах раньше, и снилась все больше какая-то дребедень, от которой наутро усталость и глухое раздражение. С этим надо было что-то делать, и Мозг время от времени пытался, но до Хозяйки достучаться – как до

марсиан. Мало того, что вечно витает в облаках, так еще и Разум засорен невероятно, весь в обрывках мыслей, впечатлений, недопрожитых ситуаций, и надо еще сильно постараться, чтобы к ней пробиться.

Тем временем весь Организм стал потихоньку просыпаться. Зашевелились руки-ноги, потянулся позвоночник, веки задрожали, дыхательная система стала переключаться на дневной режим. Наконец, Мозг скомандовал просыпаться окончательно, и Хозяйка встала.

Дальше все должно было происходить по накатанной – туалет, душ, утренний кофе, сигарета, проверка электронной почты, сборы на работу. Порядок в будни был привычный и нарушался крайне редко. Но сегодня...

- Это что? Вода! – первой сообразила Гортань. – Братцы, вода! Много воды!

- Какая вода? Откуда? – удивился Желудок. – А кофе где?

- Нету кофе! – растерянно сказала Гортань. – Зато воды – залейся!

- Не может быть! – пискнула Поджелудочная. – У нас же тут по жизни пустыня, вода на вес золота!

- Все течет, все меняется, — философски заметил Пищевод, истово качая воду. – Ну, повезло нам сегодня! Хоть промоемся!

- Про нас не забудьте, про нас! – верещали Клетки.

- Не суетитесь, пайку свою получите, мелюзга, — сурово сказала Печень. – Сами знаете, у нас тут все по справедливости.

Вода в Организме была роскошью. Жидкости в рационе было мало – первые блюда, где бульон, Хозяйка не жаловала, больше на второе и выпечку налегала, из напитков – кофе и соки, а из этого добра воду еще добыть надо. Организм, конечно, приспособился – жить захочешь, научишься крутиться. Хорошо еще, хоть фрукты поступали ежедневно, а с ними – драгоценная влага. Ничего, всем хватало, и даже свободной энергии достаточно оставалось, так что не жаловались.

Но сегодня утром с водой проблем не было – Хозяйка влила граммов 600, не меньше.

- На обменные процессы выделите сверх лимита, — заканючила Эндокринка. – А то мы всегда по остаточному принципу живем...

- Не прибедайтесь там, зато у вас вон какие жировые отложения, на зависть обывателю, — посмеиваясь, расправил стенки Мочевой Пузырь. – И-эх, поработаем!

В общем, тем утром в Организме царил оживление. Промывались слизистые, веселился Желудок, Почки вышли из своего привычно-вялого состояния и работали вовсю, утирая трудовой пот, который из-за непривычно большого количества жидкости все время проступал. Впрочем, вода пришлась кстати, ей все тут радовались.

Оказалось, радость на сегодня не последняя. Через час, когда Хозяйка добралась до работы, поступило еще 400 граммов воды.

- Ого! Да у нас тут климат меняется на муссонный! – изумилась Селезенка. – Непривычно как-то...

- Радуйся, дурында! – посоветовали Сосуды. – Ей счастье привалило, а она тревожится чегой-то... Нам сюда качните, мы тоже воды хотим!

- Сейчас-сейчаааас! Качнееееем! – пропел Желудок, активно распределяя живительную влагу. – Сегодня у нас праздник, у нас День Нептуна! Хозяйка – в роли Золотой Рыбки! Не толпитесь, граждане, всем всего хватит!

В течение дня вода поступала еще не раз, то по стакану, то по два, а вечером – так целых четыре. Напились все, промыли все, что можно, запасли впрок.

- Теперь можно и обратно в засуху, до следующего праздника хватит, — рассудил Мозг. – Всем спасибо, все свободны! Дежурные – на ночную смену заступите! Остальным – спокойной ночи!

- Кому спокойной, а кому не очень! — гундели почки. – Ага, все-то спать, а нам???

Ночь выдалась беспокойной и для Мочевого Пузыря – ему дважды пришлось просыпаться, чтобы выполнить свою работу, а в целом все прошло очень даже хорошо. Умиротворенные, напившиеся Органы чувствовали себя отлично.

... Но следующее утро началось все с тех же трех стаканов воды.

- Опять??? – обалдел Желудок. – Откуда такая щедрость???

- Ничего себе, — озадачилась Печень. – Сроду не видала таких милостей от природы... С чего бы?

- Ох, рааано встает охрааана, — затагнули Почки, вступая в трудовой процесс. — Слушай Мозг, ты че спишь? Где рациональное и бережное обращение с организмом? Вчера в поте лица пахали и сегодня опять? Мы что, двужильные, что ли?

- Работаем, работаем! Почечные Лоханки – к бою! – подбодрила Селезенка.

Между тем в течение дня количество воды нарастало. Напились уже все – и Печень, и Поджелудочная, и Клетки, и прочие важные и нужные части Организма. Мочевой Пузырь работал на износ.

- Слышь, Мозг! – подали голос усталые Почки. – Ты там скажи, чтобы не гнали волну, или хоть не так часто. Уморились, не справляемся...

- Попробую, — с сомнением сказал Мозг.

Сомневался он не даром: его сигналы, как обычно, не услышали. Зато, поймав кое-какие мысли, сопоставив их и проанализировав ситуацию, он сообщил всем:

- Ребята, боюсь, что это надолго!

- Что – «надолго»? – не понял Желудок.

- Этот Неиссякаемый Источник надолго. Хозяйка решила резко поменять образ жизни на здоровый и с этой целью перешла на полноводный режим. Если я, конечно, правильно уловил. Видать умной литературы начиталась или подсказал кто...

- Надо же, 50 лет не читала, а тут сподобилась, — ядовито прокомментировал Желчный Пузырь. – Как бы только нам боком не вышло это наводнение!

- Ну, оно, может, и неплохо... — неуверенно промолвила Печень. – Я вот тут с камешками немного разобралась, да и желчь разбавила. На пользу, в общем!

- И мы напились, в кои-то веки... — радостно сообщили Клетки. — Вакуоли расправились, мембрана аж сияет, и ядра куда ядреней стали!

- Ну-ну, поживем – увидим, — задумчиво сказал Мозг.

... Следующий день начался с паники. Три утренних стакана упали в Желудок и быстро распределились по всей системе. Следующий стакан оказался уже лишним.

- Нем не надо... У нас достаточно... Хватит пока... — раздавалось со всех сторон. Но вода продолжала поступать, причем в больших количествах.

- Эй, Мозг, я что, культурист какой-нибудь? – возмутился Мочевой Пузырь. – Вкалываю, как проклятый, и днем, и ночью — ни отдыха, ни сна! Ты ж понимаешь, к чему приводит экстремальное наполнение без тренировки, а вот как растянусь? Потом что? Недержание???

- Мы устали, — монотонно бубнили Почки. – Мы не привыкли в таком режиме пахать, мы нездоровы. Нам нужен отдых. Или даже отпуск!

- На том свете отдохнете, — злорадно прокомментировала Гортань. – Кому легко-то? Мы все тут к таким наводнениям не привыкшие, да только кто нас спрашивает???

- Слышали выражение: «Ноги промочишь — горло не работает, горло промочишь — ноги не работают!»? А тут весь организм промочить решила! Тут не работать, а плавать надо учиться, и нырять еще! Ха-ха! – язвительно заметил Желчный Пузырь. – Вот сейчас рассержусь, сокращусь и перекрою желчные протоки. Имейте в виду, у меня тут камней полно, и лучше бы их не двигать. Я предупредил!

- Слышь, Мозг, — мрачно сказали Почки. – Ты там скажи, чтобы полегче! Вот бросим к черту работу, будет знать.

- Потерпите, братцы, — попросил Мозг. – Пытаюсь выяснить обстановку...

- Ты бы того... побыстрее выяснял. Тяжко нам!

- Я совершенно расшатана! Все волнуются, а я реагирую! Вон, смотрите, как нервные корешки по всему организму задергались – ай, ай!– взвизгнула Нервная Система, которая отличалась тонкой организацией и принимала все близко к сердцу.

А Сердце только вздохнуло – но промолчало. Сил не было на разговоры – насосная работала в усиленном режиме, и шумы уже какие-то появились...

Мозг поднапрягся и попытался проникнуть в Разум Хозяйки, но там царила полная неразбериха – Хозяйка, по случаю новой жизни, пребывала в эмоциях, и хорошо хоть, что в позитивных. Но, несмотря на свою позитивность, эмоции буйствовали и очень искажали общую картину.

- Слышь, Сердце! Притормози кровоток, пусть уймется немного. Не в сон, а так, до медитативного состояния, чтоб смирно посидела и ни о чем не думала. Сделаешь? – попросил Мозг.

- Сделать-то сделаю... Ты, Мозг, поторопись. Не хотел тебя пугать, но, кажется, у нас проблемы. Объемы увеличились, скорость кровотока – тоже, а трубы, то есть сосуды, с годами поизносились. Боюсь, стенки могут не выдержать.

- Понял, — обеспокоился Мозг. — Давай, усаживай ее поскорее!

Новости, которые выяснил Мозг, были неоднозначные. Он узнал, что три литра воды теперь будут поступать стабильно, и это помимо остальных жидкостей и продуктов. Так решила Хозяйка, и намерение ее было твердым. С одной стороны, это было хорошо, с другой же...

- Ребята, засухи больше не будет, — сообщил Мозг. — Но и отдыха – тоже. Как, выдержим такой темп?

- Темп-то, может, и выдержим, — нервно дернулся Желудок. — А вот воду куда девать? Я уже не успеваю распределять, я больше стал на аквариум похож, чем на приличный орган пищеварения. Так куда?

- Ну, куда-куда... Народ, кому воды? Ну чего молчите? Эндокринка, у тебя же обменные процессы, для них всегда вода требуется, ну и бери!

- Так было бы что менять, — с досадой бросила Эндокринка. — Она же почти все время сидит, и на работе, и после – от компа отлипает только если на кухню сходить, или когда Мочевой достанет. А если обменивать нечего – куда мне столько воды?

- Клетки, а вам?

- Нам пока хватит, и так захлебываемся... Мы ж от времени скукоженные, нам еще потренироваться надо, тургор восстановить...

- Печень?

- Беру, сколько надо. Излишки мне ни к чему.

- Сердце?

- Я свое слово уже сказало. Если бы постепенно наращивали потоки – ничего, приспособились бы, а так... я не ручаюсь.

- Кстати, должна напомнить: метаболизм у нас очень медленный, это исторически сложилось, и его тоже враз не ускоришь, — заметила Эндокринка. — Требуем принятия мер. Нужна передышка!

- Ладно. Утром, — решил Мозг. — Значит, слушайте меня все. План такой: я попытаюсь все-таки внедрить в ее Разум идею уменьшить водные потоки. Дополнительно активизируем рвотный рефлекс, чтобы вызвать временное отвращение к воде. Будет вам передышка!

- Я тоже подключусь! Щаз ей как кольну где-нибудь! — подхватила Периферическая Нервная Система. — Будет знать! Через боль дойдет быстрее!

Утром Хозяйка с отвращением давилась водой, но положенные три стакана все же осилила. И в течение дня с мрачной решимостью доливала и доливала.

- Настырная, зараза! — негодовал Мозг. — Ну как еще ей внушить??? Залила тут все, понимаешь ли... Вода, вода, кругом вода...

- Куда ее? Ну куда? – возмущался Желудок.

- Заполняйте резервуары! Под глазами мешки есть – лей туда по полной!

- Да они уже все под завязку! Пока еще новые подготовим... А эту – куда???

- Не знаю, куда! – рявкнул Мозг. — В Мировой Океан!

- Все, баста, — выговорил измученный Мочевой. — Вы как хотите, а я – спать. Не могу больше. Прямо потогонный режим какой-то! Буду просыпаться по старому графику, и ничего вы мне не сделаете.

- И мы не можем! – поддержали его Почки. — Мы старые, больные, у нас хронический пиелонефрит, кстати, недолеченный. Лоханки не эластичные, корковый слой дряблый! Мы на грани уже, если хотите знать! Пошли вы все в баню! Объявляем забастовку!

- Куда воду? – не отставал Желудок.

- Сливай куда-нибудь, — устало посоветовал Мозг.

- В ноги, — решил Желудок. — А куда я еще солью???

Часть воды удалось пристроить в ноги, остальное кое-как разместили в срочно подготовленных временных емкостях в районе шеи и лица. А вода тем временем все прибывала и прибывала... И если раньше она была заряжена, по крайней мере,

положительными эмоциями, то теперь они исчезли, что сразу понизило качество и ценность жидкости.

- Братцы, вы там что, с дуба рухнули? Я же сейчас отеку, а потом морщинками пойду, поведет меня!!! — заголосила Кожа, но в общей суматохе не была никем услышана. — Ну ладно, попомните у меня! — мстительно пообещала она.

...Утром Хозяйка глянула в зеркало — и охнула. Оттуда на нее смотрело существо, напоминающее Водяного из мультика про Летучий Корабль. «И-эх, жизнь моя, жестянка! Да ну ее в болото...», — казалось, вот-вот запоет это чудо-юдо. Ее симпатичное в общем-то личико превратилось в отечный конгломерат с распухшим носом и заплывшими глазками, но зато без единой морщинки! И брови — о, эти выдающиеся брови!

Еще больший сюрприз ее ожидал, когда она стала застегивать сапоги — они решительно не хотели сходиться в голяшке и щиколотке.

- Это что??? — в панике спросила Хозяйка, но ответа не услышала.

Здоровый образ жизни оборачивался какой-то непредвиденной стороной. Таких отеков у нее в жизни не было, она и не знала, что такие бывают...

- Мамочки! — пискнула Хозяйка и потащила на работу. Ног она не чувала, словно там, внизу, вместо ног передвигались два бревна. К вечеру бревна снизу собрались в мелкие складочки. Они не то болели, не то зудели, не то их просто распирало от осознания собственной значимости.

- Я похожа на бурдюк с водой! — с ужасом осознала Хозяйка. — Что-то пошло не так! Где у меня мочегонные?

Но мочегонные уже не помогали — Мочевой Пузырь забил на все и принципиально не реагировал на провокации. В резервуарах плескалась вода, Хозяйка в панике металась от Интернета к Медицинскому Справочнику, от справочника к телефону и обратно. Надо было спастись, а это мобилизовало. На воду она смотреть не могла. При одной мысли о воде Горло начинало душить само себя, вызывая тошноту и однозначно сигналивая: » Врешь! Больше не зальешь!».

... В субботу она лежала на кушетке, а пожилой доктор-китаец втыкал ей в ноги острые акупунктурные иголки и приговаривал:

- Ай, нехолосо... Засем столько воды пила? Засем себя не залела?

- А сколько надо? — жалобно спрашивала Хозяйка, пялясь на свои полноводные, как Волга, ноги.

- Как сколько? Сколько хосется, столько и надо. Больше не надо, — качал головой китаец, нажимая пальцем на ее голени. На голених оставались ямки, словно в болотном мху. — Лазве ты сама не слысыс, сто твой олганисм тлебуует?

- Я думала, вода — это полезно, — оправдывалась она. — Везде об этом пишут, все советуют...

- Люди лазные, олганисмы лазные... Слусай свое тело, оно твой длуг!

- Ничего себе, друг! Да это прямо диверсант какой-то! Я же не верблюд — столько воды в себе таскать!!!

- Нисего, нисего... Выгоним воду, есё будес бегать... С олганисмом надо остолозно... Белезно надо... Он зе у тебя один, длугой не будет...

- И где были мои мозги??? — чуть не плача, сетовала она.

- На трудовой вахте, - с готовностью отрапортовал Мозг. — Я-то всегда на месте, а вот ты где? Разум-то тебе для чего дан, дорогая? Вот то-то и оно... Если ты вместо привычных 1000 калорий начнешь 4000 изо дня в день потреблять, что будет? Правильно, разнесет тебя, как подушку безопасности. А с водой, значит, можно экспериментировать, да? Ну так вот, получай неоценимый опыт...

- Почему, ну почему я раньше тебя не слышала???

- Потому что у тебя Эмоции впереди Разума бегут и чувствовать мешают. «Ах, я туда полетела, ах, я сюда!». Из крайности в крайность — то пустыня безводная, то Всемирный Потоп. Ну вот тебя и приземлили немножко. Чтобы думать начала!

- Скажи, а я не поздно спохватилась?

- Спихватиться никогда не поздно. Но лучше раньше, чем позже. Будем выплывать!

- А? Что? Что тут происходит? — встрепенул проснувшийся Мочевой. — Кажется, потоп закончился? Уррра! Ребята, живем!

- И тебя вылечат, и нас вылечат, — с надеждой проговорили слегка воспрянувшие духом Почки.
  - Кажется, опасность миновала, — расслабилась Нервная Система.
  - Будем жить, — прошептало Сердце и забилося ровно и мощно. — Будем жить...
- Люди, будьте осторожны! Оздоровления тоже должно быть в меру!**

Автор: Эльфика

ПРЕКРАСНАЯ ЛЕБЕДЬ ИЛИ НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ СТАРОЙ СКАЗКИ.

Когда ее первый птенец вылупился, Леди Утка несколько смутилась. Нет, конечно, она предполагала, и в некоторой степени даже была готова... Ох, нет! Она совсем не была к этому готова. Когда красавец лебедь стал залетать на их двор, и выказывать знаки внимания молодой утке, ее предупреждали, что подобный мезальянс к добру не приведет, что «дерево надо рубить в своем лесу». Но любовь есть любовь. Всепобеждающая и безраздумная, она снесла все социальные преграды.

Отшептала тихая, смущенная свадьба, и молодые зажили семьей. семьей... Леди Утка не совсем была уверена в том, что такую жизнь можно назвать семейной. Ее мама воспитывала совсем для другой жизни. Семья это незыблемая ячейка, в которой все должны быть вместе, муж — добытчик, хозяин, жена — царица в доме, вопросы воспитания детей обсуждаются совместно и утверждаются матерью. А как же иначе, ведь это она высиживала их, не досыпая, а порой и недоедая, она нянчит их денно и ночно, учит плавать, ловить червячков. В их семье все было по-другому. Красавец лебедь прилетал всегда неожиданно, устраивал в доме веселый кавардак, выхватывал Леди Утку из правильного, тщательнейшим образом выстроенного порядка, уносил в подоблачные дали. Еще не успевало улечься беспокойное головокружение от его прилета, а он уж улета!л неведомо куда, оставив после себя растерянность и беспорядок.

И вот вылупился их первый птенец. Махонькая серенькая птичка на дрожащих ножках. Трогательно некрасивая, до боли родная, как две капли похожая на отца. Лебеденок...

Смущение молодой матери легко понять. Она, осуждаемая родными и близкими за неравный брак, за легкомыслие и явную «неправильность» мужа, рассчитывала на то, что после появления у нее маленьких утят, семья снова примет ее в объятия. И вот — лебеденок. И благо бы еще мальчик. Как его безалаберному папаше повезло жениться на порядочной утке, так и с сыном, как-нибудь бы устроилось... Но девочка! Как воспитать ее приличной птицей? Как внушить правила поведения истинной дочери Леди Утки, как в будущем выдать замуж?

Лебеденок поднялся на слабые ножки и издал хриплый писк. Зов материнского инстинкта нарушил ход тревожных размышлений Леди Утки, и она занялась малышкой. А когда птенец тихо и сладко уснул, пришло решение: «Я стану воспитывать ее уткой, и никому не позволю ее обижать. Я заставлю весь мир поверить в то, что моя дочь — утка!»

Несмотря на тревоги и непохожесть, на косые взгляды товарок и ворчание семьи, Леди Утка очень привязалась к дочери. Она без конца возилась с ней, ласкала и радовалась каждому маленькому достижению ребенка. Называть ее официальным именем «Леди Утка Младшая», как-то язык не поворачивался, и нежная мать дала ей любовное прозвище Роднуля. Это имя не только подчеркивало ее отношение к малышке, но и останавливало сплетников, начинающих уже пошептывать, а не чужое ли было яйцо....

- Приличные утки не бегут к воде, взмахивая крыльями, Роднуля! Вот так, вперевалочку, медленно и с достоинством, как мама, — учила леди Утка дочь.

И Роднуля изо всех сил старалась ходить вперевалочку, расставляя стройные лебединые ножки пошире и втягивая в плечи длинную шейку.

- Нет, нет, Роднуля, эти звуки ужасны, ты не можешь позволять себе такой безвкусицы! Воспитанная уточка разговаривает не торопясь, четко произнося каждый звук, вот так «кря-кря»

И Роднуля растягивает нарождающийся в горле короткий лебединый вскрик в наполненное достоинством утиное «кря».

Каждый день начинался с риторики. Роднуля должна была выучивать наизусть и излагать красивым утиным языком, без малейшего лебединого акцента, длиннющие трактаты о правильном поведении. Затем, после завтрака — урок плавания. Перед обедом танцкласс. Его-то Роднуля ненавидела больше всего. Эти занятия только назывались танцами, на самом деле их учили правильно и красиво ходить. Роднуле никак не удавалось выработать настоящую утиную походку. Подруги смеялись над ней, показывали перышками на ее «уродливые» ровные ноги, длинная шея мешала при ходьбе, после урока мучительно болела спина.

Послеобеденное время девочка любила — мама обычно уходила с ней на луг за фермой, и там, они совсем одни, усаживались на теплой траве, и мама заводила неспешный рассказ. Были это легенды и сказания о славных утиных подвигах. Роднуля гордилась героическими предками, радовалась, что родилась уткой, и, в очередной раз, принимала решение, во что бы то ни стало, стать самой лучшей уткой в мире, что бы мамочка гордилась ею и была счастлива.

Так день за днем, Роднуля росла обычной жизнью обычной утки, со своими радостями и неудачами. Окружающие постепенно перестали замечать ее непохожесть на них. Ведь эта рослая, длинношеяя, несуразная уточка была самой воспитанной на птичьем дворе, самой услужливой, чудесно пела, красиво и верно растягивая «кря», вела себя с достоинством истинной Леди Утки Младшей.

Каждая возможность порадовать маму, доставляла ей огромное удовольствие, и Роднуля собирала эти возможности, как коллекционер, посвящая этому все силы души. И только иногда, молодая утка вдруг останавливалась в задумчивости, странно изгибала вправо длинную шею, будто вглядываясь, в только ей одной заметную даль. И даже если бы кто-то спросил ее в тот момент, о чем она задумалась, не смогла бы Роднуля ответить, если б и хотела. Никогда не приходило ей в голову, что всматривалась она в том направлении, откуда обычно прилетал папа.

О, папа... Тайная радость... Птица — счастье, птица — праздник. Он прилетал без предупреждения, сметал весь распорядок дня, забирал Роднулю в лес, учил ее летать высоко — высоко, кричать странным коротким вскриком радостные слова. Они увлекались, забывали об уроках и опаздывали к ужину. Мама сердилась, ругала папу, была не довольна Роднулей: - Ты не имеешь права позволять себе такие выходы! Это не принято, не прилично! Так не делают!

Роднуля смущалась, просила прощения, и обещала больше никогда — никогда... Но мысли ее в тот момент бывали далеко от скучного птичьего двора. В ушах свистел хулиганистый ветер, в глаза светило веселое солнце, горло щекотал задорный лебединый крик. Потом папа снова улетал, а к Роднуле приходило раскаяние.

Она обдумывала праздничный день, проведенный с отцом и понимала, что вела себя недопустимо, недостойно, что расстроила маму, что папа, на самом деле, не так уж и хорош. Ведь он не живет дома, как все папы, не расхаживает по птичьему двору вместе с другими селезнями, не приносит маме в клюве жирных червячков. Он живет вольной птицей, в какой-то далекой стране, называет ту страну домом... Но разве не должен быть его домом птичник, в котором живет его семья. Нет, все-таки папа не прав. Так себя не ведут! Это не прилично, не достойно.

Но любопытство все же мучило уточку, и однажды, она пристала к маме:

- Мамочка, давай полетим в папину страну? Ведь он зовет ее домом, он рассказывает о ней чудесные истории. Там живут мои бабушка и дедушка. Давай полетим туда на каникулы? Пожалуйста, мамочка!

В глазах леди Утки мелькнул страх, на один только незаметный момент, и она проговорила, немного чересчур растягивая звуки:

- Нет, девочка, мы не можем себе этого позволить.

Роднуля задумывалась все чаще и чаще, приходя в себя, ощущала ноющую боль в шее, шея постепенно приобрела немного искривленную форму. Сразу и не заметишь, а присмотревшись увидишь, как она слегка отклоняется вправо. Ее разговоры все больше крутились вокруг ежедневных утиных забот, она все чаще поговаривала о том, как «прилично» и «правильно» делать, что может и чего не может себе позволить воспитанная утка.

Мама становилась ей все ближе, папа прилетал все реже. Постепенно она совсем забыла лебединый язык, разучилась летать под небесами, перестала вспоминать шум ветра в ушах.

Пришло то волнующее время, когда подружки шепчутся по вечерам, лукаво поглядывая на молодых селезней, а те гордо выпятив разноцветную грудь, прохаживаются перед ними в традиционном танце. И Роднуля поглядывала и шепталась, но никто из селезней не обращал внимания на белоснежную «дылду». Мама утешала ее словами «на каждую кастрюлю находится крышка», но было видно, что и она беспокоится.

И вот однажды, на их двор прилетел белый лебедь. Он попал сюда абсолютно случайно. Возвращался из путешествия в родную страну, устал, и приземлился отдохнуть, попить, перекусить.

Леди Утка встревожено закричала, отзывая дочь с улицы, но было уже поздно. Чужак заговорил с Роднулей, а она, восхищенная его белоснежным оперением, его широкими крыльями, грациозной шеей и резким, отрывистым говором, не могла оторвать глаз...

Любовь неумолима.

Она приходит не по расписанию и не подчиняется приказам разума. Она спускается с неба, как облако, накрывает двоих с головой, и оставляет их наедине посреди шумного суетящегося мира. Мама плакала, ругалась, призывала, но все было напрасно. Как много лет назад, никакие уговоры не подействовали, и на птичьем дворе снова смущенно зашептала, никем не желаемая, свадьба.

Молодые зажили своей семьей. Белый Лебедь обожал свою молодую супругу, и искренне старался ей угодить. Учился крякать по-утиному, ходить вразвалочку, вести себя как соседи селезни.

Роднуля поучала его:

- Так себя не ведут! Это не прилично! Мы не можем себе этого позволять!

Молодых часто навещала лебединая родня. Роднулю невероятно смущали странные устои в этой семье. Все они были веселые, всегда немного радостно — возбужденные. Перекрикивались своими резкими голосами, летали над облаками наперегонки, громко хохотали. А еще... они были непривычно нежны и ласковы друг с другом. Обнимались, сплетая длинные шеи, касались друг друга клювами, оглаживали крыльями. Непривыкшая к столь явному проявлению чувств, Роднуля смущалась и недоумевала.

Супруг пытался уговорить ее полететь с ответным визитом, но в ответ получал непонятную ему фразу на утином языке, которую и перевести-то на лебединый не возможно:

- Мы не можем себе этого позволить.

Так жили они, вполне не плохо, как все на птичнике. Обживали гнездо, высиживали яйца, растили детей. И жили бы так долго, если не счастливо, то, во всяком случае, стабильно, если бы не странные исчезновения Роднули.

Это началось, когда Белый Лебедь уже совсем обжился в птичьем дворе и смирился с ролью селезня при жене, когда у них уже бегало по двору четверо очаровательных длинношеих птенцов.

Вдруг, Роднуля стала исчезать из дома на несколько часов. Возвращалась измученная, слабая, падала от усталости и засыпала мертвым сном.

А Белому Лебедю казалось, что она выглядит, как птица, перенесшая миг истинного счастья. Проснувшись, она никогда не помнила о произошедшем, на вопросы отвечала полным недоумением.

Белого Лебеда беспокоило, что же все таки происходит с его любимой. Она слабела на глазах, ее прекрасное оперение потускнело, шея искривилась еще больше. Задумался Белый Лебедь: «Ну не совсем же я селезнем стал! Я же все-таки вольный лебедь! Я должен ей помочь!». И однажды, когда Роднуля стала проявлять признаки беспокойства, которые всегда предвещали скорое исчезновение, он набрался решимости выследить ее.

В какой-то момент, жена стала вести себя странно. Она не обычной своей утиной походкой, а ровным, стремительным лебединым шагом, устремилась за пределы двора, пошла к ручью, и там застыла в неудобной позе.

Шея ее болезненно изогнулась вправо, крылья сошлись за спиной, словно связанные, она испустила лебединый вскрик, вздрогнула всем телом, и вдруг.... взлетела в небо. Белый

Лебедь поспешил за ней. Роднуля не видела мужа. Она летела в направлении лебединой страны с прикрытыми глазами и радостным криком.

Пролетая над горами и долинами родины отца и мужа она пела песнь на прекрасном лебедином языке, взмывала ввысь, к веселому солнцу, падала стрелой к резвящемуся водопаду, дышала глубоко и взволнованно.

Белый Лебедь со слезами счастья на глазах звал любимую, желая присоединиться к ее полету, но она не видела его и не слышала. Потом, утомленная, она повернула в сторону утиной страны, приземлилась у ручья, постояла еще несколько минут в своей выгнутой позе, и, придя в себя, поковыляла утиной развалкой к птичьему двору. А дома все повторилось снова.

Муж расспрашивал ее об очередном исчезновении, а она не помня о своем сумасшедшем полете удивлялась и отнекивалась.

Бедный любящий супруг потерял сон и аппетит. Как же вернуть любимой память? Как сделать ее полеты осознанными? Что бы радость, которую она испытывает в небе стала реальной, чтобы они могли насладиться свободой полета вместе, чтобы вернуть ту, давно укрытую в семейном сундуке, звенящую любовь... И решение созрело.

- Дорогая, — сказал он Роднуле в одно прекрасное утро, — собирай детей, мы летим в лебединую страну к моим родителям. Завтра они собираются отпраздновать золотую свадьбу, и мы просто обязаны присутствовать.

- Но мы не можем себе этого позволить, — привычно возразила жена.

- Да, да, я знаю, конечно, не можем, собирай детей, милая.

Обескураженная непривычным поведением мужа, Роднуля подчинилась. За оградой двора Белый лебедь скомандовал:

- Ну, летим!

- Но это...

- Да, я знаю, не прилично, не достойно и так не делают, знаю дорогая, но не ковылять же вразвалку всю дорогу! Летим!

Лебединая семья взмыла в небо. Вскоре граница между утиной и лебединой странами была позади. Белый Лебедь внимательно следил за женой. А на ее лице, выражение озабоченности постепенно менялось на удивление, она начала узнавать ландшафты так часто снывшиеся ей в последнее время, ее крылья задвигались свободнее, размашистей, грудь вздымалась, глаза блестели, она перестала нервно оглядываться на детей, одергивая их, когда они уж чересчур по-лебединому увлекались полетом.

Вдруг Роднуля вскрикнула, и, сложив крылья, ринулась к земле. Испуганные Белый лебедь и дети рванулись за ней. Они нашли ее у белой скалы. Отец увидев, что с ней не произошло ничего страшного, жестом попросил детей остаться в отдалении и подошел к жене один.

Прекрасная белоснежная лебедь с изящной длинной, абсолютно ровной шеей рыдала у подножья скалы.

- Милая, о чем же ты плачешь, ведь теперь все хорошо, мы дома!

- Я оплакиваю свою жизнь! Я прожила столько лет на чужбине. В чужом теле, в чужом доме, в чужих мыслях. Как мне вернуть себе себя?

- Любовь моя, разве не было в той жизни ничего заслуживающего того, чтобы сделать воспоминания о тех годах счастливыми?

Прекрасная Лебедь задумалась... Ей вспоминались часы, проведенные с мамой на лугу, ее рассказы и легенды, редкие и яркие прилеты папы, первая встреча с мужем, первый несмелый шаг старшего сына, концерт утиног пения, который устроили ее лебедята растроганной бабушке утке. Ее жизнь на птичьем дворе перестала казаться ей такой уж никчемной. В ней было много светлого и радостного. И от этого осознания еще радостнее стало возвращаться домой.

В свою страну, в свой мир, в свое тело. Прекрасная Лебедь засмеялась и неумело обвила шеей длинную шею мужа.

- Ну, дорогой, учи меня быть лебедем!

- А мы можем себе это позволить? — лукаво спросил Белый Лебедь, они весело расхохотались и услышали, как в их смех вливаются голоса их детей, клекот ручья, шум ветра, шелест листьев.

Весна в этом году выдалась бурная, почки на деревьях лопались с еле слышным щелчком и выпускали на белый свет помятые, несмелые как новорожденный птенец, листья. Дети из соседней деревни бегали по лугу, жадничая, хватали первые теплые солнечные лучи, не в силах заставить себя вернуться в дома. А над деревней летал лебединый клин.

Два больших белых лебедя редкой красоты и четыре молодых лебеденка, еще не до конца сменившие сероватое оперение птенцов. Они носились над деревней, выкрикивая своими резкими голосами песню лебединой любви, лебединого счастья.

И только одна девочка, та самая, которая всегда держится чуть поодаль ото всех детей; та самая, которую дети никогда не зовут играть, и замолкают, когда она подходит близко; та, о которой никто не может сказать не слова плохого, только «Странная она...»; только она одна, услышала слова этой песни:

- Не бойся быть не такой как все! Взлетай, ищи свой собственный мир! Взгляни вокруг глазами своей души, и увидишь Путь Домой!

Автор: Эльфика

ПРИВЕТ С БОЛЬШОГО БОДУНА!

— Да что ж ты творишь? — возмущалась мама. — Ты же алкоголичкой становишься!

- Ничего и не становлюсь, — вяло огрызалась я. — Я с работы пришла, устала. Могу себе позволить бокал хорошего вина. Для расслабления.

- Да, конечно! Сегодня бокал, вчера бокал, позавчера бокал, каждый день бокал. У тебя уже потребность в этом самом бокале!

- А что ты можешь предложить как альтернативу? — устало спросила я. — Я устала. Понимаешь, ус-та-ла!

- Я все понимаю. Только... Доченька, милая, не надо, а? Ну поищи другие способы! Ну пожалуйста!

- Ладно, мам, все. Давай не будем. Нет у меня сил с тобой спорить. Но я подумаю. Вот прямо сейчас — лягу и подумаю.

Мама вышла, тихо притворив за собой дверь. Даже по ее спине было видно, как она расстроена. У меня тоже испортилось настроение. Вся эйфорийка, вызванная бокалом красного вина, куда-то испарилась. Ну вот, отдохнула, называется...

Мама, конечно, была права. Признать это у меня еще хватало здравого смысла. Я действительно испытывала потребность в этом самом бокальчике. Или двух. Если в хорошей компании — то и больше. Но уж в одном — точно. И для его употребления мне никакая компания не требовалась. Кажется, это и есть один из признаков алкоголизма? Или нет?

Я размышляла обо всем этом, растянувшись на мягком диване, тело начало расслабляться, а мысли текли ленивой тягучей рекой. «Молочные реки, кисельные берега, — вспомнилось мне что-то сказочное. — Щас какая-нибудь красавица с коромыслом выплывет. По воду. То есть по молоко...».

Красавица и впрямь выплыла, и коромысло имелось. Вид у красавицы был неприветливый и хмурый. А если приглядеться, то и изрядно помятый. Под левым глазом красовался обширный радужный синяк.

- Ну чего уставилась? — мрачно спросила она, проходя мимо, к реке. — Одичала, что ль, совсем, у себя под сосной?

Я огляделась и увидела, что лежу уже вовсе не на диване, а на травке под какой-то прибрежной ивой, и вокруг меня не моя родная комната, а сплошная дикая природа.

- Женщина! Пойдите! Это что тут? — вскочила я, в панике озираясь по сторонам. — Куда я попала? Где я?

- Тю, оглашенная! Чего орешь? Перебрала вчера, что ли? — крикнула «красавица», окуная в реку ведро.

- Чего? — уставилась на нее я.

- Чего-чего... Употребляла, говорю?

- Я? А, да... Немножко. Я дома была, а потом вот сразу здесь. Ничего не понимаю! Вы сами-то откуда будете?

- С Большого Бодуна.

- Откуда??? — вытаращила я глаза на незнакомку.

- С Бодуна. Большого. Говорю же!

- А... как я сюда попала??? Mamочки, что происходит??? Я сейчас рехнусь просто!

- Ну ладно, — смягчилась женщина. — Бывает. Видать, выпадение памяти у тебя случилось. Погодь, щас ведра прилажу, и пойдем в избу, поправим тебе здоровье.

Я дождалась, пока она двинется по тропе прочь от речки и послушно потрусилась за ней следом. Было страшно. Я не понимала, что происходит, а в таких случаях меня сразу одолевает тревога, и я начинаю метаться. Эх, сейчас бы мне как раз пригодился бокальчик, для успокоения...

За ближайшими кустами открылся вид на деревню. Ох и жалкое зрелище она собой являла! Темные покосившиеся избушки, полусгнившие плетни, кривенькие улочки с рытвинами и колдобинами вперемежку с лужами, по которым бродили тощие грустные коровенки и всклокоченные овцы. «Так вот ты какой, стало быть, Большой Бодун, — ошалело подумала я. — Прямо сказать, унылое местечко...»

- Заходи, подруга, — толкнула калитку местная. — Меня Василисой зовут. По прозвищу Прекрасная.

- Эээ... Очень приятно. А я Людмила. Прозвища нет, — ответила я, прикидывая, что прекрасного обнаружили соотечественники в моей провожатой. Разве что живописный синяк?

- Стало быть, не местная ты. У нас тут все с прозвищами, только так друг друга и различаем, — продолжала она, ловко пробираясь по двору меж коровьих лепешек и старой соломы. — Осторожно, не вляпайся! Ну вот, вляпалась. Эх, ну говорила же! У нас тут, в Бодуне, все время под ноги смотреть надо.

- Что вляпалась, то вляпалась, — сквозь зубы пробормотала я. — Как говорится, «привет с Большого Бодуна»...

- Прополощи ногу в корыте, вон там, у крыльца. И давай в избу! — распорядилась Василиса Прекрасная. — Муж мой сейчас в отъезде, так что вдвоем покукуем.

- А почему у вас прозвища? Фамилий вам, что ли, мало? — поинтересовалась я, болтая ногой в разбитом корыте, таком же жалостном, как и все остальное.

- Прозвища — это чтобы фамилию не позорить, — пояснила она. — А то как учуют, что ты с Большого Бодуна, ну и отношение уже соответственное. Родственники из других сел потом обижаются. Слава о нашей деревне дурная, понимаешь ли. А с чего бы? Деревня как деревня, живем, хлеб жуем...

Я осмотрелась: внутри избы было так же непрезентабельно, как и снаружи. Лавки деревянные, стол, печь, допотопная кровать с металлическими шишечками, и все какое-то закопченное и пыльное.

- Синяк почти сошел, — озабоченно проговорила Василиса, рассматривая себя в треснувшем тусклом зеркале. — Надо будет моего вывести из себя как следует, чтобы обновил.

- Зачем??? — вылипилась я.

- Бьет — значит, любит, — объяснила Василиса. — У нас тут если какая баба без синяка пройдет, так все сразу решат, что мужик к ней всякий интерес потерял. Только мой Василий меня знаешь как любит? С самой свадьбы еще ни разу на люди без фингала не показывалась!

- Ммммм... — неопределенно промычала я. Мне такая постановка вопроса показалась весьма спорной, но высказываться вслух я не стала.

- Ты не стой, вон бадья, вон ковшик, черпай и пей, — спохватилась Елена.

Я двинулась к бадье, зачерпнула, и прежде чем успела осознать, что за запах идет от этой жидкости, сделала большой глоток и тут же закашлялась. В бадье плескалась натуральная самогонка.

- А! О! — никак не могла выдохнуть я.

- Да кто ж так пьет! — подскочила ко мне Василиса. — Выдохнуть надо, выдохнуть, а потом уж глотать! На вот, огурчиком занюхай.

Я схватила огурец и начала лихорадочно хрумкать.

- Да нюхать надо было, — неодобрительно заметила Василиса. — Так закусывать — никакой провизии не напасешься.

- Ты чего не предупредила? — отдышавшись, спросила я. — Я думала, там вода...

- Да мы ее, родимую, как воду и хлещем, — пожалала плечами Василиса. — А чего еще делать? Ну ты как, ожила?

- Да вроде, — ответила я.

Действительно, мне стало теплее, и восприятие обострилось – вроде и краски стали ярче, и звуки четче. Паника куда-то отступила, и на душе стало веселее.

- Садись, Людмила, за стол, разговеемся, — пригласила хозяйка. – Чтобы жизнь раем показалась!

Я присела на лавку, Василиса тем временем брякнула на стол две стопки, миску с картошкой в мундире и банку с солеными огурцами.

- Ну, за нас, красивых! – провозгласила Василиса, и мы опрокинули по стопочке.

Самогонка была вонючая и крепкая: Мне сразу ударило в голову. Разумеется, дома я такую гадость не пью, я предпочитаю качественное марочное вино, как вариант – коньяк, но отказываться было неудобно – все-таки Василиса меня приютила и вообще отнеслась ко мне по-человечески. Кстати, теперь она мне не казалась уже ни помятой, ни хмурой. Очень даже симпатичная женщина. Пожалуй, даже и Прекрасная. Недаром ей такое прозвище дали. Ей даже синяк был к лицу.

- Хорошо, да? — заулыбалась Василиса. – Крепкая, зараза! Ну, давай по второй. За наше процветание!

Вторая стопка пошла легче – видать, я уже привыкла к запаху. После нее во мне что-то освободилось, плечи расправились и спинка выпрямилась.

- Королевишна, — одобрительно глянула Василиса. – Покурить хочешь? Так-то я некурящая, но под это дело иной раз позволяю.

- И у меня то же самое, — согласилась я. – Только у меня нет.

- И у меня нет. Но у моего на печке запас сушится. Сейчас достану парочку.

Курить мы пошли на крыльцо. Я выпустила дым – и с огромным удивлением заметила, что деревня волшебным образом изменилась. Или я к ней раньше предвзято отнеслась? Очень даже симпатичная была деревенька. Аккуратные маленькие домики, миленькие такие улочки, всякие кустики и деревца то тут, то там в живописном беспорядке, славные коровки и овечки, даже лужицы аккуратные и чистые – в общем, классический пасторальный пейзаж.

- А у вас тут хорошо, в Большом Бодуне, — похвалила я. – Ничего себе деревенька.

- Жить можно, — кивнула Василиса. – Когда бадейка полна, тогда и жизнь ничего кажется. Вот когда пустая – тогда грустно. Еще по одной?

Третью мы выпили по традиции, за любовь.

- Ты знаешь, какой у меня Василий? – втолковывала мне Василиса. – Писанный красавчик! Не мужик — форменный богатырь! Косая сажень в плечах, и руки золотые! Да вон он, на фото мы вместе стоим!

Фото я заметила еще в самом начале – аппарат запечатлел в полный рост рядом с Василисой Прекрасной кривоногого лысоватого толстячка, почти на голову ее ниже. Но теперь, глянув на фото, я поняла, что ошибалась: Василий был и впрямь мужчина видный, осанистый, на зависть всем неудачницам.

- Крррасивый мужик, — с чувством сказала я. – Повезло тебе, Василиса! И детки у вас красивые будут.

- Давай за родителей! – предложила она.

- Василисушка, по-моему, мне хватит, — осторожно прислушалась к ощущениям я. – Я свою меру знаю.

- Мера – душа. А женская душа широкая да щедрая. Не обижай меня, а? – попросила Василиса. – За родителей же!

Потом мы выпили за высокооплачиваемую работу (я с энтузиазмом поддержала), за добрых начальников (и кто бы отказался?), за деньги в дом (ну само собой, да!). Жизнь в Большом Бодуне казалась мне уже весьма привлекательной, и я подумала, что могла бы тоже тут поселиться. А что? Работала бы где-нибудь в заготконторе, огородик завела бы... Задружились бы с Василисой, она вон какая общительная!

- Ты знаешь, Людк, жизнь такая штука изменчивая, иной раз совсем неприглядная бывает. Смотришь – просто просвета не видно. А хлебнешь из бадейки – и вроде жизнь снова красками наполняется. А иначе как? Хоть вешайся!

Я слушала и кивала – я и сама так думала. Иной день просто жалеешь, что на свет родилась – до того все напрягают. А высказаться нельзя, надо улыбочку держать. Ну и как тут не

принять бокальчик вина, чтобы с лица снесло эту гримасу толерантности? И ведь изо дня в день одно и то же...

Хорошо мы гуляли. Душевно! Василиса оказалась бабой что надо. Не то, что у нас – все друг другу улыбаются, а внутри у каждой кобра на взводе, только и следит, где ты подставишься. Если расслабишься – тут же следует молниеносный удар с ядом замедленного действия. Ну, я и не расслабляюсь. А тут, с Василисой, было хорошо и спокойно. Своя в доску оказалась эта Василиса Прекрасная! И дом мне ее уже нравился: разумный минимализм, никаких излишеств, кровать вон антикварная, таких давно уже не увидишь. Сразу видно, человек не морочится условностями, а просто живет.

- И ты скоро так же будешь жить, — раздался негромкий голос из-за печки.

- Кто здесь? — благодушно спросила я. Я не испугалась – мне сейчас было хорошо, и я никому и ничему не позволила бы нарушить мой душевный покой.

- Это я. Твой Здравый Смысл, — сообщил голос.

- Ну так чего ты там, за печкой, окопался? — удивилась я. — Вылезай, познакомимся.

- Лучше ты ко мне иди, — позвал он. — Отсюда обзор подходящий открывается.

- Ладно, — не стала спорить я и полезла из-за стола. — Ну, где ты там?

Здравый смысл и впрямь сидел за печкой и был похож на грустного тощенького подростка лет 12-ти.

- А чего такой хиленький? — хихикнула я.

- Какой вырастила, — сердито сказал Здравый Смысл. — У тебя здорового смысла, как у подростка. Ну вот я такой и есть!

- Это почему же? — игриво подбоченилась я. — По-моему, я давно взрослая! И паспорт уже меняла, и работаю, и сама себя обеспечиваю. И очень, очень здравомыслящая!

- Оно и видно, буркнул он. — Ты глянь сама-то, разуй глаза.

Я обернулась к столу и замерла, открыв рот. Я увидела со стороны такую картину: посреди убогой грязноватой избы – стол с остатками немудрящей закуси, стопки с самогонкой, а за столом – две пьяные лахудры сидят, друг другу что-то толкуют. И одна из них, между прочим, я. Обе растрепанные, с ослепевшими глазами, вон у меня и помада вся размазалась, и тушь потекла, а у Василисы с ее синяком вид как у привокзальной бомжихи, и не скажешь, что добропорядочная домовладелица с Большого Бодуна.

- Это как? Я тут и я там? У меня что, белая горячка? — ужаснулась я, мгновенно покрывшись холодным потом и стремительно трезвея.

- Нет, это пока что демо-версия, — «успокоил» меня Здравый Смысл. — Ты тут, а там – твоя копия. Для наглядности. Ты же понимаешь, что рано или поздно твой ежедневный бокал вина превратится в бутылку, потом вино – в водку, потом водка – в любую гомыру, лишь бы утопить свои страхи в бутылке.

- Страхи? — не поняла я. — А при чем тут страхи?

- А что же еще? Ты что, от радости в бутылку лезешь, что ли?

- Почему это я в бутылку лезу? — начала свирепеть я. — Пацан, ты что несешь? Я скромно принимаю бокальчик вина, для расслабления. Как лекарство. А что, лучше антидепрессанты глотать?

- А что, есть повод? — в тон мне ответил дерзкий мальчишка.

Я замялась. Повод был. Даже много поводов. И депрессия все время маячила в поле зрения.

- Понимаешь, у меня очень нервная работа, — задушевно начала я. — А красное вино очень хорошо помогает снимать напряжение... Ну, как лекарство, что ли. Вместо антидепрессантов.

- Не-а, врешь ты все, — помотал головой Здравый Смысл. — Если бы не было работы, ты «лечилась» бы от скуки. Был бы у тебя любимый мужчина – «лечилась» бы от обид и непонимания. Не было бы мужа – топила бы в вине одиночество.

- Ну, неправда! — возмутилась я. — Ты что же, хочешь сказать, что я бы все равно повод нашла?

- Ну, если исходить из здравого смысла... Ты же находишь. Вот давай честно: в каких случаях тебе требуется бокальчик? И что он позволяет тебе делать?

- В каких? Да в разных. Ну, в компании. Чтобы не выделяться, не быть белой вороной. И для веселья, разумеется.

- А если не в компании? Во время свидания, например?

- Ну, чтобы не зажиматься, — подумав, сообразила я. — А то знаешь, я как-то скованно себя чувствую, неловко. Тут вино помогает раскрепоститься.

- Ну хорошо. А дома-то зачем? Там ты перед кем раскрепощаешься?

- Ни перед кем, — сердито сказала я. — Я там не раскрепощаюсь, а расслабляюсь. Снимаю дневное напряжение! Иначе я просто заснуть не смогу.

- Ясное дело, не сможешь. Ты же переполнена страхами. Боишься, что уволят. Боишься, что отвергнут или бросят. Боишься не соответствовать чужим ожиданиям. Боишься выглядеть не так. Боишься ошибиться. Боишься не успеть. Боишься высказывать собственное мнение. Целый день сжимаешься от страха и контролируешь и лицо, и мысли, и поступки. Боишься быть сама собой! Ясное дело, перенапрягаешься.

- Хотелось бы поспорить, но не о чем. Все это правда. Но как с ней быть — я не знаю. А что подскажет Здравый Смысл? — обреченно спросила я.

- Редко ты ко мне обращаешься, — с укоризной покачал головой Здравый Смысл. — А я тебе сейчас и говорить ничего не буду — сама все видишь.

И правда, картинка была наглядная. Мы с Василисой сидели за столом и проникновенно пели что-то застольно-задушевное. По-моему, по тонкую рябину, которая никак не могла к дубу перебраться. Стало грустно, у меня даже слезки навернулись.

- Жалей себя, жалей, — ухмыльнулся Здравый Смысл. — Жалость к себе — столбовой тракт к Большому Бодуну.

- Я и так себя не жалею, — всхлипнула я. — Стремлюсь к достижениям. Стараюсь всем угодить. Пашу, как лошадь.

- И пьешь, как лошадь, — подхватил Здравый Смысл. — Ну, пока не совсем еще, но скоро будешь. С такой-то программой...

- С какой программой? — еще пуще закручинилась я.

- С программой Жертвы, — охотно растолковал Здравый Смысл. — Это снаружи ты вся такая успешная и победительная. А за фасадом — маленькая напуганная девочка, которая боится быть сама собой. Вот ты и повышаешь радость жизни с помощью алкоголя. Скоро к тебе в душу заглянешь — а там... Привет с Большого Бодуна!

- Да не хочу я!!! Не хочу я связывать свою жизнь с Большим Бодуном! — в отчаянии закричала я. — Ты, Здравый Смысл! Ты мне для чего дан? Чтобы подсказывать! А ты меня все время ужасами разными пугаешь. Давай, говори, как отсюда выгребаться. И побыстрее!

- Во-первых, подойди к окну и посмотри на все это трезвыми глазами, — попросил Здравый Смысл. — Ну же, давай! Только чур без розовых очков, а объективно.

Я подошла и посмотрела. Объективно — Большой Бодун больше не казался мне сельско-идиллическим. Если взглянуть трезво, то предо мной простиралась грязная, запущенная, полурассыпавшаяся деревушка, на которую и жители, и власти давно махнули рукой. Я обернулась. Интерьер избы тоже выдавал людей, которым уже все равно. Главное, чтоб в бадейке было — тогда и все остальное убожество в радужной дымке скроется.

- О чем задумалась? — спросил меня мой пацан, высунувшись из-за печки.

- Я поняла, почему здесь так все запущено, — ответила я. — Они же просто ничего для себя не делают. Могли бы убраться, избы подновить, покрасить, что ли. Дорогу подсыпать. Половички цветные на пол бросить. Да вообще — изменить как-то свою жизнь. Сбежать отсюда, в конце концов! Но им проще залить шары не видеть ничего этого.

- Ого! Похоже, мы начинаем думать в одном ключе, — удивился он. — И как ты думаешь, что бы я тебе посоветовал?

- Здравый смысл мне подсказывает, что надо поскорее делать ноги, — задумчиво произнесла я. — Бежать от Большого Бодуна, пока не засосал окончательно.

- Согласен, — одобрил Здравый Смысл. — А что потом? Как дальше жить будем?

- Буду почаще к тебе обращаться, — решила я. — Глядишь, и вырастем вместе.

- Вырастем, — пообещал он. — Еще не поздно. Любый страх можно преодолеть, если смело посмотреть ему в лицо и признать, что он существует.

- Я тоже так думаю, — кивнула я. — Конечно, я и сейчас все еще боюсь потерять работу, сказать правду в лицо, окунуться в одиночество. Но оказаться у разбитого корыта в забытой богом деревне Большой Бодун еще страшнее. Не хочу здесь прописываться.

- Очень тебя понимаю, — улыбнулся Здравый Смысл. Мне даже показалось, что он раздался в плечах, и у него над верхней губой стали пробиваться усики. Наверное, подрос с момента моего отрезвления.

- Тогда давай выбираться, — предложила я. — Надо вернуться на бережок, под иву. Раз там был вход, значит, и выход где-то рядом!

Я покрепче ухватилась за Здравый Смысл, и мы на пару тихонько выскользнули из избы мимо уснувшей прямо за столом Василисы, пробрались по щедро унавоженному двору и кинулись к речке. За нами никто не гнался, но я неслась, как будто меня преследовала свора собак. Уже у прибрежного кустарника я оглянулась на Большой Бодун — деревня таяла в призрачной дымке и казалась миражом.

- Я расскажу всем, — твердо пообещала я. — Всем, кто сумеет меня услышать. Даже если кто-то и хочет передавать приветы с Большого Бодуна, он должен по крайней мере знать, что его тут ждет. Так будет честно. И пусть он тогда сам выбирает, с точки зрения своего Здравого Смысла.

Я сдержала обещание. Если вы это читаете — знайте, что я сделала это. А теперь призовите на помощь свой Здравый Смысл и решите: вам по какой дороге? Если в Большой Бодун — то я вас предупредила. А если в Большой Мир — то обходите эту деревню стороной. С точки здравого смысла это единственно верное решение. Поверьте, я знаю.

Автор: Эльфика

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПУХЛИКА

Пухлик был очень симпатичным существом — живым и любознательным. Он был маленький, кругленький, пушистый, мягкий, с большими блестящими глазками и привычкой засунуть свой маленький носик повсюду и попробовать все на вкус, на цвет, на ощупь.

Жил Пухлик там, где и положено — в великой стране Пухляндии. Все жители этой страны очень похожи друг на друга и различаются только размерами, объемами, да еще цветом глаз. Ведь так и выглядит типичный житель Пухляндии: большие-пребольшие выразительные глаза, а все остальное — Пухлик.

Самое любимое занятие пухликов — это покушать. Поэтому в кулинарии они необычайно продвинутый народ — знают множество рецептов, умеют сотворить любое блюдо буквально из ничего и постоянно совершенствуют свое мастерство. Как следствие, они очень гостеприимны и сами любят ходить в гости — это чтобы попробовать что-нибудь новенькое и поделиться своими кулинарными достижениями.

А еще Пухлики добрые, потому что постоянно сытые и довольные! Когда Пухлик чувствует, что подступает Злость, он быстренько затыкает рот Злости чем-нибудь вкусненьким, она начинает жевать — и забывает, что хотела выступить! За это Пухликов любят и ценят жители других сопредельных стран.

Конечно, они часто над пухликами посмеиваются. Но пухлики не обижаются! Они себе отрачивают большое чувство юмора в области живота, и всегда готовы посмеяться над собой первыми. А за это их любят еще больше.

Пухлики любят жить вкусно! А ведь как узнаешь вкус жизни, если не попробуешь? Вот пухлики и пробуют все подряд! Только вот какая беда: жители Пухляндии слишком, как бы это выразиться, пухленькие... В смысле еды это никакой роли не играет — тут вкус языком чувствуется. А вот эмоции языком не распробуешь, их нутром чувствовать надо. А нутро — оно ж глубоко спрятано, в самом центре. До него еще добраться надо! Но вот это дело непростое, потому что пухлики свое нутро глубже всех на свете прячут, а сверху телом прикрывают и все время его наращивают. Это потому, что нутро у пухликов чрезвычайно нежное, ранимое. Так что, можно сказать, пухлики постоянно что-то жуют не просто так, а исключительно в защитных целях.

Обычные, средненькие эмоции для пухликов не подходят — они просто до нутра не достают. Поэтому пухлики всегда залезают в такие страсти-мордасти, что сами потом удивляются: «и чего это меня туда понесло???».

Вот и наш Пухлик был точно таким же. Добрым, веселым, радостным, общительным, гостеприимным, и поесть любил — но уж очень хотелось ему попробовать, что такое Любовь. Все про нее говорят-говорят, а Пухлик ее еще и не нюхал, и не пробовал!

Стал Пухлик себе объект для Любви искать. Может, соседский пухлик, с которым с детства дружат? Нет, играть с ним, конечно, весело, а до нутра не пробивает! Да и вообще – пухлики все какие-то милые, пушистые, но такие привычные!

И Пухлик решил довериться чувствам – когда нутро отзовется, тогда, значит, точно Любовь! Долго ждать не пришлось: ведь если пухлики чего-то очень хотят, они зажимаются и начинают мечтать. А мечты пухликов – страшное дело, они ведь почти всегда сбываются! Такая уж у пухликов выдающаяся сила мысли.

И явился Пухлику объект – не из пухликов, совсем другой! Стройный такой, продолговатый, с изгибами и вывертами. Из страны Зизаганды – там жители ничего прямо не говорят и не делают, а все как-то зизагами. У Пухлика нутро так и екнуло! Он сразу понял, что это – Любовь.

Стали они встречаться. Ой, как Пухлику было интересно! Нутро трепещет... Эмоции распирают... Сердце то вверх! то вниз! ууух! аааах! – как на горке в аквапарке. Так вот она какая, Любовь! Сладкая-пресладкая, и немного терпкая, просто восхитительная на вкус! Казалось, что вот бы прямо сейчас – и под венец!

Только зизагандец к прямым линиям жизни не привык, не принято у них так. У зизагандцев, в отличие от пухликов, нутро очень даже закаленное, крепкое, им любые повороты судьбы нипочем. Так что вскоре загзагандец ррраз! – и повернул в другую сторону. Пухлик глянул – а рядом уже и нет никого.

Кстати, вы знаете, что если пухлики влюбляются – так сразу думают, что на всю жизнь? Это потому что они боятся, что в следующий раз их до нутра, может, уже и не проберет! И если любимый куда-нибудь исчезает, пухлики ну просто очень переживают! Ведь им кажется, что это была последняя любовь в их жизни!

Наш Пухлик, конечно же, был не исключением. Он тоже растерялся, заметался и ужасно расстроился. Кинулся выяснять, чем он зизагандца обидел, что сделал не так. А тому что? Он и объяснить толком ничего не может, у него ж зизаг, это для него дело обычное, он так живет! Думает Пухлик: «Не пойму, любовь, что ли, у нас протухла? Почему горько-то так?». И применил свое любимое лекарство: пироженки с кремом. Сразу вроде полегчало!

Вроде можно и дальше жить – только Пухлику как-то скучновато, он ведь привык уже к тому, что нутро трепещет. И конфетки радовать перестали, и в гости ходить расхотелось... А Пухлики долго без гостей жить не могут, не привыкшие. Тут и появились в гости Страдания – как говорится, на безрыбье и рак рыба. Осмотрелись – и поселились у Пухлика, чтобы нервы ему дергать, до нутра доставать. А Пухлик их не гонит – от них какие-никакие, а эмоции. Не Любовь, конечно, но все-таки...

Только вот что-то стал Пухлик замечать, что вроде как-то все кругом изменилось: и краски потускнели, и солнышко не греет, и цветочки не радуют. И любопытный носик уже не хочется совать во всякие щели, и глазки не так блестят... А главное – вкус у жизни какой-то странный стал. Кислый, что ли?

Пухлику даже страшно стало: а вдруг это он умирать начал??? Кинулся он с зизаганцем встреч искать – а вдруг Любовь опять вернется? Письма писал, по телефону звонил, даже почтовых голубей засылал! А зизаганец не отвечает, он про Пухлика уже и думать забыл – у него зизаги судьбы чуть не каждую неделю происходят, где ж ему всех упомянуть?

А еще (но это по секрету!) Пухлики очень напрягают своих партнеров, потому как требуют от них ну невообразимо сильных чувств. Обычные-то их до нутра не пробивают! А между прочим, сильные чувства много жизненной энергии требуют. Кому ж охота все время под высоким напряжением ходить? В общем, ушел загзаганец в глубокое подполье. Крышкой закрылся, в картошке окопался и решил Пухликову осаду здесь переждать. Такой у него, значит, зизаг вышел.

Вот тут-то Пухлику совсем плохо стало. Все ему разонравилось, все расхотелось. Заперся он в своем доме и телефон отключил. Бродит по дому, как сонный, и даже мыслей нет – все от скуки разбежалось. Так он попробовал, какова на вкус депрессия. Она совсем пресная оказалась, невкусная, в общем, никакая. Но без нее – никак, потому что она вроде лекарства. Невкусно, зато полезно: сразу понимаешь, что жизнь, какая бы она не была, все равно вкуснее!

И вот когда Пухлику депрессия уже вконец осточертела, включил он телефон в розетку и позвонил в «Службу Недоверия» — есть такая в Пухляндии. Как только там трубку взяли, он и говорит:

- Мне плохо!

А ему в ответ:

- Не верю! Это тебе просто хочется, чтобы тебя жалеть начали!

Он опять:

- Меня никто не любит!

А ему:

- Не верю! Это ты сам тебя не любишь, а мир твоё отношение просто отражает — как зеркало.

Пухлик снова:

- Я не знаю, что мне делать!

А «Служба Недоверия»:

- Не верю! Все ты знаешь! Хватит бояться, нутро своё от мира прятать! Покажи уже всем, какой ты есть на самом деле!

Пухлик жалобно так:

- А вдруг я-настоящий им не понравлюсь?

А ему неумолимо:

- Не верю! Если себе понравишься — то и всем понравишься!

Он опять:

- А я себе и так нравлюсь!

А на том конце провода:

- Не верю! Если б нравился — ты бы не нам звонил, а жизнь на вкус пробовал!

Пухлик канючит:

- Но вот депрессия... Она ж мешает с места сдвинуться! Она меня грустью задавила!

А Служба:

- Не верю! Она тебя грустью — а ты её смехом! Обсмеешь её как следует — она и растворится, как сахар в воде.

Пухлик взвыл просто:

- Так у меня же нутро! Оно сильных впечатлений требует!

- Ну так начни с парашютом прыгать! Или дайвингом займись. В общем, не отрывай занятых людей от дела. Все равно не поверим, что все так плохо! И имя смени! А то так Пухликом и помрешь...

И отключились.

Тут Пухлик и понял: а ведь правда! Он ещё столько всего в жизни не вкусил, не распробовал! Ни парашюта. Ни дайвинга. Ни серфинга. Да ещё много чего!

Для начала решил он имя поменять. Встал перед зеркалом и смотрит на себя.

- Был я Пухлик. А стану я... кто? Пахлик? Пихлик? Рохлик? Может быть, Задохлик?

И так смешно ему стало от этого Задохлика, что захохотал он от всей души, и отражение вместе с ним. В общем, придумал он себе новое имя — Одуванчик. Вроде такой же пушистый и веселый, зато легкий и невесомый.

Потом решительно стал с себя защиту снимать. Ой, сколько же там слоев оказалось! Ужас просто. Но постепенно, слой за слоем, освободил своё нутро от оболочек. Сначала боязно было: оно ж такое нежное, такое ранимое! А он для него скорлупку придумал — из Доверия. Что бы не случилось — сразу говорил: «Верю, что к лучшему!». Так оно и получалось!

А потом пришло время, и ринулся наш Одуванчик в жизнь, снова её на вкус-на цвет-на запах пробовать. И такие тонкости ему открылись, что раньше он и не замечал! Оказывается, тонкие чувства ощущаются как раз тогда, когда жировой защиты нет. Ну кто бы мог подумать??? И совсем не надо «пробивать до нутра» — только коснись, а оно тут же отзовется.

А вскоре наш Одуванчик так волшебным образом изменился, что ему позвонили из Самого Успешного Агентства и пригласили на работу — Консультантом по Неземной Красоте.

А в Пухляндии даже подумывают сделать Одуванчик национальным цветком и даже вышить его на государственном флаге! А пока просто решили присвоить ему звание «Гордость Пухляндии» — потому как все пухлики гордятся своим соотечественником и мечтают быть на него похожими! И вы тоже можете!

ПРОЩАНИЕ

- Ты что? Куда это ты собралась? На ночь глядя?
- Какая ночь... Утро уже. Пятый час. Оторвись хоть на 5 минут от своего компьютера.
- Ну не начинай...
- Я не начинаю. Я заканчиваю. Я ухожу.
- Куда это ты уходишь?
- Какая тебе разница? Ты мною никогда не особенно интересовался, чего уж теперь...
- А чего тобой интересоваться, если ты и так всегда со мной была???
- Была. А теперь ухожу.
- погоди. Так нельзя. Давай разберемся.
- В чем?
- Ну, не знаю... Ты не имеешь права меня вот так вот бросить.
- Да ну? И кто же у меня это право отнял?
- Ну как... Это подразумевается!
- Кем подразумевается?
- Всеми.
- Я – не все. И ты – не все. У нас – особые отношения. Свои.
- Вот, правильно! У нас – отношения! И ты мне нужна!
- Я больше не нужна тебе, мой дорогой.
- Ты нужна мне! Как же? Я ж не смогу без тебя жить!
- А это уже не мои проблемы. Ты меня забросил, и я решила уйти.
- Нет, подожди. Я же еще не старый... Даже, можно сказать, молодой!
- И что?
- И ты должна остаться!
- Да ничего я тебе не должна! Это ты мне задолжал. За все несбывшиеся мечты, неисполненные обещания, нереализованные планы. Твои, между прочим – не мои! И заметь – я с тебя долгов не требую. Потому что твой выбор, а мне уже все равно. Просто теперь меня у тебя не будет – вот и все.
- Постой. Ну нельзя же так вот... Сразу. Я не готов!
- А я тебе давно знаки подавала. Намекала. Прямо давала знать! Предупреждала, словом. Но ты предпочитал не слышать.
- Но нам же было хорошо вместе!
- Когда-то. Сначала. А потом ты меня забросил. Компьютер... Пиво... Телевизор... Сигареты, одна за другой... И так день за днем. Из года в год.
- Ну почему??? Работа еще. И сон.
- И на работе все по списку – смотри выше. Ну, а про сон я вообще не говорю. Тяжелое забытие, а не сон.
- В кино ходили.
- Ага, помню. В прошлом году...
- Рестораны!
- Ну что мне твои рестораны??? Что, кроме твоего тяжелого похмелья??? Что нового, полезного, яркого ты оттуда вынес, кроме алкогольной интоксикации и фирменной солонки? Это же убивало меня раз за разом, понимаешь? То есть ты! меня! убивал!
- По-моему, ты придираешься. Все так живут!
- Во-первых, не все. А во-вторых, ну что мне все??? Я же не со всеми жила, а с тобой!
- Ну ты не можешь меня вот так вот бросить.
- Могу. Ты мне стал неинтересен. Я тут с тобой сама себе стала неинтересна. У нас больше нет общих тем, понимаешь?
- Но ведь я умру без тебя!
- Ты и так уже, можно сказать, умер. Дотлеваешь, как твоя сигарета. Давно уже.
- Но ты же мне нужна!
- Не думаю. Не вижу. Не ощущаю. Может, пригожусь кому-нибудь другому. С кем будет интересно. А с тобой – не вижу смысла. Извини...
- Жизнь! Ты не имеешь права так со мной поступать.

- Я всего лишь твое отражение, между прочим. И сейчас поступаю с тобой, как ты поступил со мной. Ты меня растратил... По мелочам, по пустякам. Ты меня забросил... Ты забыл, что такое – Жизнь.

- И тебе не жалко? Вот так вот разом – и перечеркнуть все, что было?

- А что было-то? Вроде я с тобой много лет – а как и не было ничего. Пустота... Безвременье. Вечное ожидание: «Вот с понедельника!». А потом - «понедельник – день тяжелый», ну и так далее...

- Не уходи... Останься еще на немного, а? Я тебе обещаю! Курить брошу. Пить – ну, только по праздникам. Бегать по утрам начну! Все, решено! С понедельника – новая жизнь!

- Боже, как я от тебя устала... Я смертельно устала... Как ты любил говаривать: «Нет жизни – и это не жизнь». Меня больше нет... Прощай...

И она ушла. В пепельнице дымилась до половины докуренная сигарета. Его голова как-то неловко, боком лежала на клавиатуре, и на лице было выражение легкой обиды и

недоумения, словно он так и не понял: за что это его так, и почему Жизнь так внезапно его покинула...

ПЬЕДЕСТАЛ ПОЧЕТА

Мы ведем наш прямой репортаж с соревнований по женскому многоборью! — вер- щит- надрывается комментатор. — Я Вадим Упс, я буду с вами на протяжении этой нелегкой и захватывающей борьбы тренированных тел, высоких амбиций, нечеловеческих скоростей. Предыдущий этап «Песочница», где женщины соревновались в детской борьбе, выявил лидеров. Аутсайдеры отстали, впереди те, кто продемонстрировал силу, смелость и ловкость. Зато определились перспективные спортсменки, у которых есть все шансы занять место на Пьедестале Почета!

И с нами сегодня наш спецкор Алексей Форс-Мажоров. Алексей?

— Я Алексей Форс-Мажоров, я прямо тут, где проходит основной забег. Участницы в разноцветных майках, на ходу отряхивая песок, стремительно несутся от «Песочницы» к следующему этапу. Тренеры с волнением наблюдают за стартом участниц. На обочине дежурит карета «скорой помощи» — соревнования травмоопасные, мало ли что. Вадим?

Включается комментатор:

— Вот мы дождались момента, когда наши участницы достигли первого серьезного препятствия — оно называется «Школа». Посмотрим, какую «Школу» покажут нам фавориты гонки. Отличное выступление! Проходной балл — 4,5. Но многие демонстрируют результат и по 5 баллов! Да, уже определились явные лидеры. Хотя впереди еще много этапов, и среди отстающих могут быть «темные лошадки». Но на то и борьба! На то и гонка! Алексей?

— Несутся! Бегут, стремительные, как лани, опасные, как пантеры! Я беру интервью у тренеров спортсменки № 2. Скажите, вы надеетесь на победу вашей питомицы?

— Конечно! Она должна прийти первой, это неоспоримо. Ведь мы тренируем ее с пеленок, буквально с первого дня!

— Ее так рано отдали в большой спорт?

— Никто ее не отдавал, мы ее родители, мы сами ее и тренируем! А для большого спорта важно начинать как можно раньше. Желательно вообще до рождения!

— Удачи вашему № 2! А я передаю слово комментатору. Вадим?

— Этап «Школа» благополучно пройден, группу лидеров сейчас возглавляет № 2, ей в затылок дышит №11! Вот они достигают следующего препятствия — «Институт»! Это посерьезнее, чем «Школа»! Ого! Ого! Мы видим, как №11 дисквалифицируют. Да! Это допинг... У нее найден пухлый конверт с допингом! Ай-яй-яй... Теперь №11 отстранят от соревнований, в лучшем случае назначат штрафной круг, но все равно — ей уже не грозит Пьедестал, время потеряно, а гонка не стоит на месте. Интересно, почему она пошла на такой риск. Алексей?

— № 11, в чем дело, вы знали, что это допинг?

— Нет! Откуда мне знать, я же впервые в таких соревнованиях участвую. Мне мои тренеры сказали, что надо сунуть судье на этапе вот этот конверт, что все так делают, ну я и поверила... Они же тренеры!

— Да, неопытная девочка поверила не тем, и вот... Она выбыла из борьбы. Горько, обидно. Но для остальных гонка продолжается! Вадим?

— Этап «Институт» позади, и это были еще цветочки! Сейчас участницы приближаются к этапу «Место под солнцем». Обратите внимание, желтый тент обозначает арену борьбы, это совсем небольшой пятачок, задача — вытолкнуть соперниц за линию, а самой удержаться в пределах круга, отвоевать свое место под солнцем. Здесь преимущество имеют те, кто скользкий, гибкий или может задавить массой. О нет, я не совсем прав, еще и хитрые в цене! Видите, как № 7, упав на живот, цепляется за ноги соперниц? С одной стороны, их столкнуть труднее, с другой — уж саму-то ее вообще не сковырнешь! Интересно, не является ли это запрещенным приемом. Алексей?

— Правилами это не разрешено, но и не запрещено, значит — можно. По крайней мере, судьи помалкивают. Вадим?

— Мы продолжаем наш репортаж с соревнований по женскому многоборью! Впереди — очень серьезный этап, спортсменкам предстоит соревноваться в беге с карьерами. Лидирует участница № 2, ей в затылок дышат № 7 и № 9. Карьеры — это трудно, это постоянное напряжение, ведь нельзя сбавлять скорости, иначе тебя перепрыгнут и обойдут другие. Но что это? № 7 явно выдыхается... У нее заплетаются ноги, она тяжело дышит, ей уже не даются высокие карьеры. Да! Она сходит с дистанции... Что скажете, Алексей?

— Я Алексей Форс-Мажоров, я беру интервью у № 7, которая только что покинула беговую дорожку. Как вы объясняете, что бег с карьерами стал для вас роковым этапом?

— Не всем даются карьеры. Что ж, это жизнь.

— Вы выбыли из соревнований, чем намерены заняться сейчас?

— Отдохну, приму душ, перекрашусь в другой цвет, возможно наконец-то схожу замуж.

— Удаchi вам! И скорейшего восстановления сил. Вадим?

— Пока Алексей брал интервью у № 7, еще несколько спортсменок не сумели взять очередной рубеж и отправились на скамью запасных. Да, бег с карьерами не вседоступен, тут нужны невероятные, просто мужские выносливость и хватка. И кто же у нас остался в лидерах? Алексей?

— Среди тех, кто сделал карьеры, лидирует № 2. Я вновь задаю вопрос ее тренерам, они же родители: как ее время, в графике идет?

— Она могла бы показать результаты и лучше, мы уверены. Но в целом мы довольны. Наша девочка должна всегда и во всем быть первой, и она будет.

— Понятно. Передаю слово Вадиму.

— Я Вадим Упс, комментатор женского многоборья, оставайтесь с нами. Начинается интереснейший этап — «Парное катание». Нашим участницам предстоит на бегу выбрать себе мужчину, а мужчин на этапе меньше, чем участниц, и кому-то придется сойти с дистанции. Одиночницы переходят в другую категорию. Причем при выборе партнера важно не ошибиться в параметрах, так как далее предстоит выделять сложные фигуры на льду, а это и путь скользкий, и порою опасно. И одной-то бывает трудно удержаться на ногах, а тут еще и партнер... Вот спортсменки, не сбавляя скорости, расхватывают мужчин... Алексей?

— Да, Вадим, любимица публики и судьбы, № 2, и тут оказалась первой — успела, схватила, пришла к ледовой арене, уже надевает коньки. Молодец девчонка! За ней подтягиваются и другие пары...

— № 2 со своим партнером выступают вполне прилично. Да, он, конечно, слабее ее, и явно ему не хватает ее воли к победе, но он старается. Алексей?

— Но что это? Партнер участницы № 2 явно выдыхается. Он теряет скорость! А им предстоит сложная дорожка шагов и еще поддержка, элемент Ультра-С. А ведь он явно не сможет выполнить ее безукоризненно! Что же будет? Вадим!!!

— На Вытянутых руках подняла своего партнера и выполнила поддержку! И дорожку шагов заодно! Это фантастика! Вы видели это, Алексей?

— О господи! Она сделала это!!! Вы все своими глазами видели, как хрупкая женщина с номером 2 на вы-Я видел это, Вадим! Это заявка на победу! Они прошли этот нелегкий этап! Но давайте посмотрим на других участниц!

— Да, Алексей. Вторая пара — это № 9. Партнер ей достался так, не очень чтобы очень... Но нельзя ее судить, ведь выбор приходится делать буквально налету, так что элемент случайности и везения определяет все! Впрочем, на льду он неплохо держится, маленький, но сильный. Они справляются со всеми элементами и получают путевку на следующий этап. Я вижу, Алексей уже там и встречает участниц.

— Я здесь, Вадим, и веду репортаж! Сейчас участницам предстоит преодолеть полосу препятствий. Первое препятствие — это «Детский сад». Вы видите, что тут много деревянных конструкций, за некоторыми из них спрятаны дети. Задача участниц — сбавить ход и найти себе ребенка, это дает дополнительные очки. Но в то же время это отнимает время и снижает темп. Так что спортсменкам предстоит сделать выбор: лишние очки или потерянное время.

— Хочу обратить внимание нашей аудитории, Алексей, что на полосе препятствий мужчина, выбранный в пару, часто отстает и теряется, ведь женщине нельзя прерывать бег, а далеко не все мужчины так же выносливы и тренированы.

— Да, это так, но у женщины есть выход: участницам предоставлено право посадить себе на плечи и мужчину, и ребенка, и преодолевать полосу препятствий с этой ношей. Конечно, это будет медленнее, но, по крайней мере, полосу они пройдут без потерь.

— Что ж, Алексей, вы как в воду глядели: вот мы можем наблюдать, что большинство женщин именно таким способом и проходят полосу препятствий. Ребенок и мужчина цепляются за их шею, и спортсменки неудержимо рвутся вперед.

— Да, Вадим, я тут, рядом, и вижу, что не всем удастся, далеко не всем... Вот рядом со мной № 13, она чуть не утонула, когда переплывала ров, и теперь отдыхает здесь, на скамеечке запасных. № 13, несколько слов для наших зрителей! Что случилось, почему вы сбросили ваш груз? Физическая подготовка подвела? Или причины психологического характера?

— Досадный сбой, просто не хватило дышалки. В следующий раз потренируюсь получше — и снова на старт. Я уже в который раз участвую, даже в десятку лучших входила, но на Пьедестал пока не пробилась. Ничего, я их еще сделаю! Мне просто с мужчинкой не повезло, хлипкий оказался, слабак. Вот если бы он меня на шее вез...

— Ну что вы, вас разве вывезешь? Вон мускулатура какая, как у Сталлоне прямо. Ладно, отдыхайте, и успехов вам в тренировочном процессе. А что у нас там на трассе, Вадим?

— Полоса препятствий позади, спортсменки вот-вот выйдут на финишную прямую. Их осталось немного, выжили самые выносливые... Лидирует по-прежнему № 2, следом № 8. Кажется, победительница определилась... Но нет! Нет! Что происходит? Алексей, вы видите?

— Невероятно, но № 8 бросает мужчину и ребенка, берет низкий старт и уходит в отрыв, обгоняя № 2. Это, по сути, является нарушением правил, и судьи это учтут, но дисквалификация за такой финт не предусмотрена.

— Да, Вадим. Но я прошу обратить внимание на участницу № 2. Вот она, крупным планом. Да, она растеряна и фактически деморализована! Она заметалась! Она теряет темп! Ей явно не хочется бросать мужчину и ребенка, но и первенство отдавать не хочется. Что же она решит? О господи! Кажется, ей плохо! Она начинает заваливаться на бок! Да, вот уже бригада врачей разворачивает носилки. Видимо, такой выбор оказался для нее непосильной ношей. Что ж, женское многоборье — жестокий спорт, и травмы здесь неизбежны. Алексей?

— И вновь интервью. Пара слов от тренеров № 2. Ваши комментарии?

— Катастрофа! Она нас опозорила. Она должна была победить! Во что бы то ни стало! Мы же всю жизнь на нее положили, обучали, готовили, тренировали... Мы в трауре. Это позор всей нашей семьи. У нас аутсайдеров быть не должно!

— Спасибо, надеюсь, вы отойдете от шока и смягчите свою позицию, ведь девочка выложилась до дна, ей понадобится серьезная реабилитация. А мы опять обращаем внимание на финиш. Вадим?

— И еще один сюрприз! № 1 повторяет финт № 8 и догоняет ее. Уже видна финишная прямая. № 8 выдохлась, ей жарко, она запрокидывает голову. № 1 настигает ее, и... Алексей, как вы думаете, что это было?

— Предполагаю, что № 1 незаметно подставила ей подножку. Иначе с чего бы она вот так, кубарем, покатила в траву? Но это случилось так быстро, что наверняка утверждать не берусь. Да и поздно: вот он, финиш! Первой ленточку пересекает № 1, абсолютная чемпионка женского многоборья!

— № 1 принимает поздравления, букеты! Мы не видим ее лица, но надеемся, что она счастлива! В такой тяжелой борьбе, и стать первой! Это успех, это колоссальный успех!

— И теперь мы видим, как ее ведут к специальному лифту, чтобы вознести на Пьедестал Почета. Трубят фанфары, гудит и рукоплещет стадион!

— И вот она уже там, на Пьедестале! Теперь она будет находиться там постоянно, и все дары мира будут лежать у ее ног — только выбирай! И наступает самый замечательный момент: там, наверху, имеется радиомикрофон, и сейчас мы возьмем короткое интервью у победительницы. № 1, слышите нас? Как слышите?

— Я вас слышу. Но плохо вижу — сверху все сливается в один пестрый коврик, ничего не разобрать.

— Что вы сейчас чувствуете?

— Усталость. И еще гордость: я победила! Я поднялась выше всех, я тут уникальная и неповторимая! Я всех конкурентов сделала!!! Я доказала!

— Счастливого пребывания на Пьедестале Почета! И до связи!

— До свидания, дорогие наши зрители, с вами были Алексей Форс-Мажоров и Вадим Упс. До следующих соревнований!

Усталые комментатор и спецкор отключают микрофоны, наливают минералки, откидываются на креслах.

— Ох и утомительно это — комментировать женские гонки! Прямо упарился весь. Жестче, чем у мужиков. Амазонки...

— Слышь, Лех, а ты с этой, предыдущей, ну, с прошлого марафона, давно общался?

— Давно. Звезда еще та, я стараюсь пореже общаться. Включить, что ли?

— Включи. Интересно, каково ей там сейчас, через время... Как ее, № 123, да?

— Да. Включил. № 123, как слышите нас?

— Слышу. Век бы вас не слышать.

— Пу-ну, не ругайся, к чему? Что это изменит?

— Да какого черта мне сразу не сказали, как тут, на этом чертовом Пьедестале???

— А как там?

— А кто сказал: «Кто ж с тобой сравнится, ты ж звезда большого спорта! Ты все лучше меня делаешь, на фига это мне???» Я - сильнее, я - выносливее, я - сообразительнее, я - хитрее и выше в конце концов.

— А здесь! холодно, одиноко, высоко, и мужчины проходят мимо, снизу смотрят — и проходят. А один так и сказал — высоко стоишь, не достать, не мое полета птица... и проходят мимо все

— Ну так ты сама этого хотела. Мечтала победить всех — ну и победила. Теперь ты Чемпионка Всего. Круче всех. Выше всех.

— Да пошли вы на фиг! Комментаторы недоделанные.

— Понятно. Ладно, до связи! Отключай, Лех. Еще не созрела, чтобы к людям спуститься. Пусть постоит там в гордом одиночестве, поразмыслит. А нам бы отдохнуть не мешало. А то скоро следующий забег. Куда они все бегут??? Зачем??? Лучше бы с нами познакомились, в бар сходили или на концерт какой. Да хоть в шахматы бы сыграли!!!

— Дурак ты, Упс, хоть и комментатор. «Куда бегут», «куда бегут»...

Сказано же — на Пьедестал Почета. А там конкуренты не нужны.

Автор: Эльфика

СВЯЗАННЫЕ

Анна человек не общительный. Любит одиночество, компьютер и тишину. Для обмена теплом и информацией вполне хватает далеко не маленького семейства. Муж для нее — и старший советчик, и лучшая подружка. Ну и есть, конечно, две самых близких подруги, которые,

априори, входят в «круг первый» — то есть приравниваются к членам семьи. А вот в общении «просто так», Анна совсем не нуждается. И скучно ей никогда не бывает.

Так себя видит Анна. Но окружающий мир, по всей вероятности, видит ее по-другому. Поэтому она всегда окружена множеством людей, претендующих на звание близких. Эти люди нуждаются в ее помощи, и она с радостью помогает. Еще они хотят дарить ей тепло, и она, с благодарностью его принимает.

Таким образом, реализовались в ее жизни Преданная Блондинка, Просветленная Личность и Хороший Человек.

Преданная Блондинка была глупенькая, добренькая и полная благих побуждений. Анна страдала от отсутствия общих тем, с тоской посматривала на часы, выслушивая бесконечные разглагольствования о рюшечках на розовых кофточках и убеждала себя, что истинной преданностью бросаться грех. И кому будет нужна бедная Блондинка, если Анна ее бросит, ведь она останется совсем одна. Нет, Анна ни минуты не кривила душой, она искреннейшим образом любила Преданную Блондинку. Ну не была она по жизни избалованна преданностью, и ценила ее сверх всякой меры.

Просветленная Личность появилась в жизни как луч света. Вдруг, откуда не возьмись, единомышленник, товарищ! Они могли говорить часами, они понимали друг друга с полуслова! Немного мешало расхождение в некоторых значимых для Анны вопросах, но ради этой близости, ради общего языка, она закрывала на них глаза. Она искренне верила, что в процессе общего духовного развития, они придут к общему мнению и в этих важных вещах тоже.

А Хороший Человек, просто был. У них не часто бывало время встретиться и пообщаться, но когда случалось, им было хорошо и тепло вместе. Они обогащали друг друга идеями, дарили друг другу тепло и привязанность, иногда спорили. Правда Анну смущала непримиримость Хорошего Человека с любым проявлением инакости, но Анна была тактичным человеком, и умела обходить острые углы.

Все было бы хорошо, если бы Анна не обнаруживала себя постоянно в ситуациях, когда она делает не то, что хочет, проводит время не так, и не там, где хочет. Ругая себя за некоммуникабельность, она постоянно гнала из мыслей навязчивую фразу, прочитанную в какой-то книге «Террор любовью».

Друзья выдергивали ее из течения собственной жизни, как опытный рыбак подсекает рыбу, и она оказывалась в чуждой среде, беспомощная и задыхающаяся. Они приходили к ней всегда неожиданно, и ей приходилось откладывать начатые дела. Они звонили, и она, считая себя обязанной выслушать и ответить, теряла нить важной мысли.

Однажды Анна заболела. Мучительная головная боль, рябь в глазах, шум в ушах, удушье, чихание и насморк выбили ее из колеи абсолютно. Надо было бы вызвать врача, но вот врачей Анна недолюбливала, предпочитала договариваться со своим телом сама. Напрямую, без дипломированных посредников. С этой мыслью она и задремала, сидя в кресле у открытого окна.

Неожиданно кто-то коснулся ее плеча. Анна вздрогнула, повернулась, и никого не увидела. Уже решив, что показалось, она собиралась было уснуть снова, но вдруг взгляд ее упал на журнальный столик.

На нем лежали чужие очки. Стильные, в сиреневой оправе, с полузатемненными стеклами. Анна примерила, очки пришлись впору. Вот только видела она через их стекла не совсем привычный мир. То есть все было так же, тот же столик, те же книги, то же кресло у окна. Но все вокруг было опутано нитями, которые тянулись внутри комнаты, пересекались, выходили через окна и двери наружу.

Почти все нити сходились к телу Анны. Они опутывали ее руки, ноги, горло. Особенно старалась одна, она притягивала правую руку к телу так, что ею невозможно было пошевелить. От Анниного тела она тянулась к ящику письменного стола. Анна прошла по направлению, указанному новой «нитью Ариадны», открыла ящик, и обнаружила там, красиво завязанный на бантик... свой диплом о высшем образовании.

Анну стало душить, она рванулась рукой к горлу и обнаружила на нем в несколько петель обвязанные нити. Потянула за одну. Раздался звонок в дверь. На пороге стояла Преданная Блондинка.

- Знаешь, я была на распродаже, здесь неподалеку, купила совершенно потрясающие сапожки, и решила к тебе забежать.

Нить, душащая Аннино горло тянулась к левой лодыжке подруги. Рассматривая новые сапожки, Анна незаметно освободила ногу Блондинки, и в этот момент удавка спала с ее горла. Блондинка как-то неожиданно засобиралась, вспомнила, что ужасно занята и убежала по своим делам.

Анна потянула за вторую нить. Просветленная Личность влетела в дом, вдохновленная очередной суперидеей.

- Я просто обязана это с тобой обсудить, — затарахтела она. Ее руки были опутаны нитью, сковывая движения. Анна обняла подругу, погладила ее по спине и рукам, снимая нитяной капкан. И почувствовала, что дыхание стало много свободнее.

- Впрочем, — задумалась Просветленная Личность,- пожалуй, достаточно обсуждений! Я займусь реализацией этого проекта. Я позвоню тебе!

И она тоже убежала, посылая воздушные поцелуи на ходу.

Хороший человек не приходил, не смотря на попытки Анны притянуть его связующей нитью. И тогда, она сама пошла к нему. Каково же было ее удивление, когда она нашла Хорошего Человека в постели, с высокой температурой и удушающим кашлем. Нить, сдавливающая горло Анны, вторым концом удавкой свивалась вокруг его груди. В момент освобождения от этой связи, Хороший Человек прекратил кашлять, и пошел срочно звонить маме, которая рассчитывала на его помощь сегодня.

Так постепенно Анна распутывала нить за нитью, связь за связью, становясь все подвижнее, свободнее, легче. В конце концов, осталось несколько самых прочных, которые тянулись к плечам, спине, груди от нескольких самых родных и близких людей. Анна четко видела, что именно эти нити поддерживают ее в пространстве, позволяют передвигаться, образуют защитную сферу вокруг ее тела.

Дыхание стало свободным, насморк прекратился, голова стала ясной. Анне хотелось летать. Сняв очки, она протянула руку к журнальному столику, чтобы положить их на место, и наткнулась на запечатанный конверт с официальной печатью.

Уже догадываясь, что она там увидит, с волнением открыла письмо, и нашла в нем подписанный договор с зарубежным издательством, на иллюстрации к книге ее любимого автора. Анна очень любила рисовать.

Понимая необходимость высшего образования для социального статуса, она окончила престижный институт, но ее мечтой было – рисовать. И вот мечта сбылась! Сумма, указанная в контракте, позволит ей спокойно заниматься творчеством в течение целого года.

Работа над иллюстрациями захватила ее полностью. Она рисовала утром, днем, вечером, сочиняла новые сюжеты ночью. Анна даже не заметила, как из ее жизни почти исчезли бывшие друзья. Они звонили изредка, делились новостями.

А поделиться было чем! Преданная Блондинка готовилась к свадьбе. Ее состоятельный жених был счастлив своей находкой.

Красавица Блондинка создавала ему уютную атмосферу отдыха от его ответственной работы, щебеча о своих милых глупостях ему на ухо, и окружая его ласковой заботой.

Просветленная Личность перешла от разговоров к делу, и занималась развитием нового мегапроекта.

А Хороший Человек готовился к переезду в соседний город, где нашел интересную работу и купил красивый новый дом.

Все они были заняты своими делами и счастливы.

СКАЗКА ПРО ЗЕЛЕНОГО ЗМИЯ

- ...А потом Иван Царевич женился на Василисе Прекрасной, и стали они жить поживать, да добра наживать. Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец.

- А что было потом? – спросил мой любопытный ребенок.

- Когда потом? – не поняла я.

- Ну, когда они стали жить-поживать.

- Это уже совсем другая сказка. Не сегодняшняя. А сейчас – всем спать! – решительно объявила я и потушила ночник.

Детеныш уснул, а мне не спалось. Моя личная сказка была не очень веселой. То есть до свадьбы все и правда было сказочно, а потом... потом мой муж подружился с Зеленым Змием. И с годами их дружба становилась все крепче и крепче. Что мне очень не нравилось! Ведь Змию уделялось времени все больше, а нам с сыном – все меньше. Похоже, он нас побеждал. Под эти невеселые мысли я стала погружаться в сон. «Эх, мне бы меч-кладенец!», — подумала я напоследок и уснула.

- А зачем тебе, девица-красавица, меч-кладенец? – спросил кто-то совсем рядом. Я открыла глаза, потом села и просто потеряла дар речи – вокруг было чисто поле, а я сидела под ракитовым кустом, неоднократно воспетым в былинах.

- Кто это со мной разговаривает? – пролепетала я, немного придя в себя.

- Знамо кто, я разговариваю, ракитовый куст.

- А разве кусты разговаривают? – глупо заморгала я.

- В сказках – да. А ты сейчас в сказке.

- А... что это за сказка? – продолжала допытываться я.

- Это твоя сказка. Которую ты сама рассказываешь, — терпеливо пояснил Ракитовый Куст. – Так что там про меч-то? Говори, не робей!

- Хочу Змию Зеленому голову отрубить! – выпалила я.

- Эвон что, — опечалился Ракитовый Куст. – Непростое ты дело задумала, девушка. Ой, непроводное! Сколькo уж вас к Змию в услужение пошло, а сколько и вовсе голову сложило!

- Мне очень надо! Помоги, коли можешь, — попросила я. – Муж любимый к Змию в рабство попал, хочу его освободить.

- А он-то сам хочет? – полюбопытствовал Куст.

- Ой, уже и не знаю. Он считает, что ничего страшного не происходит. Но я-то вижу – еще как происходит! А сделать ничего не могу...

- Да, Змий Зеленый волшебной силой обладает, может так голову заморочить, что человек и себя не помнит, и родных забудет, — подтвердил Ракитовый Куст. – Ладно уж, помогу тебе. Где Меч-Кладенец лежит, то мне неведомо, а вот кто тебе помочь в этом деле сможет – скажу. Иди через поле, за речку, потом через лес, в самую чащу, на круглую поляну, там Баба Яга живет. Вот она-то тебе точно подсобит!

- Спасибо, Кустик, дорогой! – поблагодарила я и пошла указанной дорожкой.

Вскоре поле кончилось, и вышла я к речке, за которой сразу начинался лес. Речка вроде была неширокая, но быстрая. Плавать я не умела, поэтому стала искать, где ее можно перейти. И за первой же излуиной увидела подходящие камушки. И на самом большем, сжавшись в комочек, сидела девушка в белом сарафанчике. Грустно так сидела, как сестрица Алёнушка.

- Девушка, по этим камушкам речку можно перейти? – обратилась к ней я.

- Можно... Только зачем? – меланхолично спросила девушка.

- Мне надо! – твердо сказала я. – Так, вас как зовут?

- Алёнушка, — умирающим голосом ответила она. Выходит, я не ошиблась.

Мне очень хотелось пить, речка вроде выглядела чистой, и я зачерпнула горсть воды.

- Не надо! – воскликнула Алёнушка, но опоздала. Я уже хлебнула и поперхнулась: вода была соленая-пресолёная, даже горькая.

- Что ж это за вода такая, — прокашлявшись, возмутилась я. – А еще сказочная речка! Тьфу, гадость!

- Это не вода, — неохотно призналась Алёнушка. – Это мои слезы горькие.

- Да откуда же в тебе столько слез? – поразила я.

- Это все из-за братца Иванушки, — печально ответила она. – Братец-то мой не послушался, испил из козлиного копытца, а там водка была. И стал он козлом распоследним, алкоголиком хроническим. Теперь ему милей водочки на свете ничего нет. Это все Зеленый Змий подстроил, с копытцем-то!

И Алёнушка горько-горько зарыдала.

- Эй, ты это брось! – забеспокоилась я. – Мне через речку переходить, а ты тут уровень воды повышаешь. Ну ладно, он алкоголик, а ты-то чего реवेशь?

- А что же мне делать, бедной-разнесчастной, сиротинушке обиженной? – заунывно затянула Алёнушка. – Нету мне на свете ни счастья, ни долишки!

- Да подожди! Ну он же тебе не муж, а брат! Ну ладно, он козленочком стал, а у тебя-то своя жизнь! Еще выйдешь замуж, детишек нарожаешь, — стала уговаривать я. Такие вещи даже я понимала.

- Нееееет! — завывала Алёнушка. — Я его должна спасааааать! Он без меня пропадеоооооот!

- Ну так пойдем со мной, — предложила я. — У меня тоже проблема. Я мужа спасти иду от Зеленого Змия. Вдвоем-то мы его быстрее одолеем!

- Ну уж нет, — холодно сказала Алёнушка. Слезы ее вмиг высохли. — Не надо это мне.

- Почему? — изумилась я.

- А на кого же я тогда жаловаться буду? — рассудительно ответила она. — Так-то я здесь сижу, каждый прохожий меня жалеет. Кто по головке погладит, кто конфетку даст. Приятно. И поговорить есть о чем. Все меня утешают, я ведь такая хорошая, а он — козел хронический. А ну как он обратно превратится, и кому я тогда нужна — меня пожалеть?

- Знаешь, мне как-то тебя не жалко, — призналась я. — Ты его не любишь, ты себя только любишь. Потому и биться за него со Змием не хочешь!

- Не хочу, — подтвердила Алёнушка. — Я себя жалеть хочу. А ты переходи речку, а то мне так грустно стало, что я сейчас опять плакать буду.

Пока она не заревела снова, я быстро перескочила по камушкам на другую сторону и потрусилась к лесу. «Ну и ну! — думала я, вспоминая Алёнушку. — А ведь я тоже сочувствие люблю. И пожаловаться иногда тоже не прочь. Так вот куда заводит этот путь! Будешь сидеть в собственных слезах да ждать, кто тебя пожалует». Нет, это было не по мне. Я только укрепились в решимости найти Зеленого Змия и расправиться с ним.

И вот я углубилась в лес, который становился все гуще и темнее, и вскоре пошла вообще чащоба непроходимая. Я перелезала через поваленные стволы, продиралась через кусты, спотыкалась об узловатые корни, кажется, даже плакала. Я уже думала, что окончательно заблудилась. В конце концов я запнулась, упала и зарыдала в голос, проклиная и себя, и Ракитовый Куст, и всю свою несуразную сказку.

- Чего орешь? — сумрачно спросили прямо под ухом. Я вскинула голову и увидела рядом совершенно невероятное существо: худюшую, костлявую, лохматую длинноносую женщину в грязно-зеленых лохмотьях. Кикимора какая-то.

- Я.. я.. я заблудилась, — всхлипывая, созналась я.

- Да ничего подобного, — отрезала та. — Мы всегда приходим именно туда, куда шли. Если ты оказалась здесь — значит, сюда и стремились.

- Нет, — запротестовала я. — Я к Бабе Яге шла! За мечом-кладенцом. Чтобы отрубить голову Зеленому Змию, у которого мой муж в рабстве.

- Ой, девонька, да ты что! — воскликнула зеленая, всплеснув корявыми руками. — И у тебя тоже, значит...

- А что, и у вас? — осторожно спросила я.

- Ох, это давняя история. Будем знакомы — Кикимора, — представилась она.

Имя соответствовало внешности на 100%. Кикимора присела рядышком и обняла руками худые коленки.

- Я ведь не всегда такой была, веришь? — начала Кикимора. — Я красавицей слыла, девка-цвет лазоревый! Фигуристая, глазастая да веселая! Кровь с молоком, огонь с перцем! Пришла пора — вышла замуж по большой любви за добра молодца. Он тоже хорош был, первый парень на деревне! И на гармошке играть, и барыню сплясать, и избу срубить! Все с ним дружить хотели, все его на помощь звали, щедро платили, а в благодарность — рюмочку подносили. Там рюмочка, да там две — не заметил, как без рюмочки уж и веселиться не мог. Взял его Зеленый Змий в полон. Мне бы тогда задуматься, ан нет — любила я его, все ему прощала! Утром у него голова болит — я ему опохмелиться поднесу да огурчик подам. Вечером друзей позовет — так я стол накрою и сама бутылочку зелена вина поставлю, да где и выпью с ними за компанию. А раз я со всем согласная — чего ж ему-то привычки менять?

Кикимора задумалась и умолкла. Я ждала, затаив дыхание.

- А что же дальше-то было? — поторопила ее я.

- А дальше Зеленый Змий совсем молодца моего с пути сбил. Вечером пьет — утром похмеляется, а работать-то уж ни сил, ни времени. Оглянуться не успела — а уж вся работа по дому на мне лежит. И дрова колоть, и сено косить, и воду носить — все я. Денег дома не стало

– пришлось крутиться, самой зарабатывать. И все переживала да плакала. Скоро глаза выцвели, кожа сморщилась, волосы поредели, тело истаяло, и превратилась я в Кикимору...

- А муж? – с ужасом выдохнула я.

- А что ж муж? Так и сгинул... Змий Зеленый печенку ему сожрал. Цирроз называется.

- Ужас какой, — только и смогла сказать я.

- Так что, девонька, хочешь бороться – борись! Уважаю! – решительно сказала Кикимора. – А то вот я своим терпением да любовью слепой и его не спасла, и себя погубила – кикиморой стала. Брожу теперь по лесу, грибников пугаю... Ладно! Пойдем, доведу тебя до Бабы Яги. Здеся недалече. Ты не то что заплутала, а просто чуток не дошла.

Кикимора поднялась и зашагала впереди, а я сзади пристроилась. Смотрела на нее, худую да нескладную, и думала: «Не хочу быть Кикиморой! Не буду терпеть да ждать! Хочу сама что-то сделать, чтоб Зеленого Змия победить».

И правду же Кикимора сказала: совсем скоро деревья расступились, и оказалась впереди круглая поляна, а на ней – Избушка на курьих ножках.

- Поняла теперича? Никогда не останавливайся, рук не опускай, только так куда надо добраться можно, — сказала Кикимора.

- Спасибо вам, я запомню, — поблагодарила я.

- Ну, удачи тебе! – пожелала Кикимора. – А если до Змия доберешься – пни и от меня пару раз!

- Так может, и вы со мной? – предложила я.

- Нет, у меня уж силушек не осталось, — поникла Кикимора. – Ты ишо молодая, смелая, а мне куда? Моя жизнь уж кончена... Так и буду кикиморой доживать...

И Кикимора растворилась в лесу так же, как и возникла. А я двинулась к избушке. Как там, в сказках? «Избушка-избушка, встань к лесу задом, ко мне передом!», — вспомнила я.

- Так, вы что тут балуетесь? – строго спросила меня величественная старуха в белом халате, возникшая на пороге. – Вам что, обойти трудно?

- Ой, простите, пожалуйста, — извинилась я. – Я думала, так положено...

- Кем это, интересно, положено? Если не вы положили – значит, это не ваше. Если всегда поступать, как положено, так и будете чужие ошибки повторять. Это понятно?

- Понятно, — сглотнула слюну я. – Я больше не буду. Простите, а где я могу увидеть Бабу Ягу?

- Здесь и можете. Вы ее уже видите. Я – Баба Яга.

Нет, определенно, потрясений на сегодня для меня было слишком много. У меня закружилась голова, и я решила, что можно наконец-то упасть в обморок.

...Очнулась я от того, что меня кто-то легонько похлопывал по щекам. Я открыла глаза – надо мной склонилась вся та же старуха.

- Ну вот и очнулась, ну вот и славненько, — сказала она. – Я тебе уже все ссадины обработала и пластырь прилепила. Поднимайся, я тебя чайком потчевать буду – с медом, с малиной, со смородиновым листом.

Уже за столом я осмотрелась. Содержание избушки явно не соответствовало форме. Внутри избушка на курьих ножках оказалась чистенькой, просторной и вполне комфортабельной. Никаких печей, котлов и летучих мышей. В целом было похоже на приличную сельскую амбулаторию.

- А вы совершенно правы, — сказала старуха, словно угадав мои мысли. – Сказка-то тоже на месте не стоит, своей жизнью живет, сюжет развивается!

- А вы правда Баба Яга? – спросила я. – Как-то не похоже...

- Правда, правда, — успокоила меня она. – Доктор психологии, практикующий психотерапевт, а также экстрасенс и ясновидящая. Баба Яга, к вашим услугам.

- Ну ничего себе! – только и смогла выдать я.

- Ну, кому-то же надо... А я в сказках самая старая, самая мудрая. Все ко мне за советом идут, со своей бедой, помочь просят. Вот и пришлось взять на себя.

- Тогда я вам тоже расскажу о своей проблеме, — решила я.

- Да знаю я все, — отмахнулась Баба Яга. – Муж – алкоголик, Зеленый Змий – бельмо в глазу, ты ему голову срубить хочешь.

- И вовсе не алкоголик, — отчаянно замотала головой я. – Просто выпить любит.

- Кого обманываешь-то? – вздохнула Баба Яга. – Если б просто любил, разве ты у меня оказалась бы? Так ведь здесь... Тебя это тревожит. Ты хочешь об этом поговорить. Я сразу осознала, что правда тревожит, и правда хочу.

- А скажи-ка, зачем ты за алкоголика замуж выходила?

- Да не был он таким тогда! Он хорошим был. Ухаживал так красиво. Цветы дарил и серенады пел. О семье мечтали вместе, о детишках, — вспомнила я.

- Тогда как ты его алкоголиком сделала? – неожиданно спросила Баба Яга.

- Я? – ахнула я. – Да вы что? Я сама-то почти не пью!

- Когда гости у вас собираются, у тебя алкоголь на столе есть? – спросила Баба Яга.

- Ну, конечно... Как же без этого? – забормотала я. – Какой же праздник без алкоголя?

- Воооот...- многозначительно протянула Баба Яга. – Муж тебе и показывает: без этого – никак. Полностью соответствует твоим представлениям!

- Ну нет! Вы меня не поняли! – запротестовала я. – По праздникам – можно, а он уже и в будни пьет. Мне это вот тревожит!

- Правильно, он себе и по будням праздники устраивает. Небось, устает на работе-то?

- Устает...- уныло сказала я.

- Жизнь у вас скучная? Как развлекаетесь-то?

- Ну, как... В гости ходим.Guests приглашаем, — начала перечислять я, с ужасом понимая, что не могу вспомнить ничего стоящего, кроме «в гости-гостей». – Да, еще на природу, бывает, выезжаем! На дачу. Банька у нас там...

- Ну, а после бани? – подмигнула мне Баба Яга, психотерапевт и ясновидящая.

- Пиво...- созналась я.

- Ну вот видишь, ты Зеленому Змию все условия создала. Чего ж ему с мужем-то не дружить? – безжалостно подвела итог старуха.

- Так что же нам теперь, с людьми не общаться? – запальчиво возразила я.

- Да зачем же... Найдите себе таких людей, которые с Зеленым Змием не в дружбе, — предложила Яга.

- Это где же такие водятся? – не унималась я.

- Водятся, водятся, — успокоила Баба Яга. – Только искать надо! А не сидеть на камушке, как наша Алёнушка.

Я вспомнила Алёнушку и притихла. Действительно, искать надо, а то так и будешь слезы рекой лить.

- На горных лыжах пьяным не поездишь, — размышляла бабка. – Кунг-фу тоже трезвость предполагает. Альпинисты чисты, как стеклышко. В храм помолиться тоже трезвыми ходят. Ну, я уж не говорю о медитирующих. Слышала о таких?

- Слышала, только никогда не пробовала, — ответила я.

- А ты пробуй, пробуй! Ты начнешь – глядишь, и муж к тебе подтянется! Ему же интересно станет, отчего это у тебя глазки горят и румянец на щеках.

- Да он ревновать станет, — предположила я.

- А хоть и поревнует немножко – какая в том беда? Глядишь, и задумается, что забросил тебя совсем, — не унималась бабка.

- Ой, вы столько мне насоветовали. Спасибо! – спохватилась я. – Только я ведь не за тем пришла. Мне меч-кладенец нужен. Я хочу Зеленого Змия найти и голову ему срубить. Вы мне помогите, пожалуйста!

- Ох, и дуры вы, девки, — сокрушенно покачала головой Баба Яга. – Учишь вас, учишь, а вы все на рожон лезете. Не понимаете того, что войной ничего не добьешься. Ну да ладно, хочешь так хочешь. Меч-кладенец у меня в кладовке складен, сейчас достану.

И через минутку я уже держала в руках старый, ржавый и зазубренный меч.

- Ну, коли чаю больше не хочешь, иди! – сухо сказала Баба Яга.

- А где мне Змия-то найти? – задала последний вопрос я.

- А чего тебе его искать? Он завсегда у тебя за спиной обитает. Сама прикормила!

И Баба Яга, психолог и экстрасенс, захлопнула дверь, а избушка тут же демонстративно повернулась ко мне задом.

Я обернулась – и увидела, что за моей спиной действительно находится Зеленый Змий собственной персоной. Свернулся кольцами, голову сверху пристроил, смотрит на меня и ухмыляется, гад ползучий.

- Ну-с, голову рубить пришла? – иронично спросил он, поигрывая черным раздвоенным языком.
- Да! – гордо сказала я, пытаюсь оторвать от земли тяжеленный меч.
- А не получится, — злорадно сказал он и тихонько захихикал.
- Это почему же? – обиделась я.
- Оружие у тебя не активированное, — скучающе пояснил Змий.
- А чем его активируют? – воинственно спросила я.
- Чистым намерением, твердым решением и растождествлением, — непонятно сказал Змий. Похоже, он меня совсем не боялся и даже забавлялся.
- Я убью тебя! Отпусти немедленно моего мужа, – патетически вскричала я, дергая меч.
- Да кому он нужен? – удивился Змий. – Пусть идет. Да только не пойдет он. Ему и здесь неплохо. Спиртного – море, компания – завсегда имеется, и не без женского полу, между прочим...

Он явно издевался. Я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами от собственного бессилия.

- Плачь-плачь, — радостно сказал Змий, — преогромное за это мерси! Я, между прочим, вашими слезами питаюсь, обидами закусываю, а на десерт – разборки с нотациями.
- Как это? – не поняла я.
- А вот так! – заржал Змий. – Вы все думаете, что я к вам сам приполз? Нееет, дорогие мои! Я только туда приползаю, где лазейки есть.
- Какие еще лазейки? – продолжала допытываться я.
- А вот такие! Скука – главная моя лазейка. Сварливость женская – лазейка! Бигуди на голове, да при муже – лазейка! Слабость мужская – лазейка! Иллюзии женские – прямо столбовая дорога!
- Так что ж, тебя и победить нельзя? – не могла поверить я.
- Да отчего же. Можно! Я ж тебе уже говорил – мечом, то есть чистым намерением, твердым решением и растождествлением. А ты и слушать не хочешь.
- Я ничего в этом не понимаю, — пожаловалась я.
- Ну и дура, — равнодушно сказал Змий. – Тут все проще простого, ежу лесному и то понятно. Чистое намерение – это то, что ты хочешь жить в пространстве, где нет алкоголя. Твердое решение – значит, до конца пойдешь, не остановишься, не струсить. А растождествление – это значит, что ты и твой муж – разные люди. И ты не обязана жить его жизнью, а он – твоей.
- Но мы же семья! – возмутилась я. – У нас общая жизнь!
- Тогда и ты спивайся, — радушно пригласил Змий. – Я новым друзьям, а особенно подругам, завсегда рад!
- Нет, не буду я с тобой дружить. Объясняй дальше! – потребовала я.
- Ты, вместо того, чтобы мужевыми проблемами наполняться, отдай их ему, и пусть он сам их решает, как мужик. А сама наполняй свою жизнь чем-нибудь своим. Учиться, что ли, походи, или в бассейн запишись. В общем, стань самодостаточной, — назидательно сказал Змий. «Где он таких умных слов-то нахватался?», — подумала я.
- И еще: прекрати меня кормить! – сердито сказал Змий. – Все эти слезы-мимозы, жалость к себе, разговоры про мужей с кумушками, обиды-обвинения – в помойную яму, забыть и не вспоминать! Поняла?
- Слушай, а что это ты такой добрый? – подозрительно спросила я. – Сам меня учишь, как тебя уничтожить. С чего бы вдруг?
- А ты думаешь, хорошо жить, когда все кругом тебя проклинаят? – погрустнел Змий. – Я бы давно эту чертову сказку бросил. Стал бы, например, Воздушным Змеем... Или Великим Мудрым Удавом... А тут эти алкоголики, да их жены еще... Ведь все хотят, чтобы алкоголик со мной дружить перестал, а сами меняются вот нисколько не хотят! Отними у такой жены ее алкоголика – так она себе другого найдет, еще алкоголистее.
- Я хочу меняться, — сказала я. – И вот увидишь: я изменюсь. Я наполню свою жизнь и стану интересной. И мужу будет со мной интересно! Интереснее, чем с тобой. И я не буду кормить тебя слезами! Я буду придумывать это...как его... чистое намерение, вот! И я активирую эту чертову железяку! – я с ненавистью пнула ржавый меч.

- Да не кипятись ты так, — примирительно сказал Змий. — Ты, главное, начни. А потом дай время — и себе, и мужу. А там, глядишь, и активировать ничего не понадобится...

- Ладно, — решила я. — Пойду. Спасибо за науку! Не такой уж ты и страшный, Зеленый Змий.

- Я не страшный, я могучий, — грустно ухмыльнулся он. — Иди уже, воительница. Пора! «Пора! Ну пора же! Мама, ну пора!», — услышала я. И, успев подумать, почему это Змий вдруг признал во мне маму, открыла глаза. Меня теребил мой проснувшийся детеныш, и в комнату уже заглядывало ясное солнечное утро.

- Мама, пора вставать! Я писать хочу! — важно сказал он. — А потом сказку.

- Насчет сказки — это ты здорово придумал, — похвалила я. — Сегодня мы начнем писать самую волшебную сказку в нашей жизни. Ты участвуешь?

- Да! — радостно согласился малыш. — Я самый лучший сказочник в мире.

Я уже знала, какую сказку хочу сочинить. И еще знала, что вместе с моим «лучшим сказочником» мы точно победим!

Автор: Эльфика

СНЫ КОРОЛЕВЫ

Королева, закрыв глаза, расположилась в кресле-качалке и делала вид, что задремала. Это была маленькая королевская хитрость: можно было расслабиться, отрешиться от государственных забот и не держать лицо. В самом деле: кто осудит спящего за неуместную улыбку или одинокую слезинку? Все сразу поймут, что человеку просто снится сон. Королева это знала — и пользовалась. А заодно она прислушивалась к разговорам, которые шли слева и справа от нее.

Справа, на зеленом газоне, негромко переговаривались две служанки, занятые плетением венков. Слева, в беседке, щебетали две принцессы — ее собственная дочь Эльза и дочь сопредельного монарха, принцесса Адель, приехавшая заранее, за несколько дней до грядущего бала. И слева, и справа шли весьма интересные беседы.

- Ах, как бы было здорово, если бы сказки могли сбываться! — мечтательно говорила служанка по имени Лия. — Представляешь, Мэричка, вдруг появилась бы Добрая Фея, взмахнула своей Волшебной Палочкой, и мы бы с тобой оказались на балу — обе в атласных платьях, с бриллиантовыми диадемами и в изящных туфельках! Хоть на часик, хоть на полчаса!

- О да, я бы танцевала без усталости, всю ночь! — с энтузиазмом подхватила служанка Мэри. — А потом всю жизнь бы вспоминала этот волшебный бал!

«Служанки всегда полагаются на чудеса и добрых фей, — подумала Королева. — Да, на кого угодно, только не на себя. И вот что странно: «побывать на балу» — о большем они даже не мечтают!».

- Я так жду своего Принца, — делилась принцесса Адель. — Он освободит меня от родительского надзора, и я наконец-то смогу свободно выбирать наряды, ездить на балы...

- ... и не учить уроки — фу! — сморщив носик, добавила принцесса Эльза.

«Принцессы почему-то всегда считают, что их обязательно должен кто-то освободить, — отметила Королева. — Ах, маленькие дурочки, знали бы они, как ошибаются! Ведь свобода не приходит извне, она должна быть внутри».

- Ты слышала, Лия, в соседнем государстве опять появился дракон, — сплетничала служанка Мэри. — Наверное, за их принцессой прилетел. Интересно, почему драконы так падки до принцесс? Вкусные, что ли?

- Хорошо, что их не интересуют служанки, — вполне резонно возразила Лия. — Нам-то с тобой ничего не грозит, и слава богу.

- Ты слышала, Эльза, в соседнем государстве опять появился дракон, — тем временем говорила принцесса Адель. — Теперь придется звать Героя, чтобы он его победил.

- Ах, эти мерзкие драконы! — передернула плечиками Адель. — И за что нам, принцессам, такая напасть?

Королева только улыбнулась уголками губ. «Надо будет сегодня вечером немного полетать на моем Арвиде, — подумала она. — Драконам вредно подолгу лежать в пещере без дела, им нужны простор, полет и свобода. Да и королевам тоже...». В отличие от Служанок и Принцесс, Королевы с драконами дружат.

Тем временем разговор пошел о любви.

- Если бы меня взял замуж Принц, уж я бы старалась! – мечтала Лия. – Я бы и чистоту во дворце блюла, и всякие вкусности ему готовила, я бы пылинки с него сдувала!

- Да уж, если замуж за Принца – так ноги мыть и воду пить, — согласно кивала служанка Мэри. – И ни в коем случае не перечить – муж всегда прав, и точка! А нам, если что, и смолчать можно...

- Главное – не давать мужу расслабляться, — авторитетно вещала принцесса Адель. – Капризы – наше оружие!

- К тому же нам, принцессам, так идут надутые губки! – сказала принцесса Эльза, украдкой любуясь в зеркальце своей неземной красотой.

- До мужчин надо милостиво снисходить, тогда они будут нас больше ценить, — продолжала Адель.

- Время от времени, и не очень часто, — подумав, добавила Эльза.

«Ах, глупые девчонки, — усмехнулась Королева. – И те, слева, и эти, справа. Когда придет Большая Любовь, вы не захотите ни пресмыкаться, ни снисходить. Тогда вам будет совсем не важно, кто главнее. Вы научитесь видеть и любить себя в другом и другого в себе. Но эта мудрость приходит только с опытом».

- Женщина должна быть сильной, тогда у нее есть шанс заполучить сильного мужчину, — рассуждали справа служанки.

- Женщина должна быть слабой, тогда у нее есть шанс заполучить сильного мужчину, — решили слева принцессы.

«Женщина должна быть счастливой и внутренне свободной. А больше она никому ничего не должна!», — резюмировала Королева.

Она приоткрыла глаза, посмотрела налево, бросила взгляд направо...

- Ваше величество! – проворно вскочили служанки, присев в глубоком реверансе.

- Мамочка проснулась! – обрадовалась принцесса Эльза.

Королева приветливо улыбнулась служанкам, и те зарделись. Королева, смеясь, помахала рукой принцессам, и они расцвели.

«Мне не трудно, а им приятно, — подумала Королева. – В конце концов, человеку так мало нужно для счастья! Чутьочку признания, чутьочку похвалы, чутьочку внимания...».

Пора было идти делать повседневные дела: готовить ужин, проверять уроки, стирать белье и все такое прочее, что обычно делают матери семейства. Главное – сохранить в себе ощущение Королевы. Пусть она носила настоящую корону только во сне, но разве в этом дело?

- Моя Королева...

Она обернулась и увидела спешащего к ней Короля, своего обожаемого супруга. Он смотрел на нее влюбленными глазами – точно так же, как много лет назад, когда они впервые встретились. И хоть они уже много времени жили вместе, ему не нужны были ни простодушные сговорчивые служанки, ни капризные юные принцессы... Ему была нужна она – Королева, и больше никто.

Со служанками легко, с принцессами сложно, с королевами – восхитительно. Ибо какой же мужчина откажется чувствовать себя Королем?

Автор: Эльфика

СТРАШНАЯ СКАЗОЧКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ.

Жили – были Иван да Марья. Ой! То другая сказка. А в нашей истории жили – были Анатолий и Галина. Был у них сынок. Взрослый уже и самостоятельный. Но всё не женился, чем сильно мамушку огорчал. Матери что важно? Чтоб у детей всё хорошо было. Семья, детки маленькие – внуки для мамушки и батюшки. И сын то – парень видный, статный, разумный и при деле. А вот в любви ему не везло. Не нашёл пока ещё свою половинку. Но и это не горе! А горюшко в семье было в другом. Очень любил глава семейства к бутылочке прикладываться. Столько вкусного: и пиво, и водочка, коньяк и шампанское, самогончик.... А ещё хозяин обладал крутым нравом, лужёной глоткой и жёстким характером. Ведь хозяин же, уважать должны! А как в семье уважение вызвать? Конечно, криками и оскорблениями. Чады и домочадцы

бояться должны. Да и со временем глава семейства добрые слова просто позабыл. Испарились хорошие слова из его лексикона. В общем, «настоящий» мужик.

Как-то раз, в выходные, глава семейства отдыхал. Развалившись в кресле кушал...кушал её родимую, беленькую. Ну и орал благим матом на жену, и сына смачными словами вспоминал. Галина и так, и сяк его пыталась утихомирить, но без толку. Вдруг такой гнев овладел женщиной, что закричала она: «Да пропади ты пропадом, гад такой. Пусть вся эта жизнь, проклятая к чертям, провалится!»

Нельзя словами в гневе разбрасываться. Воплощаются такие слова в жизнь. Полетел Анатолий в тар – тарары. А следом за ним и Галя.

Оглядываются супруги по сторонам. То ли закат, то ли восход багровый, песок под ногами. Тут прибежали ярко-зелёные, рогатые, хвостатые, маленькие и большие, с копытцами и куда-то потащили Галину и Анатолия. Перепугалась женщина: «Что же я натворила! Зачем слова в гневе произнесла?» Но слово не воробей, вылетит, не поймаешь. Но вдруг появилась женщина, красоты не земной.

- Стойте! – приказала она. – Не смейте Галину трогать. Ей с вами не по пути!

Обняла добрая женщина Галя за плечи и у той сразу такой покой на душе воцарился, такая благодать на неё сошла. Оказались женщины в прекрасном саду, где дивные птицы пели и цветы благоухали. Сели на резную скамеечку и долгий разговор завели о том, как такая жизнь с Галиной приключилась. Про то, что ответственность за семью делят супруги поровну. Что и когда Галочка проглядела в своём супружестве, где во время меры не приняла. В набат не била, не кричала, когда её муж пошёл по алкогольной стёжке – дорожке. Ведь в таком случае нельзя женщине быть покорной, идти на поводу у супруга. Нужно вместе с любовью и силу свою женскую показать. Не искать утешения в слезах. Не быть рабой мучений и страданий. Долго, долго разговаривали две женщины в удивительном саду. Многое поняла о себе Галина. О себе, об этом мире, о жизни.

А то самое время супруг Анатолий общался с зелёными. Видимо время такое пришло. А попей-ка её родимую и ты их повстречаешь. Черти, а это были именно они, очень обрадовались новенькому и уже по полной его обрабатывали. Анатолий не прочь был поговорить по душам с хорошими собеседниками. Только уж жарко было в этом месте. Что — то душило мужика, и дышать было тяжело.

- У нас тут хорошо. Курорт, можно сказать. Бухай да спи, спи да бухай. Не жизнь, а малина. Проблемы сами по себе рассасываются. Всё в розовом — багровом цвете. Красота! А чем дальше и больше пьёшь, то и другие цвета появляются. Ярко-зелёный, например. Не зря же в народе говорят: «Напились до зелёных чертей». Вот и мы, тут как тут. А предложения у нас заманчивые. Многие устоять не могут, — рассказывал старший из чертеняк, самый большой и матёрый.

- А что ты задыхаешься, так это нормально! – добавил второй, поменьше, ярко-зелёный с копытцами. – Издержки, так сказать. За всё платить надо, в том числе за водочное удовольствие. Ведь ты Род свой душишь собственными руками.

- Как это? – удивился Анатолий.

- Вот наивный! – захихикал первый зелёный. – Да словами гадкими, проклятьями, которые сыплются на головы сына и жены. Задыхаешься, а то! Труд, то какой. Род уничтожить – это же постараться надо, сколько сил приложить! Вот ты, мужик, от усердия, от трудов несправедливых и хыкаешь! Сынок то твой до сих пор жениться не может. Слова твои великую силу имеют.

- Но мы тебе, дорогой, всё компенсируем! – осклабился второй рогатый. – Глянь, сколько тут водки, пива. Реки текут. Вон озёра коньячные. Шикарный фонтан из шампанского с пузырьками. Только из этого колодца не пей. В нём слёзы несчастных жён, матерей и детей алкоголиков. Выпьешь, не то, что задыхаться будешь. Это мелочи. Такие колики начнутся, сам кровавыми слезами умоешься.

- Но вот умора, — радостно рассмеялся первый бес, — ведь наши, то постояльцы идут и ведрами пьют из этого колодца. Жажда с похмелья у них великая, а другой водицы у нас нет.

- Что-то я сомневаюсь, — почесал макушку Анатолий, — оставаться ли мне тут.

- Да не сомлевайся, друг сердешный, — замахал копытом самый маленький и зелёный. – Тут у тебя друзей — сотоварищей много будет. Компания весёлая. Вон тот с огромным пивным

пузом — это ж генерал настоящий. Бооооольшой человек. Привык подчинёнными командовать. Вот гордыня и прёт. Орёт, словно иерихонская труба!

- А вот тот, что в штанах мокрых валяется под забором, — добавил главный, — это бывший инженер. Создатель ему такую карьеру прописывал при рождении. Знаменитым конструктором должен был стать. Новый межзвёздный корабль изобрести. Семью ему крепкую запланировал: жена, детишек трое. Жена сбежала и единственную дочку забрала. Вот глупая. Слабые бабы нынче. Надо было просто к муженьку присоединиться и всё бы хорошо стало. Инженер то наши дары принял. Ведь выпил, и никаких хлопот, забот. Запашок ещё тот от них, конечно. Но, издержки....

- И под каждым под кустом был готов и стол, и дом, — захихикал маленький. — Так, кажется, в детском стишке говорится? Кстати о детях. Глянь в эту большую подзорную трубу, воон туда, на небо!

Анатолий глянул. Он увидел большую зелёную поляну в изумительных цветах, на которой резвились маленькие девочки и мальчики.

- Вон та, в голубом платице, беленькая в кудряшках могла родиться у тебя, — продолжил маленький. — Жена твоя так и не решилась ещё на одного ребёнка. Водки какой-то испугалась и твоего характера. Да и зачем тебе эти дети? Шум, гам, денежные траты. Маленькие дети не слушаются. А ты же ХОЗЯИН. Как рывкнул, так все по щелям и углам забились. А эта плакса испугается, и реветь будет. Покоя нет, одним словом. Вот Создатель и пошлёт эту мелкую другим людям. Дураков на свете много, которые с детьми сюсюкаются, в ласке растят. Тут Анатолию совсем поплохело. Жажда горло высушила. Удушье горло толстой верёвкой перехватило. Не удержался наш герой и попил водицы из колодца горьких слёз. Упал он на сухую пыльную землю, крутит его так, что волком завыл. Слёзы градом из глаз полились. А по-другому и быть не может, круговорот воды в природе. Отольются кошке мышкены слёзки. А вокруг всё завертелось. Черти зелёные хохочут. Генерал и инженер зовут опохмелиться, девочка с кудряшками горько плачет.

- Толя, очнись, — услышал издали чей-то взволнованный голос, - Анатолий, да очнись же ты!

Мужчина открыл глаза. Над ним склонились жена и сын.

- Слава Богу! Пришёл в себя, — вытерла пот со лба Галина. — Прилегла я отдохнуть и такое мне привиделось.... А тут Сашенька заехал нас навестить. Будим тебя, будим, а ты не просыпаешься. Пятнами красными пошёл. Думали уж всё. Саша скорую стал вызывать, тут ты и очнулся.

- Какую скорую! — рывкнул глава семейства. Но почему-то, почувствовав удушье, прикусил язык.

Так, в этой отдельной взятой семье началась новая жизнь. Непросто было с непривычки поменять уклад. У Анатолия, после того, как пить перестал, много времени и внутреннего пространства освободилось. Сначала тоскливо ему было и сложно в жизни. Хотелось багрово-розового тумана в голове. Но, как вспоминал про удушение Рода, про девочку в кудряшках, останавливался. А потом всё, как по маслу пошло. Хоромы обновил, загородный терем до ума довёл, чтобы всем семейством на отдых выезжать. С женой в кое-то веки в театр выбрались!!! Галина своего благоверного во всех начинаниях поддерживала, а о чёрных днях и не напоминала. А потом и вообще чудо чудное случилось. Сын женился на девушке, которая давно с ним рядом была, и долгожданная внучечка родилась — маленькая беленькая девочка с кудряшками. И гордый дед побежал покупать своей любимице голубое платишко. Вот оно счастье настоящее. Не сравнить с реками, озёрами и фонтанами алкоголя.

Автор: Елена Веретено

УБИТЬ ВЕДЬМУ

Ведьма жила у болота, в темном лесу, в непролазной чаще, и никто не знал ее имени. Ее ненавидели, ее боялись, про нее рассказывали страшные сказки, ею пугали ребятишек — и на кой кому-то было знать ее имя? Да она бы и сама не сказала. Натравила бы своих верных слуг (говорили, что ее охраняют ядовитые пауки и огнедышащий дракон), а потом съела бы. Или в жертву принесла. Кто ее знает, что она там творит с пленниками?

Никому бы до нее и дела не было (говорят, она там поселилась с незапамятных времен!), если бы она не отравляла всю округу ядовитыми туманами, насылающими на людей страх и безумие. А еще время от времени она требовала жертву, и обезумевшие от страха люди покорно ее приносили. Время от времени случались герои, которые шли в темный лес, чтобы уничтожить адскую тварь со всеми ее приспешниками и сжечь ее проклятое логово. Но ни один герой назад не вернулся. Да оно и понятно: дракону, надо думать, тоже надо чем-нибудь питаться.

А деревня наша Болотное кем-то проклята, не иначе. Потому что каждый хоть раз да хлебнул ядовитого тумана (он часто по утрам над землей стелется, от него куры не несутся и даже трава жухнет). А если уж сам в туман попал – после этого люди волком воют, на стенку лезут, или водку ведрами хлещут, чтобы забыть, что там видели, в тумане-то. Есть и те, кто руки на себя наложил, не вынес ужаса, стало быть. Вот батюшка мой раз пять собирался: то петельку прилаживал, то в колодец бросался, то еще чего... Спасали, откачивали, а только толку-то? Все равно он от своих кошмаров пил все больше и больше, словно ведьма его тоже в жертвы назначила. А ведь какой мужик был – добрый, мастеровитый, да и к нам, детишкам, ласковый. Эх...

И меня туман не миновал. Одиннадцать мне было, когда я в него попала. Видать, сознание у меня помутилось, потому что ничего не помню. Оцепенение на меня какое-то нашло, словно заклятье наложили. Помню только, что страху натерпелась невыносимого. Но вроде вышла из тумана – ничего, живая, и умишко сохранился. Хотя даром мне это не прошло: вскоре почувствовала я тоску смертную, приставучую и неизбывную, и жить мне совершенно расхотелось. Меня родители и по лекарям, и по бабкам водили, что только со мной не делали – мне только и хотелось, чтобы в покое оставили и помереть спокойно дали. Но, видать, судьба и Бог меня хранили – не померла я, все же выкарабкалась я, хоть и не сразу. Ничего, стала жить, мужа своего встретила, дом хороший поставили, ребеночка родили. И тут мне проклятье аукнулось. Стала я замечать, что поселилась во мне ненависть. Все, что я любила, к чему стремилась, что от жизни в подарок получила, вдруг сделалось немило. На родичей смотрю – раздражаюсь, на мужа – тошнит, на сына своего Кирюшу – вообще сатанею. Вот он, туман-то ядовитый, видать, все же отравил меня! И жизнь мне всю отравил. Ни радости, ни счастья, а впереди – полный мрак.

А тут того хлеще: словно стал мне кто-то нашептывать, что должна я своего ребеночка в жертву принести. Отдать его, стало быть, ведьме на заклятие. Я к мужу кинулась, помощи просить. А он не наш, не местный, он в наши сказки не верит. Только и сказал мне:

- Не выдумывай! Это ты сама такая злыдня, от природы, сама сынишку нашего гнобишь, и нечего на посторонних ведьм ответственность перекладывать. А только имей в виду: если что случится, я от тебя уйду, потому что мне жена нужна ласковая и любящая, а не такая... туманная.

Это уж последней каплей стало. Выскочила я на улицу и завопила: «Люди! Доколе же мы терпеть эту ведьму будем? Ведь мы все, почитай, родня, а ведь вымираем! Давайте думать, как нам жить, как от ведьмы избавиться, из этого туманного болота выбраться и начать жить по-человечески!».

Никто не ответил, все стояли, потупившись. Смотрю – глаза у одних пустые, отравленные, у других пьяные, ословелые, и у всех покорные... Нет, от них помощи не дождешься.

- Кто мы супротив ведьмы? Мы слабые, а она сильна... Одолеет она нас, не помилует.

- Так-то хоть вполсилы, да живем. А свяжись с ней – и погубит враз. У нее ж пауки, драконы...

- Мы уж смирились...

- Видать, судьба такая...

А я как топну ногой да заору на всю деревню:

- Нет, не судьба! Что вы все руки опустили и головы повесили? Вы как хотите, а я пойду в темный лес и разберусь с этой старой ведьмой! Я свою кровиночку, сына своего единственного, ей не отдам! Все сделаю, а ведьму прогоню!

- Доченька, милая, — заплакала матушка. — Убьет она тебя... Скольких уж убила, и тебе не миновать. Сиди уж дома, авось еще обойдется. Мы живем, и ты проживешь.

- Хватит, насиделась, — говорю. — Я скоро сама в ведьму превращусь. Так, как вы живете, я жить не хочу и не буду. Так что простите и прощайте, пошла я. Попытка – не пытка, а хуже, чем есть, все равно не будет.

Оделась я потеплее, подпоясалась, взяла еды кое-какой, острый нож да осиновый кол, на мужа и сына напоследок глянула, и рванула к болоту, за которым Ведьмин Лес виднелся. Бегу и думаю: «Пока окончательно не свихнулась, надо ведьму найти и порешить. А если сама полягу – не жалко, все лучше, чем своими руками ребенка в жертву приносить». А сама ведь даже не знаю, как я с ней сражаться буду. Я ж не герой, не богатырь какой, боевым искусствам не обучена. С кухонным ножом и осиновым поленом на дракона – это ж просто душой надо быть! Но пусть я и дура, все равно: все боятся и вымирают потихоньку, а я... я хотя бы попробовала.

Через болото я пролетела, ног не замочив. Я ж местная, за клюквой сюда каждый год хожу, все тропки знаю. А тут еще, видно, и Ангел-Хранитель мой подмогнул, не дал сбиться с пути. Вот уже и лес вырос – мрачный, страшный. Я в него влетела, даже не притормозила. Думаю, пока решимость есть, буду идти, а там как получится. Но я, как другие в нашей деревне, не смирюсь, нет. Зачем же мне Бог силы дал, уж явно не на растительное существование! И вдруг... Ох, глазам своим не поверила! Идет мне навстречу женщина – и не ведьма, и не местная. Может, волшебница какая? Это потому что вся она светилась и переливалась, и глаза у нее были добрые и светлые.

- Здравствуй, милая! Далеко ли до деревни? – обратилась она ко мне.

- Недалеко. Прямо-прямо, потом через болото, а там и деревня. А вы не боитесь тут ходить? Места нехорошие, опасные...

- Я не боюсь, у меня защита хорошая, мне никто вреда причинить не может, — улыбнулась она. – А что ж ты делаешь в таких опасных местах, да одна, без защитников?

- Иду на ведьму войной! – говорю. – Нет нам от нее жизни, совсем замучила. Дело моего сына касается, а я за своего ребенка кому хочешь глотку перегрызу. Вот у меня и подручное оружие имеется...

- Понятно, — говорит она. – Давай-ка присядем. Вижу, сильная ты и решительная, только безрассудная немножко. С таким оружием много не навоеешь... Хочу тебе помочь. Примешь помощь?

Я аж обомлела. Надо же, помочь предлагает! Говорю ей:

- Спасибо, конечно. Только мне в жизни никто не помогал. У нас каждый сам за себя, да и то не справляется. Ненавижу я своих сородичей за лень и апатию, за то, что ничего делать не хотят. Бессильные они какие-то, туманом ядовитым опоенные...

- Так за что же их ненавидеть? – удивилась она. – Выходит, силенок у них маловато, так ты их не ругай, а пожалей, посочувствуй. За что ж человека корить, если он болен, если в беду попал?

Провела она перед моими глазами рукой – и словно пелена у меня спала. Увидела я своих сородичей другими глазами. Они ж и правда мало что несчастные, так еще и обессиленные страхами своими, болотом нашим, безнадегой. Сколько пришедших героев полегло – и не счесть, и с каждым надежды все меньше оставалось. Только я такая... безрассудная.

- Да. Правду говорите. Я на них от безысходности злилась. Вроде ж взрослые люди, должны были нас, ребятишек, защитить, а ничего не сделали. Но сил у них и правда мало, зря я на них ругалась. Отравленные они все, ползают, как мухи сонные. Но они не виноваты, просто им судьба такая...

- А ты, я вижу, сильная, — говорит она.

- Вроде так. По крайней мере, руки складывать не намерена. Сын у меня. Кирюшенька... Его велено в жертву принести. А я не хочу! Хлебнула я ядовитого тумана и стала злой. Теперь сама его со света сживаю. Это все ведьма проклятушая! Если ее не будет, то и злые чары рассеются. Научите меня, что делать, а?

- Хорошо, будь по-твоему. Дам я тебе три вещи, на выбор: веревку с мылом, меч-кладенец и платок расписной. Но взять можешь только одну. Что выберешь?

Разложила она передо мной меч, веревку и платок. Я смотрю на них в полном оцепенении и соображаю: при чем тут все, кроме меча? А веревка с мылом... это ж вообще! Мне на это смотреть-то страшно.

- Это брать не буду, — говорю. – Мне и так веревок этих с лихвой хватило, у меня батюшка был к этим делам дюже склонен, все пытался из жизни дезертировать, нас всех на произвол судьбы бросить.

- Туман? – спрашивает она, да так ласково, с участием.

- Он самый, — отвечаю. — Нахлебался батюшка этого тумана неоднократно. А куда деваться — жить-то надо, вот и шел и в поле, и в лес, и на болото... В наших краях тумана не минуешь, все через него проходят, да не все справляются.

- А батюшка твой все же справился, — подсказывает она. — Тебя вот родил, вырастил, силу тебе передал, чтобы ты еще поднакопила да на благо направила. А что малодушие проявлял — так тебя ж туманом тоже накрывало, знаешь, как это бывает.

- Ну да, — киваю я. — Что знаю, то знаю...

И так мне жаль батюшку стало, что я чуть не заплакала. Он, бедный, всю жизнь пахал, чтобы нас прокормить, на ноги поставить. А какие страхи и ужасы он внутри себя носил — то одному ему ведомо. Не мудрено, что жить ему порой не хотелось. Но вот живет же!

- Вернусь — поблагодарю, — говорю я решительно. — Если вернусь, конечно...

- Вернешься-вернешься, — смеется она. — Ты уж мне поверь, у меня глаз волшебный, наметанный.

- Так если вы волшебница, так может вы ее, ведьму-то... того? — вдруг осенило меня.

- Это не могу, — говорит она. — Обет я дала — зла не причинять. Иначе вся моя сила волшебная в песок уйдет. Да и не мое это дело — со злыми силами сражаться, они же у каждого свои. Я только помогаю, если вижу, что человек хороший и действовать готов.

- Ну да ладно, — говорю, — сама справлюсь. Только веревку и мыло вы сразу уберите, это выход для слабых. Остались меч и платок... В руки взять можно?

- Да бери, пробуй.

Попыталась я меч взять — мама моя! Тяжеленный такой, что я его кое-как двумя руками приподняла. Интересно, сколько пользы в бою от оружия, которое тяжелее хозяина? Я им не то что махнуть — пошевелить не смогу. Нет, не нужна мне в бою такая обуза. Остается платок, но это и вовсе не оружие.

- А может, еще что-нибудь есть? — с надеждой спрашиваю я.

- Нет. Только вот это.

- Значит, платок, — решительно говорю я. — Не знаю, на кой он мне в битве, но если что, так хоть умру красивой.

- А ты идешь умереть или победить? — спрашивает волшебница.

- Конечно, победить. Иначе какой смысл? Так-то помереть и в деревне можно, не трогаясь с места. За победой я! Только вот оружие подкачало...

- А ты ищи оружие не вовне, а внутри, — советует она. — Главное твое оружие — Чистые Помыслы, Здравый Ум и Доброе Сердце. Это три твоих верных помощника, они тебе всегда верную подсказку дадут. И платок выбрать — это ведь они тебе подсказали... Ты подумай: если обычное оружие до сих пор ведьмы не сразило, так может, оно на нее просто не действует?

- Да уж это точно! Там народу погибло — видимо-невидимо. Тоже ведь победить ведьму хотели, а что вышло?

- А ты учти их печальный опыт. Кто с мечом придет — от меча и погибнет. Кто ненавистью исходит — в ней же и захлебнется. Кто зло пошлет — зло и усилит. Так уже не раз случалось. Наверное, стоит хоть тебе пойти другим путем. Ты подумай!

- Я подумаю, — пообещала я. — Доверюсь сердцу и разуму. А помыслы у меня понятные — я сына спасти хочу. Может, хоть он без тумана поживет, на ясном солнышке...

- Молодец, умница. Правильно мыслишь! Так что иди смело, все у тебя хорошо будет. А я своей дорогой отправлюсь, меня в другом месте ждут-не дождутся.

- Спасибо, волшебница, — поклонилась я ей в пояс. — Чувствую я, уверенности во мне больше стало. И доброты. И здравого смысла тоже.

И отправились мы, каждая в свою сторону. Она — из леса, я — в лес. Но теперь мне было уже не страшно и не темно, словно часть ее сияния со мной осталась и дорогу мне освещала. А платок расписной, на плечи накинутый, согревал будто.

... Обиталище ведьмы открылось неожиданно. Все как в сказках: изгородь из кольев с насаженными человеческими черепами, покосившаяся избушка, сова на трубе ухает уныло. Ворота не то что настежь открыты, а вообще прогнили и на одной петле висят. Зашла я внутрь и сразу в избу. А там...

Да, не вралі люди — страшнее старух я не видела. Вся темная, морщинистая, словно временем изъеденная, худая и костлявая. А глаза горят мрачным огнем, и в них ненависть

такая, что по спине холод. Кругом запустение, паутина, в них сухие пауки висят, мохнатые ноги свесили, а у печки полудохлый дракон едва ворочается.

- Ага, свежатинка явилась! – захохотала старуха. – Сейчас, милый, ужинать будем! Только вот сражусь, и сразу же.

Дракон оживился и приподнял голову.

«Мои помощники – Здравый Разум, Доброе Сердце и Чистые Помыслы», — вспомнила я. Страх советовал мне или напасть первой, или бежать без оглядки, но Здравый Разум подсказывал, что так уже сгинул безвестно не один герой, поэтому...

- А я не сражаться пришла, — нахально заявила я.

- А на кой тогда??? – удивилась старуха.

- Поговорить.

- Да ты сдурела, девка??? О чем нам с тобой разговаривать?

- О чем-о чем... О жизни!

- Да что ты можешь знать о жизни, глупое ты создание? Ты лучше о смерти думай. Скоро уже...

- Не буду я о смерти думать, — помотала головой я. – Молодая я еще, чтобы умирать. Это у вас тут все смертью пропитано, гнилью покрылось, того и гляди, рассыплется да растечется. Как ни странно, чем дальше, тем больше я успокаивалась. Теперь я смогла получше разглядеть горницу. Похоже, тут триста лет не убирались, все грязью заросло. А на столе сиротливо стояла одна-единственная щербатая миска и алюминиевая кружка. Старость и одиночество... не приведи господь!

- Небогато живете, — заметила я. – Видать, у богатырей с собой сокровищ особых не было?

- Богатыри эти! – фыркнула она. – Да они мне на один мах, дракону на один зуб...

- А чего она нам пищи не дает? – жалобно спросил дракон. – Кушать хотца...

- Сейчас покушаем, — зловеще пообещала старуха. – Сейчас я ее напугаю как следует, и подкормимся. Ничё, все нас боятся, все ненавидят, и она такая же...

«Они питаются страхом и ненавистью. И герои-богатыри им эту еду исправно предоставляют!», — подсказал мне Разум. И тут же Сердце екнуло: «Господи, да как же они живут??? Не мудрено, что оба такие истощенные. Только на собственной злобе и держатся... Одни тут, всеми ненавидимые, незнамо уж сколько лет». В сердце что-то шевельнулось. Может, сочувствие? «Доброе слово и кошке приятно», — шепнуло Сердце.

- Бабушка, а хотите, я в горнице уберусь? – вдруг неожиданно для себя выпалила я. – Грязно у вас тут и воняет ужасно...

- Все. Смерть твоя пришла!!! – взвыла старуха.

- Нет! – я отпрыгнула и инстинктивно прикрылась платком.

Старуха замерла и заморгала.

- Что это? Откуда он у тебя? – слабым голосом спросила она.

- Платок-то? А это подарок! – осенило меня. – Вам несла, преподнести хотела! А вы сразу «сражаться, сражаться»...

- Это ж мой платок, — простонала ведьма.

- Ну да, теперь ваш, — согласилась я, протягивая ей платок. – Носите на здоровье, бабушка. Красивый платок и теплый...

- Это мой платок, — повторила она. – Из прошлого. Я его в молодости носила. Еще до того, как ведьмой стала.

- Так вы... вы... вы не всегда ведьмой были? – я была поражена до глубины души.

- Ведьмами не рождаются. Ведьмами становятся. Знала бы ты мою жизнь, — безнадежно махнула рукой она.

- А вы расскажите, — осторожно попросила я.

- Не захочешь слушать. Забоишься.

- Нет, не боюсь! Рассказывайте!

Наверное, совсем ей тоскливо было в этой глухомани, в гордом одиночестве, потому что она помолчала и заговорила. Ох, что я от нее узнала! Нет, все я вам даже пересказывать не буду – правда страшно. Но вот самое главное, наверное, надо, с него ж все и началось...

...Жила-была молодая девушка, чистая и ясная, как родник. Полюбил ее добрый молодец, и от любви своей зачали они дитя. А родня ее была богатая, кичливая, и жениха ей прочила богатого и знатного. Добрый молодец был хоть и добрый, да бедный, и в планы их никак не

входил. А тут такой позор для семьи – у юной невесты брюхо на нос лезет, порченный она теперь товар, замуж ее хорошо не пристроить, все мечтания порушила!!! Поэтому дитя у нее отобрали сразу после рождения и изничтожили невинного младенца прямо на ее глазах. Девушка лишилась чувств и упала без памяти, а когда очнулась, чувства к ней так и не вернулись. Стала она бесчувственной, как бревно, все у нее внутри умерло и разум помутился. Только память живой осталась, да лучше бы не помнить... Выдали ее замуж за старого и нелюбимого, он ее и бил, и ругал всяко, все расшевелить хотел, да куда там! Молчала и мимо смотрела. Все своего милого ждала, когда он ее найдет и заберет. А потом узнала случайно, что пока она без памяти валялась, добра молодца в солдаты отдали да сразу на войне и убили. Ничего не осталось от ее любви – только память, не дали злые люди той любви расцвести и плоды принести. И тогда в ней словно запруда рухнула – ощутила она такую ненависть к тем, кто счастье ее порушил, что затопило ее с головой, и мысль была одна – чтобы им было так же плохо, как ей, чтобы зло содеянное к ним вернулось. Добыла она книги черные, выучила заклинания разные и сплела из них страшное проклятие. Наложила она проклятие это на всех, кто к делу был причастен, упала на колени и стала просить, чтобы проклятие это сбылось и всех поразило в сердце, в печень, в мозг и в душу. Такая сила была в ее словах, что услышаны они были Силами Тьмы, и получила она ответ: «Все сбудется по словам твоим, ведьма. Но тебе придется заплатить. Ценой станет вечная жизнь, вечное заточение и вечное одиночество».

- Триста лет назад это случилось, — закончила свой рассказ ведьма. — Три века в этом лесу живу, и нет у меня ничего, кроме моей ненависти, дракона по имени Гнев и пауков, которые в сети людишек заманивают. Ненавистью я питаюсь, а страхом запиваю. И слуги мои этим же живут.

- А туман – это что?

- Это слезы мои горючие, которые я так и не пролила, в себе копила. Стали они туманом ядовитым, в котором вся моя судьба клубится. Я с тех пор родню ненавижу, на детей смотреть не могу, а счастье семейное для меня острый нож в сердце. Не бывает его, счастья-то, не должно быть. Так я запомнила, так и живу.

Острый нож? А что, это идея... У каждого должен быть выбор, и у ведьмы тоже!

- Бабушка, а хотите, мы с вами в игру сыграем? — предложила я. — У меня три предмета есть. Не простые предметы – судьбоносные. Но выбрать вы можете только один.

Сказала – и быстренько выложила все свои «сокровища»: острый ножик, осиновый кол и расписной платок, что подарить хотела.

- Вот! Выбирайте. Нож, кол, платок. На что глаз упадет!

- Убивать меня шла? — усмехнулась старуха, зыркнув искоса.

- Ага, не буду скрывать, была такая мысль, — подтвердила я. — Но теперь что-то не хочется. Думаю, мы и по-хорошему можем все решить. Нет у меня к вам зла, понимаете?

- А что есть?

- Понимание есть. Страдали вы много, причем незаслуженно. Родичи вас, можно сказать, и предали, и продали: любимого у вас отобрали и кровиночку вашу, продолжение ваше уничтожили, за старого хрыча замуж выдали. Убили они любовь, причем даже дважды. Понимаю я, почему вы тогда умом повредились да душой очерствели и весь мир ненавидеть стали. Но только кому вы хуже всего сделали? Похоже, себе. Другие-то худо-бедно, да живут, свадьбы играют, детей рожают, праздники устраивают, дома строят. А вы – тут, одна-одинешенька, с драконом-гневом, в этом диком месте, в пустом доме, замужем за горем, да еще и бессмертная. Как тут не посочувствовать?

У меня аж слезы навернулись, до того мне жалко эту несчастную бабку стало. Да, это точно: ведьмами не рождаются, ведьмами становятся... Она на меня смотрела, как на ненормальную, а потом говорит:

- Хотела бы я, как ты, заплакать, да не плачется. Все мои слезы в душе заперты, разъели они душу-то, как кислота. Нет у меня больше души. Мертвая я давно, хоть и кажется, что живу.

- Бабушка, милая, я могу вам как-то помочь? Хоть что-то для вас сделать?

- Подкормить злобой да страхом, только в тебе нет этого. А так – ну что ты можешь?

- Я много что могу, — заверила я. — Помыть, постирать, приготовить... Накормить едой нормальной, человеческой – у меня в котомке есть. Да и просто – поговорить, послушать. В игры вот поиграть!

- Да что с тебя толку... Девчонка еще, только в игры тебе и играть. А из даров твоих выбирать мне долго не придется. Острый нож да осиновый кол мне без надобности, да и тебе тоже – меня этим не проймешь, ерунда это. Возьму платок. Он мне память вернул о том хорошем и светлом, что все-таки в жизни когда-то, да было. Накину на плечи, пусть будет...

- И правильно, — кивнула я. Сердце у меня сжалось почему-то, словно от грусти. – Хороший выбор, носите на здоровье...

- Если б ты меня убить могла... освободить... тогда да. Свободы я хочу, свободы! Улететь на небо легким облачком, пролить наконец слезы мои невыплаканные весенним дождем. Устала я в этом теле, оно мне как темница. Но это тебе не под силу. Не ты цену назначала, не тебе и долги закрывать.

- А я все-таки попробую, — упрямо сказала я. – Послушайте меня, бабушка. Вот вы столько лет ведьмой были, все вас боялись и ненавидели. Но это потому что и вы после вашей трагедии всех боялись и ненавидели. Получается, чем больше вы – тем больше вас, и наоборот. И я тоже вас боялась и ненавидела! Но кто-то же должен разорвать этот порочный круг? Так пусть это буду я, возьму на себя такую ответственность! Вы имели право, у вас особая ситуация. Но пожалуйста, пожалуйста, пусть мой малыш живет! Не забирайте его, а?

- Да на кой он мне? – отмахнулась старуха. – Вы сами готовы все, что угодно, в жертву принести, по своему невежеству да от страха. Не нужен мне твой детеныш.

- Да в том-то и дело, что я сама его убиваю своей не-любовью! Я вашего тумана надышалась и теперь тоже становлюсь злой и ненавидящей! – воскликнула я. – Снимите с меня заклятие, я вас очень прошу!

- Убей меня – тогда сниму, — попросила старуха. – Пожалуйста, убей, выпусти, очень надо! Ты что думаешь, туман – это просто так? Да это мой крик о помощи! Чтобы хоть кто-то помог мне снова вольной душой стать. Там, в тумане, я вам всю свою страшную жизнь показывала. Умоляла, можно сказать, о спасении! А все только пугались да шарахались... А богатыри эти – дураки! Явятся, мечами машут, праведным гневом пылают, а сами внутри боятся до одури... Ну, мы их сожрем в один присест, высосем всю их силушку – и до следующего героя. А тут ты явилась. И что теперь с тобой делать?

Ну и что я ей могла сказать? Я уже совсем запуталась и, честно говоря, испытывала к старухе вовсе не те чувства, которые поначалу были. Она мне почти родная стала, почему-то так... Ну как я могла ее убить? Да и никто не мог бы, хоть и по другим причинам.

- Знаете что? – вдруг встрепенулась я. – Мне тут сердце подсказывает, что вас вовсе не убивать надо, а душу вашу освободить. Так?

- Так, — закивала она.

- А это можно сделать и другими способами!

- Это какими же?

- Вот, например, про хорошую песню говорят, что «душа сначала развернулась, а потом свернулась». Давайте споем?

- Ты что, с дуба рухнула? Я за триста лет все песни позабыла, да и голос у меня того... не песенный.

- Тогда я вам сама спою! – я подскочила к старухе, накинула ей на плечи платок и закутала ее. – Вот так. Садитесь. Слушайте!

И я запела первое, что на ум пришло:
В этот темный неласковый вечер,
Когда синяя мгла вдоль дорог,
Ты накинь, дорогая, на плечи
Оренбургский пуховый платок...

Я старательно выводила мелодию, что-то даже расчувствовалась, глаза затуманились, заволокло их слезами, так что не видела, как там бабка реагирует – сворачивается у нее душа или что там еще... Но когда я закончила песню, утерла слезы и глянула – обомлела. Валялся на полу платок, а бабки в нем не было. Испарилась, растворилась, растаяла. Дракон и пауки рассыпались в прах. Да и избушка угрожающе затрещала, заваливаясь на бок. Я опрометью кинулась спасаться, прихватив платок, и едва успела. На месте избушки теперь лежала груда полуистлевших бревнышек вперемежку с печными кирпичами, только труба из кучи торчала печально, как памятник. А на верхушках суровых сосен маячило невнятное облачко. Из облачка упала капля, прямо мне на лицо, и покатилась, как слеза.

- Бабушка! Ты все-таки освободилась... — прошептала я. — Слава Богу! Слава, слава Богу! Ведьмы больше не было. Я совершила свой героический подвиг, причем без единой капли крови. На душе было хорошо и светло, как будто там только что прошел дождик. Я повязала платок и зашагала назад, к деревне.

Вот и лес кончился, и болото миновала. Вхожу в деревню — а там полный ажиотаж: народ столбенеет, рты поразевали, смотрят, как на привидение. Дома уже, наверное, поминки наладили, у них разве ж может быть повод не выпить? Только меня это сейчас ни капельки не раздражало. Я ощущала себя большой и сильной, голова была спокойной и ясной, а в сердце было сострадание ко всем, кто погиб и ко всем, кто не смог, и кто жил, страдал и все равно выжил. Может, сострадание — это и есть любовь?

И когда от дома ко мне кинулся мой сынишка, и я раскинула руки ему навстречу.

- Мама, все говорили, что ты не вернешься, только я не верил! А другие говорили, что ты сама превратишься в ведьму, а я все равно не верил! Я знал, что ты меня никогда не бросишь! А ты ее убила, да? Эта тварь больше не будет напускать на нас туман?

- Нет, малыш. Я ее не убила. Кажется, я ее полюбила. (Да неужели я научилась любить???). Но ведьма больше никогда не сможет никому навредить. И никакая она не тварь. Она была просто очень старая, несчастная больная женщина с трудной судьбой. Она улетела навсегда. Я ее освободила.

И я от души обняла своего ребенка. Заклятия больше не было, я чувствовала к нему любовь и нежность. Похоже, вместе с ведьмой я освободила себя...

«Это так», — шепнул мне Разум. «Это так», — согласилось Сердце. «Это так», — засмеялась я.

Автор: Эльфика

Усыпляющая сказка

*И вновь речь пойдет о бессоннице. Бывают моменты в жизни, когда уснуть является желанием, достойным олимпийской медали. **Врач**один, другой, а **бессонница** никуда не уходит. Конечно, можно глушить себя «сонными» таблетками, которые прописал **врач**, но кто пробовал — знает, что наутро все равно не чувствуешь себя отдохнувшим: голова ватная, настроение апатичное, тело вялое. А **бессонница** все равно незримо где-то рядом.*

*Любой **врач** скажет, что очень важно для нашего организма восполнять энергии, а происходит это за счет дыхания, питания и сна. Есть еще один способ — медитация, но им владеют не все. А вот сон — отличный способ восстановить силы! И не да Бог, если заснуть не выходит. Ведь недаром одна из самых страшных пыток — пытка бессонницей...*

Бессонница возникает из-за множества причин, а вот пути выхода — В ЭТОЙ СКАЗКЕ.

не спала — бессонницей мучилась. Вертелась с боку на бок, вздыхала, подушку подтыкала... Считала овец, повторяла таблицу умножения — ничего не помогало.

— Каждую ночь одно и то же! — обреченно подумала Горбунова. — Господи, ну нельзя же постоянно принимать снотворные! Тем более, что в последнее время и таблетки не помогают... Так, что бы еще применить для скорейшего засыпания?

Она вроде бы начала погружаться в легкую дрему, но тут где-то неподалеку явственно протрубил горн, и пронзительный голос скомандовал:

— Отряд, паааадъём!!!!

Горбунова подскочила, как ужаленная и открыла глаза. Тут же они чуть не выскочили из орбит, потому что Горбунова обнаружила себя вовсе не в уютной домашней постели, а в длиннющей казарме, и койки в два яруса уходят в бесконечность...

— Мама! — пискнула Горбунова, щипая себя за руку. Оказалось неожиданно больно.

— На зарядку, на зарядку, на зарядку, на зарядку — становись! — пропел звонкий голос, и Горбунова вспомнила пионерский лагерь, в котором частенько бывала в счастливом

социалистическом детстве. Ох, какой же сладкий тогда был сон, и как не хотелось вскакивать, чтобы бежать на зарядку...

— А вам, дамочка, особое приглашение надо? — вывел ее из воспоминаний грозный голос.

Она глянула на его обладателя — и обомлела: над ней возвышался бравый дядька в военной форме, но почему-то с красным пионерским галстуком и атласной пилоткой на коротко стриженной голове. На конце пилотки болталась на витом шнурке смешная желтая кисточка, что очень не вязалось с насупленными бровями и буденовскими усищами.

— Отвернитесь! — вскрикнула Горбунова, вспомнив, что на ней ничего, кроме пижамы. — Как вы смее! Я не одета!

— На одевание было отведено 45 секунд, — проинформировал усатый. — Кто не успел, тот опоздал! И запомните: здесь вам не тут!!! Быстро на построение!

И он, невежливо схватив Горбунову за плечи, придал ей требуемый вектор движения. Она не успела даже сообразить, как реагировать, потому что уже оказалась на плацу, где строились такие же бедолаги. Что это товарищи по несчастью, она определила сразу — видок у них был еще похуже, чем у нее. Встрепанные, заспанные, растерянные мужчины и женщины, кто в ночнушке, кто в семейных трусах по колено, кто, как и она, в пижаме, какая-то фигура даже в простыне, и мало кто был одет по форме, то есть в нормальную верхнюю одежду.

— Строй-ся! — скомандовал все тот же усатый. — Спиной друг к другу в шахматном порядке по диагонали — становись!

Произошла неразбериха и сумятица, народ бестолково суетился, и усатый взревел:

— А-атставить! В шеренгу по одному... Справа налево... На первый-второй рассчитайся!

— Первый! — звонко выкрикнул правофланговый.

— Второй!

Вскоре строй принял более-менее подобающий вид.

— Животы подтянуть! Слушать сюда! — приказал тот, что в пилотке. — Значит так, товарищи курсанты! Я теперь — ваш пионервожатый-старшина, и я вас научу любить и ненавидеть!

— Что-что? — пискнула какая-то старушка в махровом халате. — Я не расслышала — пионервожатый или старшина?

— Повторяю для специально обученных, а также для салаг, — терпеливо повторил тип в форме. — Вы тут все на сборах в спецлагере, где будете проходить курс молодого бойца.

— Какого такого бойца? — нервно спросил тощий тип с темными кругами под глазами.

— Сколько ночей борешься с бессонницей? — ткнул в него пальцем старшина.

— Шестая пошла, — понурился тощий.

— Так вот: биться будем с бессонницей. До полной победы! А сейчас равняйся! Смирна-а! Слушай вводную и наматывай на ус или губу, в зависимости у кого что имеется в наличии. Значит, так! Вы тут все страдаете хронической бессонницей. А по мне, так дурью маетесь! Потому как сон — нормальное состояние здорового человека. Кто был в армии или в пионерском лагере, те помнят — никакой бессонницы там не водится! После отбоя все спят, как сурки в баобабе! И моя задача — вернуть вас в это естественное состояние! Так что я для вас на период курса — и мама, и папа, и вожатый, и старшина. В нашем военно-пионерском спецлагере вас приведут к общему знаменателю! Так что, товарищи курсанты, крепите свою морально-политическую готовность к предстоящему лагерному сроку!

— Но мне на работу! — не унимался тощий.

— Ты уже доработался до полного нервного истощения. Ну, ничего, скоро ты будешь как штык-молодец — каждую минутку здорового сна ценить на вес золота. А насчет работы, товарищи бойцы, прошу не беспокоиться! Работы вам будет сколько угодно! Видите у забора метлы и грабли? Разобрали быстренько и начали уборку территории!

— Какой территории? — робко уточнил кто-то.

— Вверенной! — рявкнул старшина. — Отсюда и дотуда! В смысле от забора и до обеда!

— А завтрак? — выкрикнул обеспокоенный голос из конца шеренги.

— А завтрак надо еще заработать, — радушно сообщил старшина. — Армия — это борьба; до обеда — с голодом, после обеда — со сном. Жестоко зарубите это себе на носу! Невесть откуда старшина извлек баян и, усевшись на стул, заиграл детскую песенку «Вместе весело шагать по просторам!». Народ стал опасливо разбирать хозинвентарь.

Горбунова хотела только одного — поскорее проснуться. Потому что тот бред, который ей снился, ей совершенно не нравился! Тут она нечаянно посадила занозу и вскрикнула — было больно. Даже кровь показалась. «Неужели во сне может быть так больно?», — подумала Горбунова, посасывая травмированный палец.

- Почему остановили трудовые будни? — осведомился над самым ухом старшина. — Что вы как кобра гремучая — клюв раскрыли и спите?

- Я не кобра! И я не сплю! — обиженно ответила Горбунова. — Я, между прочим, производственную травму получила!

- Юный пионер — всем ребятам пример, — укоризненно сказал старшина, мгновенно преображаясь в заботливого пионервожатого и вытянув из кармана йод и пластырь. — Имейте в виду: если вы начнете портить рабочий инвентарь в виде рук и ног, то это вам чревато боком. Как же вы будете сдавать нормы ГТО?

- Чего сдавать??? — вытаращила глаза Горбунова.

- Беганье, плавание, лазанье, метание в цель и на скорость. Нормативы «Готов к труду и обороне». Но это после. А пока... Юные пионеры! Сложить оружие — тьфу! то есть инвентарь! — в пирамиды! На заааавтрак — стррройся! Шаааагом марш! Песню...запе...вай!

- Вместе весело шагать по просторам, по просторам, по просторам... — дрожащим тенором завел старичок с козлиной бородкой. Остальные нестройно подхватили.

Завтрак был обильный и сытный. Пионервожатый старшина бдительно следил, чтобы съедали все, подчистую. Горбунова действительно вдруг почувствовала зверский аппетит и с удовольствием умяла все, что полагалось — салат, вкусную молочную кашу, огромный бутерброд с колбасой, какао и яблоко.

После завтрака старшина объявил политзанятия. Всех усадил за парты, выдал тетрадки и велел конспектировать.

- Сон — это единственное занятие, к которому солдат относится добросовестно, — мерно расхаживая по классу, вещал старшина. — Земля вращается вокруг своей оси — это позволяет нам измерять время суток. По команде «отбой» наступает темное время суток. Успевайте записывать? Дневальный должен стоять на тумбочке и подавать сигналы точного времени. В армии встают в 6 утра, независимо от времени суток.

— А если я привык вставать в 8? Если я не высыпаюсь? — выкрикнул лохматый мужчина.

— Поясняю. Это вы дома не высыпались. Но это исключительно потому, что вы путаете сон с бодрствованием и наоборот.

— А как должно быть? — высунулась Горбунова.

— Я не знаю как должно быть, но вы делаете неправильно. Я вам распишу весь режим текущего времени как по нотам. Ваша хроническая бессонница разобьется об меня, как о каменную глыбу. На этом наши занятия окончены, все на обед, а потом — на спортплощадку.

Обед, как ни странно, по объему был почти таким же, как завтрак. Только вместо каши — суп, вместо какао — компот, а вместо яблока — банан, и вновь салат из свежих овощей. Все легкое, свежее, вкусное.

— А что на второе? — рискнул спросить кто-то.

— А второе будет после обеда, — бодро объявил вожатый. — После сытного обеда по закону Архимеда, чтобы формы удержаться, полагается?...

— Поспать? — предположили сразу несколько голосов.

— А вот и не угадали! Полагается бежать! — с удовольствием объявил вожатый. — Кросс, ребятки, кросс! А потом — сдача норм ГТО. Стрройся!

— Я не буду бегать! — неожиданно для себя взбунтовалась Горбунова. — После обеда полагается сончас! Я помню!

— Сончас надо еще заработать, — ласково укорил ее вожатый-старшина. — А если вам не нравятся наши сборы, мы вам устроим более другие. Вы у меня смотрите, я когда нормальный, а когда и беспощадный. Алле... гоп! Для штатских напоминаю: команда «алле» выполняется бегом.

И Горбунова, тихо увянув, обреченно потрусила следом за остальными из столовой. Как сдавали нормы ГТО, она запомнила плохо. «Да что же за сон такой дурацкий? – горько думала она. – И почему я никак не могу проснуться? О господи, когда все это кончится?!». Но сон никак не кончался, и Горбунова, чертыхаясь про себя, наравне со всеми бегала, прыгала, метала и отжималась. Вожатый-старшина, по всему, дело свое знал туго, и отлынить не удалось никому. Наконец, он сжалился и велел строиться на поверку.

— Втянуть животы! Выпятить груди! Подобрать ягодичы! – угрожающе шевеля усами, шел вдоль строя старшина. – Не отряд, а похоронная команда! Тонус вялый, мышца дряблая, взгляд снулый, как у мороженого судака. Нормы едва на троечку с минусом натянули, за редким исключением, которое выступило на двоечку с плюсом. Но я вас подтяну и закреплю, чтобы вы были похожи на строевых пионеров, а не на стадо беременных пингвинов! Вот вы! — ткнул он пальцем в Горбунову. — Как вы себя чувствуете?

— Я себя чувствую, но плохо, — простонала Горбунова, которая последний раз бегала и прыгала еще в институте, то есть ооочень давно. — У меня все мышцы болят! Вы изверг и садист, и вы за это ответите!

— Ничего-ничего, тяжело в ученье, легко в бою! – благодушно ухмыльнулся старшина. — Тем более что в бою с бессонницей вы до сих пор терпели поражение, но я из вас сделаю бойцов-молодцов, пионеров-ленинцев!

Горбунова мечтала только об одном – рухнуть в постель и дать отдых натруженному телу. Ради этого она была готова стать и бойцом-молодцом, и даже пионером-ленинцем. Но планы старшины были другие и явно не совпадали с ее тайными намерениями. Он погнал всех на водные процедуры, причем время от времени душ самостоятельно переставал подавать горячую воду и плевался холодной, отчего то тут, то там раздавался визг и смех, как будто и впрямь они были дети в пионерском лагере. И Горбунова вдруг с удивлением поняла, что ей даже нравится вот так вот беззаботно плескаться под душем, не зная, что ждет ее дальше. Гадать было бесполезно – в этом безумном сне все шло как попало, но в целом даже весело!

Дальше был ужин, на который подали только овощное рагу, кефир и минералку.

— Безобразие! Это что, еда? – фальцетом закричал нервный мужчина. — Я не наелся! У меня гастрит! Я должен правильно питаться!

— Слушай сюда и запоминай, — поманил его пальцем старшина. — Правильное питание производится по следующей формуле: завтрак съешь сам, обед раздели с другом, ужин отдай врагу. Пусть враг, чтоб он был здоров, тратит силы на ночное переваривание! А мы дадим желудку отдых, чтобы он тоже мог как следует выспаться. Ясно?

— А я так не считаю, — заупрямился голодный мужчина. — Вот и врачи высказывают мнение, что...

— Цыц! – беззлобно прикрикнул на него старшина. — По этому вопросу существует два мнения – одно неправильное, а другое мое. С неправильным вы жили до сих пор. А мое усваивайте по ходу сборов, и не тяните резину в долгий ящик. Задача ясна?

— Ясна, — тяжело вздохнул нервный. — Можно я тогда сразу спать лягу? Пока снова не проголодался?

— И я! И я! – раздалось робкие голоса с разных сторон.

— Никакого отбоя — в постель только через меня! — сообщил старшина своему сомнительно отужинавшему отряду. — У нас еще культурная программа не охвачена. Так что сейчас все на танцплощадку!

— Куда??? – ужаснулась Горбунова, но благо разумно решила не возникать.

На танцплощадке она вдруг опять развеселилась. В самом деле! Уж если выпала такая возможность – не морочиться завтрашним днем, не думать о работе и о домашних делах, не варить борщ на завтра и не щелкать пультом телевизора, выискивая хоть что-то приличное, так хоть удовольствие получить! И она зажигала от всей души! Резвилась, отплясывала, участвовала в конкурсах... В общем, вспомнила молодость. Нервный трижды приглашал ее танцевать и оказался в целом вполне приятным мужчиной, культурным и начитанным. Горбунова от такого внимания даже покраснелась и от души хохотала его шуткам. Так что когда музыка перестала играть, ей даже жалко было.

Уже в казарме всем дали выпить по стаканчику какого-то травяного чая, в котором явственно слышались и мелисса, и душица, и мята, и мед, и еще что-то. Чай был вкусный и

как-то... успокаивал, что ли? От него впечатления дня мигом улеглись, а по организму разлилось приятное тепло.

... Когда старшина-вожатый наконец-то протрубил на горне «отбой», Горбунова ощутила такую любовь и нежность к суровой казенной койке, что сама удивилась. Душа просила отдыха. И сна. Сна!!! Бессонницы даже на горизонте не наблюдалось. Но программа сегодняшнего дня еще не была исчерпана. Вожатый уселся с баяном посреди казармы (или это все-таки была палата пионерлагеря?), тихонько заиграл что-то задушевное, дождался, когда все улягутся, и заговорил:

— Ну вот и вечер... Можно глубоко вздохнуть... Как это приятно — после такого разнообразного дня вытянуться на коечке, расслабить руки и ноги, распрямить спинку... Ничего не давит на живот, желудок свободен... Травяной чаек согревает, расслабляет, успокаивает... Дышим, дышим полной грудью... Медленно, мерно... Поблагодарим себя за то, что дали телу много движения... Не смотрели ужасов по ящику... Не читали на ночь газетных новостей... Не зависали за компом... Скажем спасибо за то, что не переедали... Не пили кофе... Не выясняли отношений... Не трещали по телефону... Как хорошо было поработать... подвигаться... потанцевать... принять контрастный душ... Как чудесно будет повторить это завтра... Послезавтра... И всегда... Какие приятные воспоминания... Они превратятся в чудесные сны.. Восхитительные сны... Сигнал тревоги прозвучит в 0 часов 00 минут ... Вот только неизвестно, утра или вечера... А пока спите... Спите...

— Какой еще сигнал тревоги? — сонно подумала Горбунова. — Я его просто не услышу...

Но она услышала. Когда затрезвонил сигнал, она с сожалением открыла глаза — ей снилось что-то очень спокойное и приятное, из чего и выплывать-то не хотелось. Впрочем, она быстро сообразила, что это звонит будильник.

— Как??? Уже утро??? — удивилась Горбунова. — Так я что, действительно спала? Всю ночь???

По всему выходило, что так оно и было.

— Так это что... сон такой был? — озадачилась Горбунова. — Но какой четкий! И старшина этот... Как живой! С усами!

И вдруг она вспомнила, как во сне стояла поз знаменем, сделанным из ее любимой простыни в цветочек, и звонким пионерским голосом давала клятву:

«Перед лицом своих товарищей торжественно клянусь соблюдать правильный режим питания, много двигаться, физически трудиться, избегать негатива, давать себе приятные впечатления и ощущения, и смотреть по ночам чудесные сны! Клянусь!».

— Клянусь! — машинально повторила Горбунова.

Будильник одобрительно звякнул, ухмыльнувшись своим округлым циферблатом со стрелками-усами, словно старшина-вожатый напоследок шепнул ей: «Сон — нормальное состояние здорового человека! Я вас научу любить и ненавидеть!».

— Так точно! Люблю поспать! — с чувством сказала ему Горбунова и помчалась в ванную — под контрастный душ, а потом в жизнь — где больше не было места бессоннице.

Автор: Эльфика

ШОППИНГ, ЛИФТИНГ И ЛЕЧЕНИЕ

Ой, вы знаете, я в традиционную медицину не верю, а верю в торжество науки, которая уже давно доказала, что маги, колдуны и экстрасенсы обладают особенной силой и видят то, чего твой участковым терапевт ни под одним микроскопом не разглядит.

Вот, например, сглаз — его ни в одном медицинском справочнике нет, а бабка одна мне его мигом определила, и даже без УЗИ — так, на глазок.

- Это не простой даже сглаз, а косой, — задумчиво сказала она. — Дооолго снимать придется! Ну, когда я своему муженьку цену вопроса сказала, у него просто глаз выпал. Но бабка меня предупредила, что так и будет, это отражение моего сглаза. Чем больше выпадет, тем сильнее сглаз. Я убедилась: не врала бабка! Очень сильный!

А потом я с подружкой за компанию к одной потомственной колдунье пошла, проверить, как там косой сглаз, до конца прошел или нет. Выяснилось, что сглаз-то прошел, а зато прицепилась порча.

- Сделано тебе, милая, на смерть, — веско сказала колдунья. — Кому-то ты, видать, здорово насолила.

- Как же, знаю, свекровь это моя. Я на прошлой неделе борщ пересолила, так она так на меня зыркнула, что сразу настроение испортилось, — докладываю я.

- Ничего, нейтрализуем твою свекровь. Будет это недешево, зато качественно. Колдунья славно потрудились, порчу от меня отвела, только, видать, переборщила, вместе с порчей и свекровью и мужа нейтрализовала — дезертировал он из семейной жизни. Ну, я не сильно и расстроилась — он мне в последнее время только палки в колеса совал на пути моего саморазвития и решения внутренних проблем. Прямо мракобес какой-то, а не цивилизованная особь!

Но стресс я все-таки получила, и это оставлять было нельзя — а вдруг застрянет? Посоветовали мне замечательного биоэнергета. Он меня как выслушал — сразу подсобрался, серьезный такой стал...

- Ах, как же вы так неосторожно себя стрессанули? Это ж просто бомба замедленного действия, граната неразорвавшаяся! В грудях болит?

У меня «в грудях» не болело, но немедленно засосало, засвербило и гранатой на сердце легло — такая уж я впечатлительная.

В общем, прошла я у биоэнергета целых десять сеансов, пока он мне стресс окончательно не растворил, вместе с квартальной премией. Но он меня уверил, что гарантия качества два года, и я не пожалею.

А тут я заволновалась, что муж-то испарился, а на горизонте никого нет, как же я одна, без гормональной и финансовой поддержки? Я туда, я сюда — кандидатов не предвидится. Ну, я нашла мага — хорошая женщина, знающая. Она как на меня посмотрела, сразу диагноз выставила — «венец безбрачия». А кто бы спорил? Поработать со мной она взялась, но такую сумму запросила, что у меня этот самый венец дыбом встал. Ну, деваться некуда, заплатила. Замуж-то хочется. Она мне сказала, что венец она разрушила, но линии судьбы будут восстанавливаться постепенно, и в течение десяти ближайших лет я выйду замуж. Определенно!

Ну, десять лет срок немалый, я не стала ждать, решила подстраховаться. Тут как раз в наш город приехал белый шаман Пантелеймон, вот я к нему лыжи и наострила. Он на мне обнаружил «пояс целомудрия», который первой чакре дышать совершенно не дает и мужиков от меня отпугивает. Вот уж в точку! Как он с меня этот пояс снимал, я рассказывать не буду — не велено. Но в первый раз я такое огромное удовольствие от лечения получила! Прямо профессор своего дела, даром что шаман! Продул мне все чакры вдоль и поперек, аж жить захотелось!

И ведь знаете — помог он мне! Муж мой беглый вернулся.

- Милая, — говорит, — я теперь твой диагноз точно знаю и готов с ним мириться, потому что это не лечится.

- Какой, — говорю, — диагноз, дорогой?

- «Печать идиотизма», — торжественно он отвечает. — Это не смертельно и даже порой забавно. Кто-то на шоппинг, кто-то на лифтинг, а ты вот — на леченинг. Ничего страшного, бывает. Будем жить!

Я прямо растрогалась вся. Вот дурак дураком, а диагноз точно поставил, надо же! Припала я к его родной груди и простила ему все его невежество и временное отсутствие у семейного очага. Тем более что скоро опять траты немалые предстоят, я уже чувствовала. Ну, печать, ну, идиотизма... Ничего, распечатаем!

Это потому что не верится мне, что «печать идиотизма» — это неизлечимо, и теперь надо поискать специалиста, чтобы с этим разобраться раз и навсегда. Может быть, подскажете адресок? Буду очень благодарна!

Автор: Эльфика

Я НЕ МОЯ БОЛЬ

Раньше я смотрела на людей в депрессии слегка свысока. Неужели нельзя взять себя в руки? Видимо кто-то там наверху решил мне показать, что нельзя. Когда ты здесь внизу, просто нет сил в руках. И в ногах тоже нет. Нигде нет сил. Кто хоть раз познал состояние после операции

или тяжелой болезни, где после двух шагов по стеночке, уже нет сил, тот меня поймет. Да и не хочется ничего делать. Совсем ничего не хочется. За каждым импульсом следует вопрос: «Зачем?».

- Может сходить на пробежку?

- Зачем?

- Чтобы здоровье укреплялось, чтобы мышцы поработали.

- Зачем?

- Чтобы долго жить.

- А зачем?

Зачем долго жить, если все в серых тонах, если ничего не радует, если все восприятия будто в вате. Вроде бы они есть, а вроде бы их и нет.

- Может принять ванну?

- Зачем?

И так постоянно. Сидит во мне какая-то бука и на все «зачемкает».

Прямо злость меня берет иногда в связи с этим. Только и злость какая-то тоже вязкая и тягучая. Вязкая — вот самое подходящее описание депрессии. Будто облили тебя медом густым и каждое движение дается с трудом. Пока отдерешь одну руку от тела, на второй пальцы слиплись друг с другом.

И раз мы про сладкое заговорили, то это единственное исключение к апатии и нежеланию чего-либо. Сладостей хочется всегда. И чем приторнее, тем лучше. Это дает иллюзию, что ты живешь, что есть радость. Пусть хоть и мимолетная.

Мои размышления прервала собака, пора с ней погулять. Необходимость о ком-то заботиться помогала выживать, не позволяла полностью погружаться в апатию. Тебе плохо, но животное в этом не виновато. Благодаря псине хоть немного двигалась. Дошла до парка, присела на лавочку, отпустила собаку поиграть с терьером, который радостно залаял увидев нас.

Когда ходишь в одно и то же место на прогулки, постепенно узнаешь всех собаководов.

Хозяином терьера был дедушка. Сухонький такой и морщинистый, но его осанке можно было позавидовать. Он был улыбчивый и добрый, никогда не кричал на собаку. Чем-то он мне напоминал Старика Хоттабыча, хотя борода была аккуратно пострижена и торчала колышком под подбородком.

- Разрешите присесть рядом с вами? — спросил он. Собаки играли на газоне, я кивнула.

- Простите, у вас что-то случилось? — продолжил он. — Знаю, невежливо лезть с вопросами к чужим, но вы выглядите неважно.

Мне хотелось отмахнуться, мол ничего, просто устала, не высыпаюсь. Однако что-то меня в этот раз остановило.

- Сложно сказать, что случилось. Просто пропала радость, — начала я и задумалась, как объяснить свое состояние пожилому человеку. И стоит ли рассказывать?

- Радость пропала? Хм, интересно, — проговорил дедушка и погладил бороду. — А она была?

- Еще как была. Радовало смотреть на то, как растут дети. Дела по дому приносили удовольствие, работа тоже радовала. С мужем отношения были в радость. Жизнь полная чаша...

- А сейчас пустая?

- Нет, все еще полная, но какая-то безвкусная она стала.

- Когда стала такой? Было какое-то событие?

Прищурив глаза я пыталась восстановить хронологию. Приступы раздраженности были всегда, но это гормоны и ПМС, пару дней и можно опять жить припеваючи.

- У меня был большой план и он сорвался. Потом было тяжело вылезти из тоски, — тихо проговорила я.

- Большой? Интересно-интересно. И это вызвало серость?

- Нет, потом была фаза, где все было вроде бы нормально. Дайте-ка подумаю, где-то месяц назад во время одной медитации я вдруг начала плакать и не могла остановиться. Такая боль разрывала грудную клетку, что казалось я не смогу дышать.

- Боль? С чем она была связана?

Слезы вновь начали наворачиваться на глаза.

- Были некоторые происшествия в детстве, которые я смогла спрятать в самый дальний угол своего сознания. А тут будто потайное дно в сундуке открылось.

Старичок протянул мне платок, я вытерла глаза и улыбнулась увидев, как собаки резвятся. Только улыбка была какой-то кривой, не настоящей.

- Не люблю когда мне мудрости из книжек зачитывают, но позвольте, я это сделаю? «В каждом из нас имеются накопления душевной боли — как из личного так и общего человеческого прошлого. Это тело боли.» Экхарт Толле, «Тишина говорит», — пояснил он показывая обложку.

- Тело боли, — повторила я и вспомнила свою буку «зачемкающую». — А что оно делает, это тело?

- 99 процентов времени просто сидит и ждет, когда покормят. Этому энергетическому полю регулярно нужна подпитка в виде боли. А боль можно вызвать разным: обидой, раздраженностью, озлобленностью, апатией, воспоминаниями. В вашем случае похоже тело наоборот полностью активно.

- Зачем оно есть? — спросила я глотая слезы.

- Зачем? Не знаю. Наверное, если есть радость, должна быть противоположность. Так уж устроен мир.

- Значит все безнадежно?

- Отчего-же? Тело боли пытается овладеть нами, оно даже может вызывать негативные эмоции в окружающих нас людях, особенно в близких.

- А почему у вас не вызвало ничего? Раз оно у меня сейчас чрезмерно активное, — удивилась я.

- Мое тело боли отмирает.

Моя правая бровь выгнулась дугой непонимания.

- Как бы вам это правильно объяснить? — старик зашелестел страницами потрепанной книжки. — Я уже привык к этому состоянию и мне сложно вспомнить, как я начинал. Вот, нашел!

Старичок шевеля губами читал, поднимал глаза вверх, безмолвно повторял и наконец повернулся ко мне.

- Закройте глаза. Понимаю, это не так просто в общественном месте. Но если хотите понять суть тела боли, стоит попробовать, — я послушно прикрыла глаза. — Теперь сделайте глубокий вдох и почувствуйте как воздух проникает в вас. Как он доходит до легких и как с выдохом вас покидает все ненужное. Почувствуйте свое тело и обратите свое внимание во внутрь.

Дыхание стало глубоким, плечи мерно поднимались в такт, живот округлялся и впадал, все мое восприятие было направлено на тело. И тут я почувствовала тепло в груди. Оно расплывалось по всему телу и образовывало вокруг меня что-то сложно поддающееся описанию.

- Вот это ваше внутреннее тело. Вот это вы. А боль это не вы. У вас есть боль. Но вы не являетесь ей, — тихо проговорил старичок.

Я не моя боль — эта мысль пронзила мой разум и он замер. Я не моя боль, повторяла я вновь и вновь. Я это не моя грусть. Я это не моя раздраженность. Я это не моя апатия. Во мне зарождалось какое-то вдохновение, губы расплылись в блаженной улыбке. Вот что значит, абсолютное принятие всего.

- В чем секрет? — спросила я.

- В том, что надо уметь быть в настоящем. Уметь становится наблюдателем. Пока нет достаточного уровня осознанности, пока мы спешим и бежим, чтобы все успеть, нами владеет разум. Мы даем контролировать себя залежами боли. Как только нам становится ясно, что прошлое уже прошло и ничего не изменить, а будущее еще не настало и заботиться нет смысла, мысли перестают прыгать как обезьяны с ветки на ветку и мы перестаем отождествлять себя с телом боли.

- Быть в настоящем — звучит интересно. Наверное это сложно?

- Это дело практики. Вначале часто выпадаешь из этого состояния «Сейчас», потом все чаще и чаще. Извините, мне пора. Разрешите откланяться, меня ждут на кофе, — дедушка галантно поклонился и пошел за собачкой. Моя псина подбежала ко мне и уткнулась носом в ладонь. Пристегнув поводок я пошла домой.

Познания почерпнутые у старичка копошились в голове, втискивались между другими, росли и размножались. Я не моя боль. Я не мои чувства. Значит я и не мои мысли? Значит я

наблюдатель? Если бы кто-нибудь предложил мне золотую середину раньше, я бы ни за что не согласилась. Отказаться от этой бушующей радости? Нет! Теперь я понимала, что после каждого взлета, будет падение. И чем выше летишь, тем сильнее разобьешься. Надо просто научиться наслаждаться этим вот состоянием «Все хорошо». Не поднебесно, не распрекрасно и не ужасно, а просто хорошо. Тихое такое счастье. От него нет всплесков ни вверх ни вниз.

Я не моя боль. Эй ты, бука! Слышишь меня? Я не дам тебе больше власти надо мной. Я не буду с тобой бороться, не буду тебя изживать, я знаю, как от тебя избавится мирным способом. Просто наблюдать за тобой. Смотреть на тебя и говорить, это не я. И ты сама уйдешь. А раз уйдешь из меня, то не сможешь активировать болевые тела в других людях. Им я тоже объясню, откуда боль. И они тоже простятся с тобой. Надеюсь, что простятся... Свободу выбора никто не отменял.

Автор: Кристина Эйхманн.

КОНТАКТЫ НАТАЛИИ КУЧЕРЕНКО

Вайбер/вотсапп - +380993412801

Сайт – ku4erenko.ru

Почта – kontakter23@gmail.com

Фейсбук – <https://www.facebook.com/profile.php?id=100015161501743>

Инстаграмм – kucherenko_sovet

Канал на Ютюб - Психолог Наталия Кучеренко по ссылке -

<https://www.youtube.com/channel/UCVEGkGa15OcXxKbP2nHzCvg>